

история / география / этнография

Олег Ивик

И

стория
и зоология
мифических животных

Ломоносовъ
издательство

Олег Ивик

История и зоология мифических животных

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2012

УДК 392
ББК 63.3(0)
И17

Иллюстрации И. Тибиловой

От авторов

Самые ранние свидетельства существования мифических животных относятся к эпохе верхнего палеолита — именно в это время художники начинают рисовать их на стенах пещер. Одним из первых таких существ на территории нашей страны можно, вероятно, считать дракона из знаменитой Каповой пещеры на Урале — он появился на ее стене около пятнадцати тысяч лет тому назад.

О том, откуда взялись мифические чудовища, существуют разные точки зрения. Например, античный философ и врач Эмпедокл в пятом веке до н.э. видел причину их происхождения в том, что в древности разные части человеческих и животных тел существовали сами по себе:

Выросло много голов, затылка лишенных и шеи,
Голые руки блуждали, в плечах не имея приюта,
Очи скитались по свету, одни, безо лбов сиротея.

Соединяясь друг с другом, эти элементы образовывали чудовищ, в том числе подобных знаменитому Минотавру:

Множество стало рождаться двуликих существ и двугрудых,
Твари бычачьей породы являлись с лицом человека...

Сомневаться в реальности такого рода животных было достаточно трудно: о них повествовали бесчисленные мифы всех народов земли, их подробно описывали не только мифографы, но и географы, историки, путешественники, энциклопедисты... В Средние века они на равных правах с реальными животными наполняют бестиарии — своего рода зоологические справочники. На Руси мифические животные подробно описаны в азбуковниках — предках энциклопедических словарей — и лубочных картинках.

В двадцатом веке животными этими неожиданно заинтересовались биологи. Во всем мире начали издаваться научные работы, посвященные их зоологии, физиологии, способам размножения... В России одним из основоположников новой науки стал доцент кафедры медицинской биологии СПбГМА им. И. И. Мечникова — А. П. Римский-Корсаков. Его дело продолжила профессор, доктор биологических наук О. М. Иванова-Казас — ведущий российский специалист не только по эмбриологии животных обычных, но и по биологии животных мифических. Она ввела в научный оборот термин *mythozoa* (мифозои) по аналогии с *metazoa* (многоклеточные животные) и издала ряд книг и статей, посвященных общим вопросам их изучения.

Не удовлетворяясь уже существующими мифозоями, биологи для обоснования своих построений стали изобретать новые гипотетические существа, играющие роль «промежуточного звена» от одного реально существующего типа животных к другому. Немалый вклад в создание новых мифозоев и в их расселение по планете внесли журналисты.

О мифических животных, их взаимоотношениях с людьми и истории их изучения рассказывает новая книга двух авторов — Ольги Колобовой и Валерия Иванова, — работающих под общим псевдонимом Олег Ивик. Тема этой книги не случайна: авторам неоднократно приходилось встречаться с мифозоями в реальной жизни. Участвуя в археологических раскопках, они находили фигурки мифических живот-

ных в курганах скифского времени. На ролевых играх они вступали с такого рода животными в самый прямой контакт, и одному из авторов довелось однажды сразить пылающей стрелой дракона, который парил на тросе над лесной поляной. Дракон загорелся, прожег трос и упал на траву, едва не устроив лесной пожар, а авторы (будущие) настоящей книги убедились, что в обращении с мифозоями требуется крайняя осторожность.

Одной из основных проблем, с которой столкнулись авторы, оказался вопрос о том, кого из мифических существ следует причислять к мифическим животным (ибо именно животными было решено ограничить рамки книги). Известно множество персонажей, которые, при наличии, например, хвоста или кошачьей головы, являются тем не менее богами и духами, и отнести их к животным было бы некорректно. В то же время существует немало мифических животных, которые по своему строению ничем не отличаются от животных настоящих (например, волк Ивана-царевича), и вопрос о том, найдется ли для них место в настоящей книге, долгое время оставался открытым. А куда отнести искусственных животных, которые издавна обитали в мифах, — например, золотых собак, сооруженных Гефестом для охраны дворца царя Алкиноя? Как собаки они безусловно относятся к животным, как герои мифа — к животным мифическим, как бессмертные существа — к богам, но по материалу, из которого они сделаны, их следует отнести не к мифозоям, а к роботам, причем даже не к биороботам...

Но по мере работы над книгой, вопрос разрешился сам собой. Количество мифозоев, с которыми авторам хотелось поближе познакомиться читателей, оказалось так велико, что для спорных существ места уже не нашлось. Не нашлось его и для многих мифозоев весьма бесспорных, ибо их количество почти бесконечно, и для жителей некоторых мифологических систем в книге попросту не нашлось места. Авторы проявили волюнтаризм и решили ограничиться рамками тех культур, которые им наиболее интересны и знакомы (или кажется, что знакомы).

Поскольку книга эта предназначена для чтения и справочником не является, авторы позволили себе упростить

некоторые специальные вопросы истории и особенно — экологии и физиологии мифозоев. При цитировании исторических документов авторы намеренно убрали скобки, которыми отмечены сомнительные или темные для перевода места, — таким образом текст, без изменения его смысла, стал легче читаться. Хочется верить, что эти и другие подобные упрощения не вызовут нареканий со стороны серьезных читателей, — им авторы рекомендуют обратиться к списку использованной литературы, приведенному в конце книги, и изучить вопрос по более солидным источникам.

Авторы благодарят участника 54-й Российской Антарктической экспедиции, биолога В. Л. Сёмина, который проконсультировал их по некоторым сложным вопросам классификации мифозоев, в частности кентавров и драконов. Он же внес ясность в проблему «переворачивателя пингинов», объяснив, что это существо, о котором повествует фольклор антарктических экспедиций, является не мифическим животным (как ошибочно утверждают некоторые весьма уважаемые авторы), а профессией (правда, столь же мифической и проистекающей из уверенности профанов, что пингины, задирающие голову для обзора самолетов и вертолетов, падают на спину и уже не могут перевернуться обратно). В результате книга лишилась весьма занимательного мифозоя, но зато приобрела более строгий научный характер.

Авторы также благодарят кандидата филологических наук, сотрудника Института восточных культур и античности РГГУ Д. О. Торшилова за разъяснение спорных мест в текстах античных авторов и за консультации по поводу личной жизни Ехидны.

О том, кого в Древнем Египте можно и кого нельзя отнести к мифическим животным, авторы настоящей книги вели долгие и бесплодные споры. С одной стороны, беременная самка бегемота, имеющая женские руки и грудь и задние лапы (а иногда и голову) льва, безусловно относится к таковым. Но с другой стороны, существо это, по имени Таурт, было богиней, причем богиней, придерживающейся самого гуманистического мировоззрения — она покровительствовала женщинам и детям, помогала при родах и лечила от бесплодия, и назвать ее животным — значило бы проявить к ней крайнее неуважение. Бог Тот имел голову ибиса, но голова эта была полна ученых мыслей и высоких помыслов: он покровительствовал писцам и врачам, создал письменность и календарь, научил людей счету, ведал архивами и библиотеками и считался автором некоторых священных книг, что для животных, даже и мифических, не вполне характерно. Список этот можно продолжать почти до бесконечности — едва ли не все боги Древнего Египта имели или животный облик, или, по крайней мере, голову животного. Так, Хнум, который ведал плодородием, оберегал истоки Нила и слепил из глины людей (а по некоторым данным — и весь

мир), в древности имел внешность барана; позднее, приобретя человеческое тело, он навсегда сохранил баранью голову. Такую же голову носил на плечах и Амон — бог солнца и одно из верховных божеств Египта. Другой бог солнца, Ра, принимал облик кота (впрочем, коты были не только любимы, но и высоко почитаемы в Египте); он же изображался человеком с головой сокола. Осирис, научивший людей зачаткам цивилизации (землепашеству, виноградарству, добыче металлов, врачебному искусству и градостроительству), имел голову ястреба (и соответственно птичьи мозги), что не мешало ему отправлять обязанности судьи загробного мира. Его сын Гор имел голову сокола, а ближайший помощник Осириса в делах загробного судопроизводства, бог Анубис, — голову шакала (иногда этот покровитель умерших полностью принимал облик шакала). Жена Осириса Исида могла изображаться в виде коровы. Была известна египтянам и другая корова — богиня неба Хатор. Брат и убийца Осириса, бог пустыни Сет, имел ослиную голову. Бог воды Себек имел облик (или, по крайней мере, голову) крокодила, богиня войны Сехмет — голову львицы, богиня радости и веселья Баст — голову кошки...

Все эти боги обладали немалым могуществом и не чуждались культурных ценностей (например, Баст была музыкальна и играла на сестре), поэтому авторам настоящей книги пришлось сделать над собой некоторое усилие, чтобы посчитать их мифозоями. Впрочем, если с точки зрения биологов человек — это тоже животное, то и боги, вероятно, должны быть отнесены к той же категории. Во всяком случае, доктор биологических наук О. М. Иванова-Казас относит всех перечисленных богов именно к ним, а точнее, «к разным семействам отряда *Zocephala*». Авторам настоящей книги осталось лишь подчиниться мнению профессионала и посвятить египетским богам-зооцефалам пару абзацев (что они и сделали).

Но были в Египте и существа, которых без всяких сомнений можно назвать именно мифическими животными. Некоторые из них обладали могуществом и бессмертием и даже на равных вступали в битвы с богами, но полное отсутствие антропоморфных черт и гуманистических устремлений ста-

вят эти создания на свое место в сложной иерархии богов, людей и мифозоев. И прежде всего в этой связи надо сказать о гигантском змее *Апопе*, который ежедневно, хотя и не слишком успешно, сражался с богом Ра.

Началась эта история достаточно давно — в те времена, когда Ра утвердился на земном престоле (ранее, сразу после возникновения мира, он обитал на небе). Извечный враг солнца, змей Апоп, напал на солнечного бога, надеясь свергнуть его с трона. У Апопа были реальные шансы на победу, поскольку он представлял собой истинного гиганта длиной в 450 локтей, но Ра оказался сильнее. Апоп был тяжело ранен, после чего нырнул в воды Нила и отправился в Дуат — подземное, оно же загробное, царство египтян, по которому протекал подземный Нил — продолжение Нила земного и Нила небесного (эта система трех рек являлась основой мироздания). Но случилось так, что через некоторое время Ра решил отказаться от земной власти, сам же начал совершать ежедневные плавания на Ладье Вечности по замкнутому руслу небесного и подземного Нила, даря тепло и свет: днем — миру живых, а ночью — царству мертвых. Теперь Ра приходилось ежедневно (точнее, еженощно) сталкиваться со своим врагом. Что же касается Апопа, то поражение ничему не научило поверженного змея, и он взял в обычай еженощно вступать в битву с солнечным богом в долине подземного Нила. Существовало мнение, что Апоп, завидев плывущую ладью, выпивает из реки всю воду, после чего накидывается на судно, застрявшее в речном песке. Но боги, сопровождающие Ра, отбивают нападение и заставляют злодея извергнуть воду обратно.

Иногда Апоп не довольствуется ночным мародерством и днем выбирается для этого на небо — тогда над Египтом сгущаются тучи, а из пустынь прилетает горячий ветер. Если же Апопу удастся проглотить божественную ладью вместе с ее хозяином, наступает солнечное затмение. Впрочем, победа Апопа бывает лишь временной, и бог Ра снова появляется на небе.

Судя по его поведению, Апоп, которого вот уже в течение по крайней мере шести тысяч лет ежесуточно побивают за нападение на Ра (существует рисунок, где его даже

порубают на куски), представляет собой достаточно низкоорганизованное животное, способное к саморегенерации, но неспособное к закреплению условных рефлексов. Можно, конечно, допустить, что современные солнечные затмения вызываются другими причинами и что деятельность Апопа прекратилась почти две тысячи лет назад с христианизацией Египта. Но и в этом случае упрямый змей ежедневно нападал на своего противника много тысяч лет подряд, пока на землях Египта правили боги — преемники Ра, а затем фараоны-люди, а бог Ра совершал свои регулярные плавания.

Апоп — не единственный змей, с которым довелось сражаться богу Ра. Однажды ему пришлось, приняв обличие кота, биться с гигантским разноцветным змеем под священной сикиморой Гелиополя. Змея звали *Ими-Ухенеф*. Египетская «Книга мертвых» сообщает, что он претендовал на власть в городе солнца и поначалу хотел решить дело в цивилизованном порядке — «судился с богом Ра о разделе Гелиополя». Авторам настоящей книги не известно, чем кончился судебный процесс и кому был присужден спорный город. Во всяком случае, решение суда не устроило по крайней мере одну из сторон, и дело кончилось поединком. Этот противник оказался хотя и сильным, но, в отличие от Апопа, смертным, и Ра одержал над ним убедительную и окончательную победу.

Но для того, чтобы восстановить репутацию мифических змей Египта, надо отметить, что далеко не все они были злокозненными существами. Более того, эти ненавистники бога Ра были скорее исключением. Так, гигантский змей, по имени *Мехен-та*, плавал вместе с солнечным богом в его ладье специально для того, чтобы отбивать нападения своего сородича Апопа. Богиня-змея *Мерит-Сегер* охраняла гробницы Фиванского некрополя. Змей по имени *Страж Пустыни* стерег ворота Дуата. Огнедышащие змеи в числе прочих чудовищ стояли на страже у каждого ворот, разделявших все двенадцать долин подземного Нила. И наконец, самый огромный змей лежал на выходе из Дуата, выполняя роль шлюза там, где подземный Нил перетекал в Нил небесный. Для того чтобы выйти на поверхность, Ра (а рав-

но и сопровождающим его в своих ладьях фараонам) приходилось заплывать в утробу чудовища — из нее они поднимались на востоке, начиная путь по небу.

Помимо богов-зооцефалов и разного рода змей, в Древнем Египте обитало не так уж много мифозоев — условия для них здесь были неподходящими. Густо населенная долина Нила была местом открытым и лишенным таинственности. Здесь не было ни дремучих лесов, ни глубоких озер, ни недоступных горных вершин, где любят селиться мифозои, а окружавшие Египет пустыни, в общем, мало интересовали египтян... Не встречая в долине Нила мифических животных с необычным строением и повадками, египтяне с избытком возмещали этот недостаток местной фауны обожествлением животных вполне реальных. В разных районах страны жители поклонялись коровам, ибисам, крокодилам, львам, шакалам...

Но была в Египте (точнее, под Египтом) местность, где мифозои водились в достаточном количестве, — это долина подземного Нила, или Дуат. В далекой древности места эти были почти не населены и не исследованы; известно было лишь, что Ра ежесуточно проплывает здесь на своей ладье. Постепенно эти территории стали заселяться умершими египтянами, но загробная жизнь по крайней мере до конца третьего тысячелетия полагалась лишь фараонам, их вельможам и слугам тех и других. Причем гробницы, в которых обитали умершие, являли собой вполне автономные усадьбы, снабженные всем необходимым для жизни. Предполагалось, что египтянин, удостоившийся права на гробницу, живет в ней всеми своими душами и мумией — безбедно, но и почти безвыходно, покидая дом вечности лишь для того, чтобы поприветствовать бога Ра, плывущего на своей ладье. Ни о каких далеких путешествиях по Дуату речь не шла, не шла она и о загробном суде — все те, кто был похоронен с соответствующими церемониями, могли рассчитывать на бессмертие до тех пор, пока целы их мумии, статуи или по крайней мере изображения на стенах гробниц.

Таким образом, если долина подземного Нила и была населена какими-либо животными, они мало кого волно-

вали. Но на рубеже третьего и второго тысячелетий до н.э. в загробном мире Египта произошли значительные изменения: попадание сюда теперь не было гарантией вечной жизни. Богом Осирисом в Дуате, на так называемом Огненном острове, было создано судилище, где разбирали «дело» каждого покойного и решали, достоин он бессмертия или нет. Огненный остров, где заседал Осирис со своими помощниками, находился отнюдь не у входа в Дуат, туда надо было еще добраться.

Позднее, к середине второго тысячелетия, в загробном мире произошли мощные демократические преобразования, в результате которых путь в Дуат стал доступен практически каждому, кто хоть как-то позаботился о сохранности своего тела или хотя бы заменяющей его фигурки. И теперь каждый египтянин знал, что после смерти ему предстоит долгая и трудная дорога, полная опасностей. Выяснилось, что на пути к Огненному острову водится множество чудовищ, которых следует остерегаться. Жрецы стали составлять для умерших инструкции, в которых подробно описывали и сам путь, и разного рода опасности, вроде озер пламени, расположенных на пути. Естественно, что в поле их зрения попали и мифозои, которые могли растерзать умершего еще до того, как он попадет на суд и будет признан «правогласным» — то есть достойным вечной жизни и пользующимся охраной и поддержкой богов. Сначала инструкции писались на стенках саркофагов (сегодня собрание эти «путеводителей» образует так называемые «Тексты саркофагов»), но потом стало ясно, что, во-первых, там много не поместится, а во-вторых, что в минуту опасности текстом, написанным, например, на внутренней стороне третьего по счету саркофага (они вкладывались друг в друга как матрешки), пользоваться не слишком удобно. И тогда для создания путеводителей стали использовать папирус. Сегодня папирусы эти, собранные археологами, составили «Книгу мертвых» — это название ей дал немецкий египтолог Карл Лепсиус.

В «Текстах саркофагов» и в «Книге мертвых» подробно, с картами и рисунками, со шпаргалками правильных ответов на вопросы судей, описано все то, что надо было знать путешественнику по загробному миру Египта. Естественно, что

здесь же описаны и те животные, которые представляли наибольшую опасность. Среди них можно отметить крокодилов, которые водились в подземном Ниле точно так же, как и в обычном, и бегемотов, которые представляли совершенно особую популяцию, опасную не только для покойных, но и для богов (наземные бегемоты ни для тех, ни для других опасности не представляют). Обитали в Дуате и животные, не имеющие аналогов в наземном мире. Так, в самом начале пути покойного поджидал вооруженный ножом страж-крокодил с головой барана, носивший длинное имя «*Тот, кто отражает оскверненного*», — его задачей было не пропустить в сторону Огненного острова тех, чьи прегрешения заведомо не давали им права на суд Осириса. Водился здесь и некий «*Пожиратель ослов*» — кто он такой и как выглядел, авторы настоящей книги установить не смогли, но он, судя по всему, мог сожрать не только осла, но и покойного египтянина, пробиравшегося на Огненный остров с заветным папирусом в руке. Очень опасен был и «*Поглотитель миллионов*» — для того чтобы избежать встречи с ним, покойный должен был произнести следующую молитву:

«О Ра-Атум, владыка Великого Дома, Властелин всех богов, живой, невредимый и здоровый! Избавь (имярека) от этого бога, чье лицо — морда борзой, но чьи брови — человечьи и который живет жертвами. Он из тех, кто у изгибов озера пламени, кто глотает тела и похищает сердца-хат, кто наносит раны, будучи невидимым. Кто это? Его имя — Поглотитель миллионов».

Кроме того, здесь обитали змей с головой шакала, демон-птица, вооруженная ножом, люди со скарабеями вместо голов... Чтобы защитить себя от чудовищ, населявших долину подземного Нила, некоторые особо предусмотрительные египтяне брали с собой в дорогу целые вооруженные отряды. Например, номарх Месетхи, умерший в конце третьего тысячелетия, отправился в Дуат во главе восьмидесяти воинов-статуэток: по сорок копейщиков и лучников-нубийцев. Но после того, как заветный остров был достигнут и египтянин предавал себя в руки судейских коллегий, впереди у подсудимого маячила последняя, самая страшная опасность — в случае обвинительного приговора преступника отдавали на

съедение чудовищу по имени *Амт* (*Аммат*). Это было существо с телом гиппопотама, лапами и гривой льва и пастью крокодила. Тот, кто был им съеден, умирал уже окончательно. Тем же, кого судилище оправдывало, никакие чудовища уже не были страшны.

Говоря о Египте, нельзя не упомянуть такого мифозоя, как *сфинкс*. Но надо отметить, что это замечательное животное, которое мы привыкли ассоциировать с долиной Нила и пирамидами, в самом Египте было далеко не так популярно, как в Европе, и даже слово «сфинкс» — греческое. Египетские сфинксы, в отличие от единственного греческого, не имели крыльев. Это были животные с телом льва и головой человека, или барана, или сокола — соответственно в наше время их называют андросфинксы, криосфинксы и хиеракосфинксы. Их статуи можно видеть по всему Египту, самая знаменитая и гигантская находится в Гизе. Но, несмотря на внушительность и многочисленность их изображений, сами сфинксы не сыграли в истории и мифологии Египта такой выдающейся роли, какую сыграл один-единственный Сфинкс, задававший людям загадки неподалеку от греческих Фив. Впрочем, к этому выдающемуся мифозою мы еще вернемся в соответствующей главе, а пока обратимся к другим соседям египетских богов, чудовищ и сфинксов — соседям хотя и не ближайшим с точки зрения географии, но очень близким по времени существования. И поговорим о мифозоях, обитавших некогда в древней Месопотамии — там, где, пересекаясь друг с другом, завоеывая и сменяя друг друга, возникали и рушились царства Шумера и Аккада, империи Ассирии и Вавилона...

В Двуречье с древнейших времен обитало огромное количество безымянных мифозоев, составленных из разных частей обычных животных. Сегодня уже трудно сказать, были ли это существа с устойчивыми признаками, передающимися из поколения в поколение, и имеющие каждое — свое название и свою мифологию, или же бурная фантазия древних художников Месопотамии вызывала к жизни все новые и новые формы каждый раз, когда они брались за резец. Многие из этих животных обитали не столько в мифах и легендах, сколько на изображениях, особенно на печатях,

которые были очень популярны у древних шумеров и аккадцев, — здесь орлиные тела увенчаны львиными головами, у людей, имеющих львиные бедра и ноги, хвосты заканчиваются головами змеи, быки, выступающие на задних лапах, имеют мужские торсы и руки, а у тривиального козла оказываются две головы...

Эта традиция формирования мифозоев продолжалась на протяжении тысячелетий. Например, в построенном ассирийским наместником города Ур в седьмом веке до н.э. храме богини Нингал под полом были установлены многочисленные кирпичные коробочки (своего рода «собачьи будки»), в каждой из которых обитало небольшое существо, слепленное из глины и раскрашенное. Среди них — не только люди, собаки и змеи, но и грифоны, человеческие фигуры со львиными или бычьими головами, люди с ногами быков, рыбы с головами людей... Жили сторожа тесновато, но кормили их, видимо, исправно — археологи нашли перед каждой статуэткой зерна ячменя и косточки мелких животных. Поскольку храм этот был построен на месте прежнего храма, посвященного той же Нингал, ученые допускают, что и сторожа перешли на новое место жительства из старого храма и что, возможно, они жили в подполье с незапамятных времен.

Но обитали в Месопотамии и мифозои гораздо более значимые. На одной из табличек, найденных в библиотеке Ашшурбанипала, одного из последних царей Ассирии, рассказывается о том, какие катаклизмы происходили в мире в те далекие времена, когда два поколения богов — старшее и младшее — боролись за власть. В частности, после того, как юные божества уничтожили прародителя Апсу (надо признать, что сделали они это не без оснований), вдова убитого, праматьер Тиамат, с помощью некой Хубур (возможно, воплощение самой же Тиамат) породила для борьбы с собственными отпрысками целое поколение чудовищ.

Матьер Хубур, что все сотворяет,
Неотвратимое множит оружие, исполинских делает змеев!

Остры их зубы, их клыки беспощадны!
Она ядом, как кровью, их тела напитала,

В ужас драконов свирепых одела,
 Окружила нимбами, к богам приравняла.
 Увидевший их — падет без силы!

Если в битву пойдут, то уже не отступят!
 Гидру, Мушхуша, Лахаму из бездны она сотворила,
 Гигантского Льва, Свирепого Пса,
 Скорпиона в человеческом обличье,
 Демонов Бури, Кулилу и Кусарикку.
 Безжалостно их оружие, в битве они бесстрашны!

Могучи творенья ее, нет им равных!
 И еще сотворила одиннадцать этим подобных!

Все это очень напоминает историю о том, как греческая богиня земли Гея порождала чудовищ для разрешения конфликта отцов и детей, бушевавшего в мире античных богов. Впрочем, можно допустить, что одни и те же события были описаны мифографами Греции и Ассирии с некоторыми незначительными расхождениями. Но к Гее и ее злополучным отпрыскам, многие из которых пали безвинными жертвами войны поколений, авторы настоящей книги еще вернутся в главе «Порождения Геи»... Так или иначе, и в Междуречье Тигра и Евфрата, и в Греции победила молодость. Но если Гея попросту отошла от дел, то в месопотамском варианте Тиамат была убита юным Мардуком, который рассек ее на части и сотворил из них землю и небо. Что же касается самих чудовищ, среди них особо прославился *Мушхуш* (он же Мушруш, или *Сируш*). Его многочисленные сородичи, изваянные на изразцовых плитках, позднее охраняли ворота Вавилона. Они имели чешуйчатое тело, змеиную голову, увенчанную рогами, и змеиный же хвост. При этом сируши твердо стояли на своих четырех лапах, из которых передние были лапами льва, а задние — орла.

Другая история, связанная с массовым порождением мифозоев, произошла позднее, уже в историческое время, и связана она с Гильгамешем, легендарным царем города Урук, правившим в конце XXVII — начале XXVI веков до н. э. Царь решил отправиться в горы Ливана и вырубить кедровый лес, охраняемый чудовищным *Хувавой* (*Хумбабой*).

Почему благородный Гильгамеш решил прославить свое имя вырубкой замечательного леса (никаких хозяйственных целей он при этом не ставил) и убийством его сторожа, авторам настоящей книги не вполне понятно. Так или иначе, царь заявил:

В горы пойду, добуду славы!
Среди славных имен себя прославлю!

Он делится своими планами с богом солнца Уту, и тот в помощь герою порождает целую плеяду чудовищ:

Уту мольбам его внял благосклонно,
Как благодетель оказал ему милость:
Семь дивных героев, порождение единой матери;
Первый — старший брат, лапы льва и когти орла у него,
Второй — змея ядоносная, пасть разрезающая...
Третий — змей-дракон, змей яростный,
Четвертый — огонь поедающий...
Пятый — дикий змей удушающий...
Шестой — поток разрушающий,
Горы и скалы разбивающий,
Седьмой — скорпион жалящий, пути назад не ведающий.

Впрочем, мифозои эти никак не проявили себя в день решающей битвы — Гильгамешу и его соратнику, по имени Энкиду, пришлось самим сражаться с Хувавой. Этот лесной сторож был многоногим и многоруким существом не вполне понятного вида, окруженным лучами — они же древесные ветви. Кроме того, известно, что

Лик Хувавы подобен змее,
Что в винограднике свернулась!

Но ни многочисленные конечности, ни замечательные, хотя и непонятные лучи не помогли злополучному стражу. Он был побежден царем Урука и напрасно молил о пощаде — Энкиду отрубил несчастному голову.

Другими мифическими животными, с которыми довелось пообщаться знаменитому царю Урука, были *люди-скорпионы*,

охранявшие ворота преисподней. Название это сохранил до наших дней эпос о Гильгамеше, но, судя по сохранившимся изображениям, эти загадочные существа имели не только туловище и хвост скорпиона, увенчанные человеческой головой, но и птичьи крылья, и лапы хищного животного. Несмотря на свой устрашающий вид, эти животные были разумны, владели человеческой речью и имели с Гильгамешем содержательную беседу.

Из остальных мифозоев шумеро-аккадского пантеона можно отметить крылатых львов (или быков) с мужской головой и пятью ногами. Некоторые из них назывались *ламассу* (или *лама*) — это были духи-хранители, имевшиеся у каждого человека. Несмотря на мужские головы, считалось, что ламассу — женского пола; они были связаны с культом плаценты. Такой же вид имели и *шеду*, которые тоже играли роль духов-покровителей и изображались точно так же, в том числе и с пятью ногами. Признаться, авторы настоящей книги не вполне поняли разницу между ламассу и шеду — некоторые весьма уважаемые источники считают, что это разные названия одного и того же существа, другие, не менее уважаемые, различают их. Так или иначе, со своими охранными функциями ламассу (или шеду) справлялись, видимо, неплохо, потому что, когда в Месопотамии воцарились ассирийцы, они ввели традицию устанавливать изображения пятиногих крылатых быков и львов с человеческими головами по сторонам дворцовых ворот, как защиту от злых духов.

Защита эта была отнюдь не лишней, поскольку злые духи, тоже, как правило, имеющие облик мифозоев, в Месопотамии водились во множестве. Среди них была, например, львиноголовая женщина *Ламашту*, насылавшая болезни и похищавшая детей. Хотя она и считалась демоном женских болезней, материнский инстинкт был не чужд Ламашту — обыкновенно она изображалась, как кормящая мать, но к груди львиноголовая демоница прижимала не ребенка, и даже не львенка, а свинью и собаку.

У Ламашту был супруг по имени *Пазузу*. Он повелевал демонами ветров, сам же в основном ассоциировался с западным ветром, приносящим болезни и эпидемии. Тело

у Пазузу было более или менее человеческим, но его могла покрывать чешуя. У него росли две пары крыльев, ноги Пазузу позаимствовал у орла, а хвост — у скорпиона; мордой он походил на льва или собаку, а пенис имел змеевидный. Несмотря на столь несимпатичную внешность и явную зловредность, Пазузу приносил людям немалую пользу — он один умел изгонять свою супругу обратно в преисподнюю. Ламашту, видимо, боялась мужа, чем и пользовалось население Месопотамии, помещая изображения Пазузу на защитных амулетах.

Возможно, именно Месопотамия была родиной знаменитых мифозоев, распространившихся впоследствии по всему миру, — *грифонов*. Слово «грифон» — достаточно многозначное, современные искусствоведы обозначают этим термином многих животных, сочетающих животные и птичьи черты. Но чаще всего так называют льва, имеющего орлиную голову и крылья, или, по крайней мере, существ с признаками льва и орла сразу. Встречаются грифоны, имеющие львиную голову и орлиные крылья, у некоторых могут быть орлиные передние лапы...

Исходя из такого определения, можно предположить, что первые грифоны — крылатые львы с головой орла (а иногда и со второй, дополнительной орлиной головой на кончике хвоста) и столь же крылатые львы, но с передними лапами орла — появились в Ассирийском царстве и в Вавилоне. В шестом веке до н. э. земли Месопотамии были завоеваны персами-зороастрийцами. У персов, возможно не без влияния покоренных жителей Междуречья, появились свои грифоны — к их львиному туловищу крепились задние ноги орла, голова же могла быть любой, и львиной, и орлиной.

Персы принесли в Месопотамию и своих собственных мифических животных, родившихся в недрах зороастризма; многие из них обеспечивали порядок в системе мироздания. Так, было известно, что в самом центре мирового океана стоит пречистый белый осел *Хора*. От обычных представителей семейства лошадиных он отличается прежде всего своими размерами: под каждым из его копыт может поместиться тысяча всадников, а когда Хора окунается в воду, начина-

ется шторм. Кроме того, осел замечателен тем, что у него три ноги, шесть глаз и один золотой рог, на котором растет тысяча рожек поменьше. Такое количество рожек связано с тем, что ими уникальное животное убивает злых духов — дэвов, которые, стараниями Ахримана (Ангхро Майнью), олицетворения мирового зла, во множестве расплодились в мире. Что же касается существ полезных, то Хора сам способствует их размножению: когда он кричит, у них начинается брачный период. В одном из канонических зороастрийских текстов, «Дадестан-и Меног-и Храд» («Суждения Духа разума»), о выдающемся животном также говорится, что оно служит природоохранным целям: «...и всякую воду, которая льется на труп, менструальные выделения и другие экскременты, когда они достигают трехногого осла, — он все своим взглядом очищает и освящает». Согласно другой версии, очищение вод происходит, когда Хора мочится, — видимо, не только сам осел, но и его моча обладает замечательными качествами. Интересно, что хотя для трехногого осла свойственны телесные отправления, в пище он не нуждается. Жизненную силу в нем поддерживают Атар (одна из священных стихий и нематериальная субстанция, разлитая по Космосу) и Истина (вселенский закон, регулирующий природные и общественные процессы).

Здесь же, в мировом океане, называемом Варкаш, или Ворукаш (некоторые считают его озером), растет Хома, или Хаома, — дерево бессмертия и царь лекарственных растений. Того, кто вкусит от его плодов, не коснутся старость и смерть. Естественно, что злокозненные порождения Ахримана зарятся на замечательное дерево, поэтому «99 999 душ праведных назначены для его охраны, а рыба *Кара* все кружит вокруг него и охраняет его от лягушек и других вредных тварей». Рыба эта замечательна прежде всего тем, что она, как и Хора, может обходиться без еды, — впрочем, возможно, у нее нет другого выхода, ибо в пречистом мировом океане по некоторым данным нет ничего съедобного (вероятно, лягушки и прочие порождения Ахримана не годятся в пищу для столь праведного существа).

На берегу мирового океана живет другое, столь же полезное, животное, называемое *Гонатшах*. «Дадестан-и Меног-и

Храд» сообщает: «...От ног до пояса он — бык, а от пояса и выше — человек. Он всегда находится на берегу моря, почитает богов и льет в море святую воду, из-за чего, благодаря возлиянию этой святой воды, в море дохнут бесчисленные вредные твари. Так что, если, не дай бог, он не будет почитать богов и лить в море святую воду, чтобы уничтожались эти бесчисленные вредные твари, то всегда, когда будет идти дождь, вредные твари будут падать сверху, подобно дождю».

Имеются у зороастрийцев и животные, покровительствующие растениеводству. Среди них надо прежде всего отметить крылатого пса *Сенмурва*, обитающего на некоем «всеисцеляющем дереве», на котором произрастают семена всех растений мира. По одним данным, дерево это и есть Хаома, по другим — это растущее рядом с Хаомой «Дерево Всех Семян» — Виспобиш. Согласно «Дадестан-и Меног-и Храд», «гнездо Сенмурва находится на всеисцеляющем дереве со многими семенами, и всегда, когда Сенмурв поднимается, тысяча ветвей вырастает из этого дерева, а когда он садится, то ломает тысячу ветвей и раскидывает его семена. А птица *Чинамрош* всегда сидит рядом, и ее задача в том, чтобы разносить семена этого всеисцеляющего дерева со многими семенами».

Главой всех зороастрийских пернатых является птица *Каршипта*. Она славит благого бога Ормазда (Ахура Мазду), распевает гимны и обучает остальных птиц заповедям Авесты — священной книги зороастрийцев.

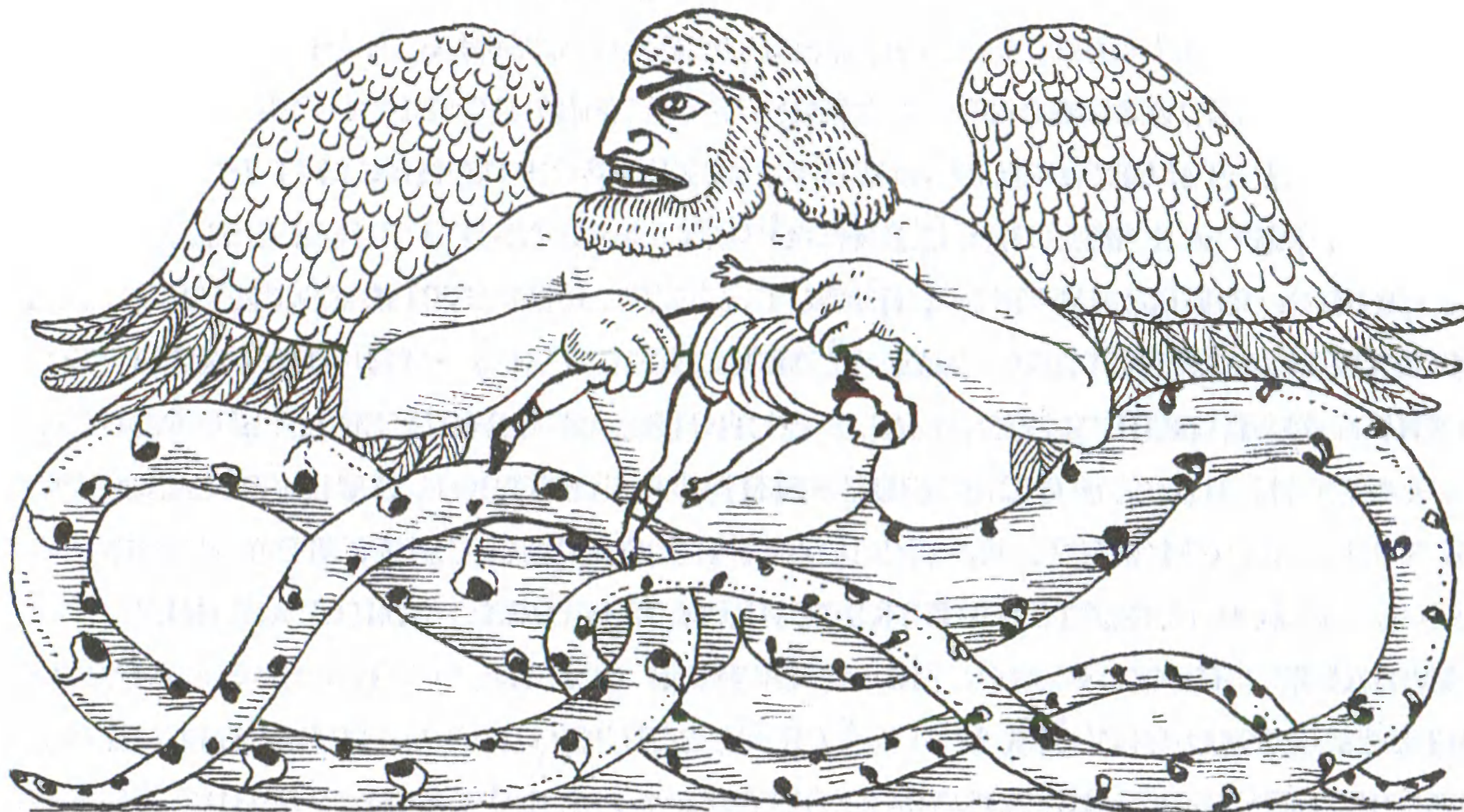
Но не все мифозои зороастризма служат на благо экологии и благочестия — попадают среди них и весьма злокозненные животные. Среди последних надо прежде всего отметить *ажи* — драконов, порожденных Ахриманом. Самым знаменитым из них является, безусловно, *Ажи-Дахака* — трехголовое чудовище, описанное в «Авесте» и во многих других текстах. Дракон этот уже был по крайней мере дважды побеждаем героем (возможно, богом), по имени Траэтаона (или Фретон), но поражения ничему не научили упорного змея. Некоторое время назад он был прикован цепями в жерле вулкана, где, вероятно, и пребывает по сей день. Но известно, что перед концом мировой истории Ажи-Дахака

вырвется из оков и вновь воцарится над миром. Впрочем, торжество его будет недолгим, и не вполне понятно, почему дракон так к нему стремится. Из священных книг доподлинно известно, что ему суждена неминуемая смерть — он будет вновь повержен героическим Керсаспой, на чьем счету уже числится немало самых опасных зороастрийских драконов.

Одним из чудовищ, которых Керсаспа успел победить к сегодняшнему дню, был гигантский ядовитый рогатый змей *Сэрвар* (он же *Сровар*, или *Срувар*), имевший зубы длиной с человеческую руку, уши «величиной в четырнадцать одеял» и каждый глаз «величиной с колесо». Змей опустошал земли праведных зороастрийцев, пожирая людей и животных, и Керсаспа отправился на поиски хищника. Он долго искал дракона и, утомившись, разжег костер на холме, чтобы приготовить обед. Вдруг земля заколыхалась, и выяснилось, что герой устроил привал на теле своего противника. Надо отдать должное Керсаспе — разобравшись в ситуации, он пренебрег обедом и пустился бежать по телу дракона в сторону его головы. Бежать пришлось целых полдня, но в конце концов герой достиг шеи и снес голову дракона (по счастью, она была единственной) ударом палицы. Осмотрев после победы пасть уникального змея, Керсаспа обнаружил в ней множество человеческих трупов, застрявших между зубов.

Этот, равно как и другие подвиги Керсаспы, дают основания надеяться, что он в точности исполнит пророчества священных книг и победит злокозненного Ажи-Дахаку в дни решающей битвы между Добром и Злом.

Порождения Геи

Первыми животными греческой вселенной можно, с определенными натяжками, назвать братьев-гекатонхейров — Котта, *Бриарей* (Гомер уточняет, что люди, в отличие от богов, зовут его Эгеоном) и Гиеса, родившихся от Геи-земли и Урана-неба. Подробное описание их приводит Гесиод в «Теогонии»:

Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый
Около плеч многомошных, меж плеч же у тех великанов
По пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких.
Силой они неподступной и ростом большим обладали.

Сами братья, вероятно, считали себя богами, а может быть, и титанами — с этим именем вошло в мифологию поколение богов, рожденных от Урана и Геи. Но современная наука расставила точки над *i*. Доктор биологических наук О. М. Иванова-Казас, несмотря на высокое происхождение гекатонхейров и их определенную гуманоидность (она относит их к классу *Anthropomorpha* — человекообразные), тем не менее причислила божественных братьев к древовидным колониям многоклеточных животных, отдельные

особи которых (зооиды) сохраняют органическую связь друг с другом. Биолог предположила, что у гекатонхейров, помимо пятидесяти голов, существовал еще и некий координирующий нервный центр, расположенный в области таза. Но такое обилие мозгов не делало чудовищ умнее, а, наоборот, приводило к замедленности реакций — головам было трудно договориться между собой. Известная поговорка гласит: «Ум хорошо, а два лучше», но к пятидесяти умам сразу эта мудрость явно не относится. Примером тому — печальная судьба гекатонхейров, которые, в отличие от своих родных братьев и сестер, так и не смогли выйти «в боги» и навеки остались в подземном мире на положении сторожевых животных.

Братьев и сестер у гекатонхейров было множество, в том числе и таких, которые заняли в сонме богов очень высокое положение. Их мать Гея без участия мужа — «ни к кому не всхлотивши на ложе» — родила «море бесплодное, Понт» и многочисленных нимф. От собственного сына Урана она родила двенадцать титанов, среди которых можно отметить «глубокий Океан», богиню памяти Мнемосину, богиню правосудия Фемиду, а главное — будущих владык мира, хитроумного Крона и его супругу Рею. Но дети Урана были, по сообщению Гесиода, «отцу своему ненавистны с первого взгляда». Злокозненный Уран, стоило очередному ребенку появиться на свет, немедленно заточил его в недрах земли, при этом мук совести преступный отец не испытывал, а, напротив, «злодейством своим наслаждался»... Не избегли общей участи и несчастные гекатонхейры.

Ко Бриарею, и Котту, и Гиесу с первого взгляда
 В сердце родитель почуял вражду и в оковы их ввергнул,
 Мужеству гордому, виду и росту сынов удивляясь.
 В недрах широкодорожной земли поселил их родитель.
 Горестно жизнь проводили они глубоко под землею,
 Возле границы пространной земли, у предельного края,
 С долгой и тяжкою скорбью в душе, в жесточайших страданиях...

Через некоторое время титаны, подстрекаемые Геей, свергли своего жестокосердного отца. Убить Урана они не могли, поскольку он был бессмертен, но Крон лично оско-

пил его и отнял у отца власть над миром. Титаны вышли из недр земли, но гекатонхейров амнистия не коснулась, и они, как утверждает Гесиод, продолжали томиться в Эребе — одном из отделений греческого подземного мира. Эреб лежал, судя по всему, выше Тартара, и, вероятно, именно его территория позднее, с приходом к власти очередного поколения богов, получила название Аида. По свидетельству же мифографа Аполлодора, гекатонхейры были заключены еще глубже, в Тартаре. Так или иначе, хорошего что там, что там было мало. И лишь когда на земле начался новый виток борьбы за власть, многоголовым братьям довелось ненадолго выйти на солнечный свет.

Случилось это после того, как следующее поколение богов во главе с Зевсом подняло восстание против титанов. Война продолжалась десять лет, но «не было видно конца межусобью». Тогда Гея, которая в свое время инициировала борьбу титанов с собственным отцом, снова решила поддержать очередное поколение молодежи и посоветовала Зевсу призвать на помощь заточенных гекатонхейров. Тот прислушался к словам своей мудрой бабушки и вызволил дядьев из глубин земли. Для этого ему, по свидетельству Аполлодора, пришлось убить «сторожившую их Кампу».

Кто такая *Кампа*, толком не известно — ни о ее происхождении, ни о ее потомках сведений почти не сохранилось. Историк первого века до н.э. Диодор Сицилийский сообщает о некоей Кампе — чудовищном порождении Земли, обитавшей в Ливии возле города Забирна и пожирившей местных жителей. Она была убита богом Дионисом, который воздвиг над павшим чудовищем курган, дабы память о его (Диониса) подвиге не изгладилась в веках. Но Кампа, описанная Аполлодором, была убита не Дионисом, а Зевсом, причем в те времена, когда никакого Диониса на свете еще не существовало — он был сыном Зевса от смертной женщины Семелы, рожденной намного позже войны с титанами.

Что же касается Кампы, сторожившей гекатонхейров и погибшей от руки Зевса, то, насколько известно авторам данной книги, единственное (кроме Аполлодора) упоминание об этом страже (точнее, сторожихе) подземно-

го мира имеется у Нонна Панополитанского — жившего в четвертом веке н.э. автора «Деяний Диониса», последнего эпоса Античности. Нонн работал в эпоху вполне историческую, причем в эпоху победившего христианства, и сведения о загадочной Кампе, погибшей за два тысячелетия до него (к вопросу о хронологии этой битвы мы еще вернемся), почерпнул, безусловно, даже не из третьих, а из десятых рук. Тем не менее живописует он ее настолько образно, что ради этого стоит прервать рассказ о гекатонхейрах. Впрочем, чудовище, способное удерживать трех сторуких великанов, само по себе достойно внимания. Согласно Нонну, Кампа насмерть стояла на своем посту, и победа далась Зевсу нелегко.

...Зевс высокогремящий

Высокоглавую Кампу поверг огненосным перуном,
 Ту, что в извилистом теле тысячи ликов собрала...
 Извиваясь всей тучей змеиных хребтин, она битвы
 Жаждала разнообразной и, змеестопная, била
 Землю, яд изливая... Вкруг выи зверя теснились
 Пятьдесят разноликих глав звериных и чудищ,
 Часть непрестанно вопила львиными пастями всеми,
 Образом схожа со Сфингой, загадки любящей девой...
 Часть же из-под кабаньих клыков слюну испускала;
 В громко визжащую стаю сбились морды собачьи,
 Напоминая Скиллы подобие и строенье!
 Двуприродное чудо в середине девой являлось,
 Вместо же кудрей змеи висли, яд источая,
 Но от груди и до самых складок паха у бедер
 Пурпурной чешуею (как у чудовищ пучинных)
 Плоть покрыта, а когти на многочисленных дланях
 Изгибалися, словно лезвия серпа кривого...
 На хребтовине от верха и до самого низа
 Скорпион угнездился, сам себе жалящий выю,
 Хвост подняв над спиною с жалом хладным и острым...
 Так вставала на битву многолика Кампа!
 Дыбилась твердь земная, пучились глуби морские,
 Если она летела, темным крылом помавая,
 Вкруг поднимались смерчи, бури ей подчинялись,
 Деве сей тартарийской чернокрылой, зеницы
 Пламя ее извергали, палил огонь всю округу!
 Но чудовище это прикончил Зевс поднебесный...

Можно отметить, что, хотя о происхождении Кампы античные авторы умалчивают, есть основания думать, что она была дочерью Геи, поскольку своим строением и повадками она напоминает других ее детей, и прежде всего Тифона, родившегося уже после гибели Кампы. Но о нем речь пойдет дальше, ибо авторы настоящей книги пытаются по возможности вести повествование в хронологическом порядке. А пока что Кампа пала смертью храбрых на своем посту, и гекатонхейры впервые после долгих веков заточения увидели солнечный свет.

Дальнейшие события подробно излагает Гесиод. Несчастные гекатонхейры, прошедшие всю жизнь в заточении, судя по всему, не отличались воинственным духом. Но боги накормили их нектаром с амброзией, после чего «преисполнилось сердце у каждого смелостью мощной». Зевс обратился к бывшим пленникам с краткой речью, призвал их вспомнить былые страдания, а также его, Зевсову, любовь к ним. В чем заключалась эта любовь, не вполне понятно, ибо до тех пор новоявленный кандидат во владыки мира о томящихся в подземелье родичах не вспоминал. Но простодушные гекатонхейры так обрадовались своему освобождению, что не стали вспоминать былое. Котт от имени всех троих сказал небольшую ответную речь, в которой пообещал Зевсу выступить «на защиту владычества вашего в мире». После чего усиленные гекатонхейрами боги вновь приступили к военным действиям.

...Заревело ужасно безбрежное море,
 Глухо земля застонала, широкое ахнуло небо
 И содрогнулось; великий Олимп задрожал до подножья
 От ужасающей схватки. Тяжелое почвы дрожанье,
 Ног топотанье глухое и свист от могучих метаний
 Недр глубочайших достигли окутанной тьмой преисподней.
 Так они друг против друга метали стенающие стрелы.
 Тех и других голоса доносились до звездного неба.
 Криком себя ободряя, сходились боги на битву.

Надо отметить, что стрелы, о которых пишет Гесиод, использовали только боги и титаны. Что же касается гекатонхейров, то они воевали исключительно гигантскими

камнями, метая их без каких бы то ни было технических приспособлений — например, пращей. Возможно, что пятидесяти парам рук просто негде было развернуться, имей они пращи или луки. Да и координировать свои действия для того, чтобы не мешать друг другу, этим рукам было не просто. Но не исключено и то, что примитивные существа, не имевшие к тому же никакой военной подготовки, попросту не умели обращаться с оружием. Так или иначе, они вышли на бой, «в каждой из рук многомогущих держа по скале крутобокой».

Кстати, О. М. Иванова-Казас с точки зрения биолога весьма скептически относится к военному потенциалу многоголовых гекатонхейров и даже сомневается в том, что эти мифозои действительно могли использовать целые скалы. Исследовательница пишет: «Из-за сложности этой системы переработка информации, поступающей от разных зооидов, и принятие определенных решений требовало некоторого времени; поэтому гекатонхейры отличались замедленной реакцией». (Отметим попутно, что Кампа, тоже имевшая пятьдесят голов, была, судя по сообщению Нонна, серьезным противником, — возможно, дело было в том, что ее звериные головы имели и соответствующие мозги, что упрощало систему переработки информации. Впрочем, это только гипотеза людей, далеких от биологии.) Но вернемся к тактико-техническим характеристикам гекатонхейров. Иванова-Казас пишет: «Имея 50 рук, гекатонхейр мог, конечно, вцепиться в огромную скалу, но для того, чтобы сдвинуть ее с места, одна пара ног не дает достаточной опоры. Поэтому гекатонхейры могли помогать Зевсу в его борьбе с титанами, только бросая в противника не слишком большие камни».

Но, как бы то ни было, именно участие гекатонхейров решило исход битвы.

Триста камней из могучих их рук полетело в Титанов
Быстро один за другим, и в полете своем затенили
Яркое солнце они. И Титанов отправили братья
В недра широкодорожной земли и на них наложили
Тяжкие узы, могучеством рук победивши надменных.

Так завершилась знаменитая «Титаномахия», бывшая, вероятно, первой войной во вселенной (по крайней мере, в греческой вселенной). Дата этой победы нам известна достаточно точно: христианский писатель III–IV веков Лактанций сообщает, что война богов и титанов закончилась в 322 году до разрушения Трои. Троя, по археологическим данным (с которыми согласуются и хронологические выкладки античных авторов), пала в середине тринадцатого — начале двенадцатого века до н.э.; нетрудно подсчитать, что гекатонхейры вышли из глубин земли в XVI веке до н.э. Но вышли они оттуда очень ненадолго.

После победы Зевс приставил своих многоголовых родителей в качестве стражей к поверженным титанам, и гекатонхейры вновь отправились под землю. Не исключено, что такое решение Зевс принял под влиянием неприятного эпизода, произошедшего, по-видимому, во время этой войны и связанного еще с одним выдающимся мифическим животным. Овидий в «Фастах» упоминает, что Земля (Гея) родила «чудовище страшного вида», которое «спереди было быком, сзади же было змеей». Этот единоутробный брат гекатонхейров был, по совету богинь судьбы, заключен в черных лесах Стикса на участке, огороженном «тройною стеной». Меры, принятые по его изоляции, были не случайны:

По предсказанию тот, кто нутро у быка в силах выжечь,
Смог бы потом одолеть и вековечных богов.

Бриарей каким-то образом сумел пробраться к несчастному животному и поразить его «секирою из адаманта», нисколько не смущаясь тем, что чудовище приходилось ему ближайшим родственником. Гекатонхейр уже собирался сжечь внутренности своей жертвы, как вмешался Зевс (у Овидия он назван Юпитером). Конечно, в текущей войне Бриарей выступал на стороне своего племянника, но на будущее Зевсу вовсе не улыбалось иметь союзника, чьи силы превосходили бы его собственные. Поэтому новоявленный верховный бог послал коршуна, который выхватил внутренности из рук растерявшегося Бриарея. Коршун за свою расторопность удостоился стать звездой на небе. Что же касается

самого Бриарея, то попытка превзойти Зевса не могла не отразиться на его взаимоотношениях с владыкой Олимпа. Вероятно, она и привела к тому, что три брата были отправлены в почетную ссылку.

Причем если раньше они, возможно, обитали в Эребе, то теперь и Гесиод, и Аполлодор уверенно помещают их в глубочайшем Тартаре или, по крайней мере, в непосредственной близости от него. Аид (как после победы Кронидов стали называть Эреб) располагался сравнительно неглубоко и охранялся сравнительно слабо (о его животных стражах мы поговорим позже). К тому же он сообщался с поверхностью земли, причем многочисленные входы-выходы располагались в самых неожиданных местах и греки героической эпохи ими неоднократно пользовались. Естественно, что для заточения поверженных титанов теперь использовались недоступные глубины Тартара, до которых, как сообщает Гесиод, медная наковальня, сброшенная с поверхности земли, летела бы девять суток.

Там-то под сумрачной тьмою подземною боги Титаны
 Были сокрыты решеньем владыки бессмертных и смертных
 В месте угрюмом и затхлом, у края земли необъятной.
 Выхода нет им оттуда — его преградил Посидаон
 Медною дверью; стена же все место вокруг обегает.
 Там обитают и Котт, Бриарей большедушный и Гиес,
 Верные стражи владыки, эгидодержавного Зевса.

Конечно, новая судьба гекатонхейров во всяком случае оказалась лучше прежней. Теперь они уже не были виновными узниками, их поселили «в крепких жилищах», причем жилища эти располагались, возможно, не в самом Тартаре, а «невдали, в глубочайших местах Океана». Братья получили возможность время от времени выходить на солнечный свет. Но их взаимоотношения с Зевсом дали трещину. И когда началась война между *гигантами* и богами, гекатонхейры (или по крайней мере один из них — Бриарей-Эгеон) встали на сторону врагов Олимпа.

Война эта, как и прежние, была спровоцирована Геей. Совсем недавно она поддерживала Зевса и его соратников

в их борьбе с титанами. Но после победы Гея неожиданно исполнилась сочувствия к поверженным титанам и обиделась на внуков. В преддверии очередной войны Гея использовала свой традиционный ход — нарожала очередную партию чудовищ. Аполлодор описывает это так:

«Гея, негодуя по поводу того, что произошло с титанами, родила от Урана гигантов, обладавших огромным ростом и необоримой силой. Они внушали ужас своим видом, косматыми густыми волосами и длинными бородами. Нижние конечности их переходили в покрытые чешуей тела драконов. По мнению одних, они родились на Флегрейских полях, другие же говорят, что на Паллене».

Аполлодор перечисляет тринадцать гигантов поименно. Кроме того, упоминание о гигантах, рожденных Геей, есть и у Гесиода: он сообщает, что она родила «великих Гигантов с длинными копьями в дланях могучих, в доспехах блестящих» из капель крови, которые упали на землю после оскопления Урана. Всего у разных античных авторов специалисты насчитали до 150 «гигантов», но не вполне понятно, были ли эти существа той же природы, что и описанные Аполлодором, и все ли они участвовали в войне.

Так или иначе, битва началась. Происходила она непосредственно на месте рождения тринадцати гигантов, упомянутых Аполлодором, — то есть либо на Флегрейских полях (которые по одной из версий находятся в Италии, неподалеку от Неаполя), либо на Паллене (прежнее название полуострова Кассандра на севере Греции). Впрочем, некоторые авторы, от Геродота до энциклопедиста шестого века Стефана Византийского, называют Флеграми местность на самой Паллене. Но где бы эти поля ни находились, у чудовищ был прямой резон не удаляться оттуда: один из них, *Алкионей*, «оставался бессмертным, если сражался на той земле, на которой родился». Алкионей был одним из двух сильнейших гигантов, и на него возлагались особые надежды, поэтому гиганты начали штурмовать небо именно с территории Флегрейских полей. Впрочем, привязанность (в буквальном смысле) к родине и отсутствие ног не помешали Алкионейе еще до войны отправиться далеко на запад (вероятно, за Гибралтар) на Эритею и угнать стадо быков у бога Гелиоса.

Именно это событие, по мнению древнего автора комментариев к Пиндару, и стало поводом к войне богов и гигантов. Но война эта была предопределена Геей, и начали ее, несмотря на всю скорбь Гелиоса по своим быкам, отнюдь не боги. Именно гиганты, по сообщению Аполлодора, «стали метать в небо скалы и горящие деревья». Лукреций считает, что этими действиями они хотели нарушить оплот мироздания и погасить солнце. Но каковы бы ни были намерения гигантов, они перешли к делу весьма решительно. Что же касается богов, поначалу они ничего не могли противопоставить чудовищам. Аполлодор пишет:

«Богам рок судил, что они не смогут уничтожить никого из гигантов, но если в помощь богам выступит какой-либо смертный, то они сумеют взять верх над ними. Гея, узнав об этом, стала искать волшебную траву, чтобы спасти гигантов от гибели, грозившей им от руки смертного. Тогда Зевс запретил светить Эос, Селене и Гелиосу и успел раньше, чем Гея, срезать эту волшебную траву. По совету Афины он призвал в союзники Геракла. Геракл вначале сразил стрелой Алкионея, но, как только тот касался земли, к нему вновь возвращалась жизнь. По совету Афины Геракл стащил Алкионея с земли Паллены, и таким образом Алкионей был убит. *Порфирион* (царь гигантов. — *О. И.*) же во время сражения напал на Геракла и Геру; Зевс вселил в Порфириона страсть к Гере, и последняя стала громко звать на помощь, когда гигант разорвал на ней пеплос, пытаясь совершить насилие. Но Зевс поразил его своим перуном, а Геракл добил его выстрелом из лука».

Участие Геракла в битве позволяет достаточно точно датировать ее началом или серединой тринадцатого века до н.э. Это вполне историческое время, хорошо известное нам и по письменным памятникам (хотя и немногочисленным), и по археологическим находкам; тем не менее никаких реальных следов этой битвы не сохранилось. А протекала она, если верить Аполлодору, очень бурно: «Афина, преследуя бегущего *Энкалада*, обрушила на него остров Сицилию... *Полибот*, преследуемый Посейдоном и спасаясь бегством через море, прибыл на остров Кос, но Посейдон отсек часть острова, так называемый Нисир, и навалил ее на гиганта...»

Описывая битву, Аполлодор, возможно, слегка сгустил краски — геологические катаклизмы такого масштаба на памяти Кронидов происходили разве что в шестнадцатом веке до н. э. на острове Фера (он же Санторин) в Эгейском море. Впрочем, извержения Этны и землетрясения на Сицилии по сей день напоминают о том, что под островом лежит гигантское чудовище, пытающееся освободиться. Вулкан на Нисире тоже активен по сей день. А сэр Джеймс Джордж Фрезер, известный российским читателям по книге «Золотая ветвь», отмечал в комментариях к своему переводу Аполлодора, что в вулканической почве Паллены местные жители находили огромные кости, которые нельзя было приписать некому иному, как только гигантским драконоподобным чудовищам.

Едва ли не все боги приняли участие в разгроме своих змееногих родичей. Аполлон поражал их из лука, Дионис бил своим тирсом, Гефест кидал раскаленные камни, Мойры сражались медными палицами, Геката — горящим факелом. Погибающих гигантов добивал Геракл, расстреливая их из лука.

Существует косвенное упоминание о том, что в войне богов и гигантов приняли участие и гекатонхейры. Вергилий в «Энеиде», описывая своего героя, сравнивает его с Бриареем-Эгеоном:

Словно встарь Эгеон, про которого молвят, что сотня
Рук была у него, и полсотни уст, изрыгавших
Пламя, и тел пятьдесят, что от молний Отца заслонялся
Он полусотней щитов, пятьдесят мечей обнажая...

Упоминание об Эгеоне, который заслонялся щитами от молний Зевса, наводит на мысль, что гекатонхейр участвовал в войне против царя богов, а такая война, после победы над титанами, была только одна — с гигантами. Интересно, что к этому времени сторукий сын Геи успел приобщиться к благам цивилизации и уже умеет пользоваться оружием. Впрочем, оно не помогло бедняге. Гиганты, а вместе с ними и Бриарей-Эгеон были разбиты. Но Зевс, уничтожив своих новоявленных противников, к гекатонхейру (быть

может, в память о его прежних заслугах) отнесся милостиво. Ему сохранили не только жизнь, но и свободу передвижения, хотя основным местом его обитания осталось все то же преддверие Тартара.

Очень скоро Бриарей смог с лихвой отблагодарить своего благодетеля. В «Илиаде» упомянуто, что, когда олимпийские боги затеяли бунт против Зевса и собрались его заковать, на помощь племяннику явился Бриарей:

Возле Крониона сел он в сознании радостном силы,
Боги в ужас пришли и сковывать Зевса не стали.

Бриарей, единственный из гекатонхейров, был женат: Посейдон отдал ему в жены свою дочь Кимополею. Возможно, поэтому Овидий относит Бриарея-Эгеона к морским божествам и даже сообщает, что тот «сжимает мощным объятьем своим китов непомерные спины». Зачем зять Посейдона делает это и что может произойти с китом, которого сжали пятьдесят пар гигантских рук, Овидий не уточняет. Вероятно, именно родственными связями объясняется и тот (приведенный Павсанием, составившим во втором веке подробнейшее «Описание Эллады») факт, что, когда Посейдон затеял с Гелиосом тяжбу за Истмийский перешеек, Бриарей, приглашенный рассудить богов, отдал эти земли владыке моря. Посейдон получил «Истм и все, что на нем», а Гелиосу пришлось удовлетвориться расположенным тут же коринфским акрополем. Поскольку сам перешеек всегда был чрезвычайно важным стратегическим пунктом, неудивительно, что Бриарей присудил его своему тестю.

Кстати, вопрос о возможном браке Бриарея, как и о способности гекатонхейров вступать в полноценные половые связи и иметь детей, вообще говоря является весьма спорным. Недаром о браках или связях Котта и Гиеса, равно как и об их детях, античные писатели (насколько известно авторам данной книги) умалчивают. Умалчивают они и о детях Бриарея, хотя генеалогические линии других титанов и богов прослеживаются ими очень тщательно. Правда, Грейвс в своей книге «Мифы Древней Греции» упоминает «дочерей Бриарея Сторукого», одной из которых якобы при-

надлежал когда-то пояс амазонки Ипполиты. Но Грейвс при этом ссылается на античные тексты (например, на написанную в третьем веке «Аргонавтику» Аполлония Родосского), в которых упоминается только сам пояс, безотносительно каких-либо дочерей, тем более дочерей гекатонхейра (при всем уважении к Грейвсу нельзя не признать, что он бывает небрежен со ссылками). Возможно, Грейвс имел в виду не сами книги, а схолии к ним. В схолиях к «Аргонавтике», со ссылкой на жившего в шестом веке до н. э. поэта Ивика, действительно упомянута Оиолика, дочь Бриарей. Но ниоткуда не следует, что имелся в виду тот самый Бриарей — сторукое и пятидесятиголовое существо, называемое гекатонхейром. В самой «Аргонавтике» упоминается, что «Арго» (в тринадцатом веке до н.э.) проплывает мимо «кургана Эгеона», — но Гесиод в седьмом столетии писал о гекатонхейре Бриарее как о ныне здравствующем, а значит, в кургане был погребен его тезка... Каллимах, учитель Аполлония, пишет о гиганте Бриарее, погребенном под Этной. Гиганта Бриарей (имеющего одну голову, что особо оговорено) упоминает и Данте. Известен циклоп Бриарей, упомянутый в древних комментариях к Феокриту...

Во всяком случае, нет оснований считать, что Оиолика, дочь Бриарей, была дочерью именно гекатонхейра, а значит, нет и достаточно веских оснований считать, что гекатонхейры могли производить себе подобных. Тем более что других подобных им существ — сторуких и пятидесятиголовых великанов — греческий мир не знает. Впрочем, О. М. Иванова-Казас рассматривает возможные варианты размножения гекатонхейров и допускает, что они, будучи колониальными организмами, могли формироваться путем почкования, причем почкование это завершалось уже в утробе матери — сходный процесс наблюдается у пресноводных мшанок (класс Bryozoa) и относящихся к низшим хордовым огнетелок (класс Pyrosomida). Но поскольку для позвоночных животных почкование не свойственно, исследовательница высказывает и другое предположение: что гекатонхейры появились на свет в результате «нарушений в ходе эмбрионального развития» — подобно тому, как рождаются двухголовые цыплята и телята или же сросшиеся близнецы у человека. При

этом О. М. Иванова-Казас подчеркивает, что «биологическое решение проблемы происхождения мифозоев сильно затруднено из-за отсутствия эмбриологических данных», — это касается, впрочем, не только гекатонхейров, но и большинства подобных существ.

Античному миру были знакомы и другие мифозои, по строению близкие к гекатонхейрам. Правда, количество голов и рук у них было значительно меньшим, и это обстоятельство не дает авторам настоящей книги оснований причислить их к животным. Возможно, это были не колониальные организмы, а обычные боги и люди, чье эмбриональное развитие оказалось нарушено. Впрочем, описанные Аполлоном Родосским в «Аргонавтике» *эксихейры* (буквально «шестирукие»), как и гекатонхейры, были рождены Геей, и это дает основание думать, что их внутриутробное развитие протекало по близкой схеме. Но так или иначе, эксихейры имели только по одной голове. Они жили на малоазийском острове Кизик (сейчас это полуостров Капу-Даг) на берегах Пропонтиды (нынешнее Мраморное море) и напали на аргонатов, когда те остановились на ночлег неподалеку от них, в земле долионов. Собственно, в этом нападении и заключался весь смысл жизни эксихейров:

Некогда этих ужасных чудовищ богиня вскормила
Гера, супруга великого Зевса, отпором Гераклу.

Геракл был участником похода аргонатов. Как могла Гера, при всей ее ненависти к сыну Алкмены, за много лет до начала похода узнать о том, что герой окажется на борту «Арго», да еще и вычислить грядущий маршрут корабля и место ночевки, авторам настоящей книги не вполне понятно. Но факт остается фактом: эксихейры попытались исполнить свое мрачное предназначение и, пока ахейские вожди пировали во дворце царя долионов, они камнями преградили кораблю выход из узкой гавани, а потом закидали кусками пористых скал и сам корабль. Отметим, что техника ведения боя у эксихейров в точности совпадает с таковой у гекатонхейров — и те и другие закидывали противника

обломками скал. Но то ли малое количество рук подвело, то ли голов не хватило, но славы в этом бою очередные дети Геи не снискали. Оставшиеся на борту Геракл и молодые ахейцы дали шестируким чудовищам достойный отпор и перебили их всех до единого.

Из текста «Аргонавтики» не ясно, размножались ли эксихейры, или же на Кизике жило единственное их поколение, рожденное Геей и вскормленное Герой. При всех условиях появились они на свет, в отличие от прочих детей Геи, достаточно поздно. Ведь их божественная кормилица, как и Зевс, как и другие дети Крона, провела детство в утробе собственного отца, пожирившего свое потомство, и вышла на историческую арену только в шестнадцатом веке до н.э. Гея в те годы была уже очень немолода, миром правили ее внуки, и эксихейры, по-видимому, были последними ее детьми. Возможно, именно поэтому эксихейры, в отличие от других отпрысков Геи, не обладали божественной сущностью и жили на берегах Пропонтиды в качестве простых смертных, отличаясь от обычных людей только количеством рук.

Еще одним мифозоем, по строению близким к гекатонхейрам, был *Герион*, сын великана Хрисаора и океаниды Каллирои. Родители Гериона, судя по всему, отличались обычным строением тела. Океаниды — дочери Океана и «милой видом Тефии» — славились своей красотой. Гесиод называет их стройноногим «племенем священных дев». Имя самой Каллирои означает «прекраснотекущая». Избранник ее, великан Хрисаор, хотя и родился не вполне понятным образом из тела убитой горгоны Медузы (зачат он был от Посейдона), видимо, тоже выглядел неплохо, поскольку Каллироя соединилась с ним по любви:

Силой Кипридных чар Океанова дочь Каллироя
Соединилась в любви с крепкодушным Хрисаором мощным
И родила Гериона ему, — между смертными всеми
Самого мощного...

Но, несмотря на то что Герион славился мощью и происходил от здоровых и красивых родителей, он родился с тремя головами и тремя парами рук. Аполлодор пишет: «Он обла-

дал телом, сросшимся из трех человеческих тел, соединенных между собой до пояса, но разделявшихся от подреберья и бедер». А схолии к «Теогонии» приписывают бедняге и шесть ног, что, надо думать, мешало великану передвигаться. Впрочем, этот дефект искупался наличием у него крыльев (согласно тем же схолиям).

Герион жил на далеком западе, на острове Эритея в Океане (ныне — Атлантическом океане). Когда-то на этом острове паслись стада Гелиоса, и именно отсюда их угнал злокозненный гигант Алкионей. Видимо, климат Эритеи подходил для скотоводства, потому что во времена Геракла здесь уже пасли своих коров и Аид, и Герион. Конечно, пасли они их не сами — у каждого было по пастуху, причем Эвритиону (пастуху Герiona) помогала достаточно серьезная собака. Этого двухголового пса звали *Орф* (также *Орт*, или *Ортр*), и он был родным братом Цербера. Но Геракл, прибывший на Эритею по приказанию царя Эврисфея, убил и собаку, и пастуха, и самого злосчастливого Герiona — бедняге не помогли ни лишние руки, ни лишние головы, ни даже крылья. Коровы, после долгих приключений, были пригнаны к воротам Микен, и Эврисфей принес их в жертву Гере. Так из-за прихоти микенского царя закончил свою жизнь внук Медузы и Посейдона.

Безвинно погибший при исполнении своих служебных обязанностей пес Орф был родным сыном *Тифона* — еще одного чудовища, порожденного Геей в военных целях. К старости богиня, судя по всему, стала отрицательно относиться к молодежи. Если когда-то она последовательно поддерживала Крона против Урана, а потом Зевса против Крона, то после победы Кронидов Гея стала чинить им многочисленные козни. Мы уже упоминали о том, что она натравила на Зевса рожденных ею гигантов, но молодой владыка мира одержал победу над хтоническими силами. Однако Гея не теряла надежды повернуть историю вспять. Аполлodor пишет:

«После того как боги одержали победу над гигантами, Гея, вспыхнув еще более сильным гневом, сочеталась с Тартаром и родила в Киликии Тифона, имевшего смешанную природу человека и зверя».

Вопрос о том, когда именно был рожден Тифон и когда именно он, наушаемый Геей, вступил в единоборство с Зевсом, является спорным. Аполлодор однозначно сообщает, что оба эти события произошли после того, как завершилась Гигантомахия. Другие авторы не столь категоричны. Гесиод пишет:

После того как Титанов прогнал уже с неба Кронион,
Младшего между детьми, Тифоея, Земля-великанша
На свет родила, отдавшись объятиям Тартара страстным.

Такое сообщение в принципе не противоречит Аполлодору, поскольку «после Титаномахии» может означать и «после Гигантомахии», которая разразилась позже. Но жена Тифона, нимфа Ехидна, о которой мы поговорим ниже, ко временам Гигантомахии давно погибла (она пала от руки многоглазого Аргуса задолго до восстания гигантов, поскольку и сам Аргус погиб еще в далекой древности, охраняя знаменитую корову Ио). Более того, даже если допустить, что сведения о гибели Ехидны оказались ложными, мы знаем, что Тифон прожил с ней в любви и согласии достаточно долго, чтобы родить по крайней мере десяток детей. Многие из этих детей были позднее сражены рукой Геракла. Трудно допустить, чтобы Тифон, рожденный после завершения Гигантомахии, то есть в то время, когда Геракл был уже прославленным воином, успел возмужать да еще родить и вырастить множество детей — и все это за недолгое время, оставшееся до смерти самого Геракла (который погиб достаточно молодым).

Нонн Панополитанский, в «Деяниях Диониса» подробно описывающий битву Зевса с Тифоном и гибель последнего, сообщает, что в ней принял участие Кадм, живший за пять поколений до Гигантомахии. Поэтому есть основания думать, что Аполлодор ошибся и Гея родила Тифона, во всяком случае, задолго до войны с гигантами, а скорее всего, и достаточно задолго до времени жизни Ио — то есть вскоре после завершения войны с титанами. Но когда бы ни родился Тифон, все авторы сходятся на том, что это было страшное чудовище. Аполлодор, возможно, ошибся в датировках,

но нет оснований сомневаться в остальных сведениях, сообщаемых этим крайне добросовестным мифографом. Автор «Мифологической библиотеки» пишет о Тифоне:

«Он превосходил всех существ, которых родила Гея, ростом и силой. Часть его тела до бедер была человеческой и своей огромной величиной возвышалась над всеми горами. Голова его часто касалась звезд, руки его простирались одна до заката солнца, другая — до восхода. Они оканчивались ста головами драконов. Часть его тела ниже бедер состояла из огромных извивающихся кольцами змей, которые, вздымаясь до самой вершины тела, издавали громкий свист. Все тело его было покрыто перьями, лохматые волосы и борода широко развевались, глаза сверкали огнем».

Гесиод сообщает, что головы змей издавали разнообразные устрашающие звуки, для самих змей отнюдь не присутствующие:

Силою были и жаждой деяний исполнены руки
 Мощного бога, не знал он усталости ног; над плечами
 Сотня голов поднималась ужасного змея-дракона.
 В воздухе темные жала мелькали. Глаза под бровями
 Пламенем ярким горели на главах змеиных огромных.
 Взглянет любой головою, — и пламя из глаз ее брызнет.
 Глотки же всех этих страшных голов голоса испускали
 Невыразимые, самые разные: то раздавался
 Голос, понятный бессмертным богам, а за этим как будто
 Яростный бык многомошный ревел оглушительным ревом;
 То вдруг рыканье льва доносилось, бесстрашного духом,
 То, к удивлению, стая собак заливалась лаем,
 Или же свист вырывался, в горах отдаваясь эхом.

А Нонн приписывает змеям, входившим в состав Тифона, не только голоса, но и головы разнообразных зверей:

...Рои он глоток тяжкоревущих
 Выставил, и завопили все криком, лишь зверю приличным,
 Ибо змеиные кольца тел извивались над пастью
 Леопардов, лизали ужасные львиные гривы,
 Свившись в клубок, оплетали бычьи рогатые морды
 Сдвоенными хвостами; с слюною вепрей смешавшись,
 Яд источался из пастей, летя с языков острожальных!

Рождение такого чудовища Геей не вызывает особого удивления. Но интересно, что в приписываемом Гомеру гимне «К Аполлону Пифийскому» матью Тифона названа не кто иная, как Гера — почтенная и добродетельная супруга Зевса. Гера разгневалась на мужа за то, что тот без ее участия родил Афину (как известно, Зевс проглотил свою первую супругу, Метиду-Премудрость, после чего их дочь, Афина, вышла на свет из головы своего отца). Оскорбленная Гера, узнав об этом событии, заявила:

Ныне, однако, и я постараюсь, как бы дитя мне,
 Не опозоривши наших с тобою священных постелей,
 На свет родить, чтоб блистало оно между всеми богами.
 Больше к тебе на постель не приду. От тебя в отдаленье
 Буду я с этой поры меж бессмертных богов находиться.

По поводу того, что грядущее дитя будет «блистать между богами», надежды Геры трудно счесть обоснованными. В попытке родить без участия мужа Гера возложила ладонь на землю и обратилась с мольбой к «Земле и широкому Небу», а также к «богам-Титанам, вокруг Тартара в глуби подземной жизнь проводящим». Древние хтонические силы услышали просьбу обиженной богини, но поняли ее по-своему, в результате чего Гера забеременела и в положенный срок разрешилась младенцем устрашающим, но не самым блестящим:

После ж того, как и дней и ночей завершилось течение,
 Год свой закончил положенный круг и пора наступила,
 Сын у нее родился — ни богам не подобный, ни смертным,
 Страшный, свирепый Тифаон, для смертных погибель и ужас.

Гера не стала кормить новорожденного и отдала его «на вскормление» другому чудовищу, Пифону.

Пифон стоит того, чтобы сказать о нем несколько отдельных слов. Это был дракон, точнее, гигантский змей, порожденный Геей-Землей. Греки эти два понятия не слишком различали, их драконы были большей частью бескрылыми (хотя существовали и крылатые) и отличались от обыч-

ных змей в основном размерами, повадками и разного рода сверхъестественными качествами.

Овидий в «Метаморфозах» уверяет, что зародился Пифон, подобно многим другим существам, от сырости. Знаменитый римлянин считал, что сочетание сырости и жара способствует самозарождению живых существ (в чем легко убедиться, перевернув нагретый на солнце камень и обнаружив кишашую под ним жизнь). Аналогично, без участия отца и помимо воли матери, и был рожден чудовишный Пифон:

Так, лишь потоп миновал, и земля, покрытая тиной,
Зноем небесных лучей насквозь глубоко прогрелась,
Множество всяких пород создала — отчасти вернула
Прежние виды она, сотворила и новые дивы.
И не хотела, но все ж, о огромный Пифон, породила
Также тебя, и для новых людей ты, змей неизвестный,
Ужасом стал: занимал ведь чуть ли не целую гору!

Столь сомнительное происхождение не помешало Пифону занять достаточно почетную должность. Согласно Павсанию, дракон был поставлен Геей-Землей сторожем дельфийского святилища, известного своими знаменитыми оракулами. А мифограф первого — второго веков н.э. Гигин утверждает даже, что сам Пифон и занимался здесь прорицаниями. Но его жреческая карьера длилась недолго: Аполлон застрелил дракона из лука, после чего учредил в его честь знаменитые Пифийские игры. Овидий пишет:

Бог, напрягающий лук, — он ранее это оружие
Против лишь ланей одних направлял да коз быстроногих, —
Тысячу выпустив стрел и почти что колчан свой исчерпав,
Смерти предал его, и яд из ран заструился.
И чтобы славы о том не разрушило время, старея,
Установил он тогда состязанья, священные игры, —
Звали Пифийскими их по имени павшего змея.
Ежели юноша там побеждал в борьбе, или в беге,
Или в ристанье, за то получал он дубовые листья...

Павсаний добавляет, что в убийстве Пифона принимала участие и сестра Аполлона, Артемиды. Это представляет-

ся вполне резонным: ведь Пифон провинился перед обоими божественными близнецами. Эту историю передает Гигин; он пишет (правда, заменяя имена греческих богов на имена богов римских), что богиня Гера приревновала своего мужа, Зевса, к титаниде Лето. Основания для ревности у Геры действительно были: Лето оказалась беременной от царя богов. Законная супруга решила помешать родам и «сделала, чтобы Латона (Лето. — *О. И.*) рожала там, куда не доходит солнце». Что же касается Пифона, то он стал на сторону обманутой жены и проявил в этом деле личную инициативу: «Когда Пифон узнал, что Латона беременна от Юпитера (Зевса. — *О. И.*), он стал преследовать ее, чтоб убить». История завершилась благополучно, и Лето, несмотря на все препятствия, разрешилась двумя здоровыми близнецами: Аполлоном и Артемидой. Но ее дети запомнили зло, причиненное матери, и, когда подросли, расстреляли незадачливого ревнителя нравов из луков. Правда, в гимне «К Аполлону Пифийскому», приписываемом Гомеру, утверждается, что Пифон был убит за мародерство. Автор так описывает чудовище:

Дикое чудище, жирный, огромный, который немало
 Людям беды причинил на земле, — причинил и самим им,
 И легконогим овечьим стадам, — бедоносец кровавый.
 (...)

День роковой наступал для того, кто с драконом встречался,
 Но поразил наконец-то стрелой его многомошной
 Царь Аполлон-дальновержец. Терзаемый болью жестокой,
 Тяжко хрипя и вздыхая, по черной земле он катался.
 Шум поднялся несказанный, безмерный. А он, извиваясь,
 По лесу ползал туда и сюда. Наконец кровожадный
 Дух испустил он. И, ставши над ним, Аполлон похвалялся:
 «Здесь ты теперь изгнивай, на земле, вскармляющей смертных!
 Больше, живя, ты не будешь свирепую пагубой людям!»

Гелиос довершил начатое Аполлоном дело и «в гниль превратил его силой своею святою»; от слова «сгнаиваю» (*греч.* «пифо»), согласно гимну, и произошло имя Пифон (как звали дракона раньше, авторам настоящей книги не известно).

Существует и еще одна версия гибели злосчастного змея: Аполлодор утверждает, что Пифон не пускал Аполлона

в охраняемое им святилище, «где тогда давала предсказания богиня Фемида». Пифон был по-своему прав, ибо сын Лето прибыл в святилище не для того, чтобы испросить судьбу у богини правосудия, а для того, чтобы занять ее место. Но победил сильнейший: Аполлон уничтожил змея, изгнал Фемиду, а святилище с оракулом присвоил.

Вот этому Пифону и отдала Гея новорожденного Тифона «на вскормление». Дельфийский змей был, судя по всему, мужского рода. Но, даже будь он и самкой, все равно не вполне понятно, как и чем он мог кормить младенца, имевшего некоторые гуманоидные черты (человеческий торс и голову). Но так или иначе, этот вопрос как-то решился. Тифон вырос и объявил войну Зевсу. Аполлодор пишет:

«Будучи существом такого вида и такой величины, Тифон забрасывал раскаленными скалами небо и носился с ужасающим шумом и свистом. Буря огня вырывалась из его пасти. Боги, увидев, что он устремился к небу, кинулись бежать в Египет; преследуемые, они меняли свой облик и превращались в животных. Когда Тифон находился еще далеко, Зевс стал метать в него свои перуны; когда же Тифон приблизился, Зевс ударил его кривым стальным мечом. Тифон бежал, и Зевс преследовал его до горы Касия, возвышающейся над Сирией. Увидев, что Тифон тяжело ранен, Зевс вступил с ним в рукопашную. Тифон охватил Зевса кольцами своего тела и, вырвав у него кривой меч, перерезал Зевсу сухожилия на руках и ногах. Подняв его на плечи, он перенес его затем через море в Киликию и, дойдя до Корикийской пещеры, запер его в ней. Там же он спрятал и сухожилия, завернув их в шкуру медведя, и поставил стеречь все это драконицу *Дельфину*: она была полужверем. Однако Гермес и Эгипан выкрали эти сухожилия и тайно вставили их Зевсу».

Кстати, О. М. Иванова-Казас выражает обоснованные сомнения по поводу достоверности этой истории, поскольку руки Тифона оканчивались не пальцами, а змеиными головами. Исследовательница пишет: «Остается загадкой, как Тифон, не имея рук, смог отнять у Зевса меч и вырезать у него сухожилия — разве что схватил меч пастью одной из сотни змеиных голов?» Гесиод, подробно описавший битву богов с Тифоном, об истории с сухожилиями умалчива-

ет. Но так или иначе, в конце концов злокозненное чудовище было повержено.

«Вернув себе прежнюю силу, Зевс внезапно ринулся с неба на колеснице, влекомой крылатыми конями, и, метая перуны, преследовал Тифона до горы, которая называется Ниса. Там Мойры ввели в обман преследуемого Тифона: они убедили его, что у него прибавится силы, если он отведаст однодневных плодов. И вот, преследуемый далее, Тифон прибыл во Фракию и, сражаясь там в области Гемийского хребта, метал ввысь целые горы. Так как Зевс эти горы отражал своими перунами обратно, Тифон пролил вблизи этого хребта много крови, и, как говорят, по этой причине хребет и был назван Гемийским. Когда Тифон кинулся бежать через Сицилийское море, Зевс набросил на него гору Этну в Сицилии (эта гора огромной величины), и из нее до настоящего времени, как говорят, из-за брошенных туда перунов вырываются языки пламени».

Гесиод ничего не сообщает о Мойрах, обманувших доверчивое чудовище, в его версии Зевс расправился с Тифоном самостоятельно:

Зевс же владыка, свой гнев распалив, за оружие схватился, —
За грозовые перуны свои, за молнию с громом.
На ноги быстро вскочивши, ударил он громом с Олимпа,
Страшные головы сразу спалил у чудовища злого.
И укротил его Зевс, полосуюя ударами молний.

Автор «Теогонии» упоминает Этну, из расселин которой после попадания божественных перунов забило пламя. Но местом последнего упокоения Тифона Гесиод называет не подножие Этны, а Тартар:

Пасмурно в Тартар широкий Кронид Тифоюя* забросил.

Гомер в «Илиаде» считает, что Тифон был погребен в Аримах, которые, как правило, ассоциируются с Киликией или Сирией. Впрочем, римляне считали, что Аримы — это остров у берегов Кампании. Это согласуется с утверждением поэта

* Так в переводе В. В. Вересаева.

первой половины пятого века до н.э. Пиндара, что Тифон простерт под землей от Этны до Везувия:

Ныне же Сицилия и холмы над Кумами в ограде валов
 Давят его косматую грудь,
 И привязь его —
 Снежная Этна...

Эсхил в «Прометее прикованном» пишет:

...Дряблой распластавшись тушею,
 Подножем Этны накрепко придавленный,
 Близ узкого пролива он лежит, Тифон...

Под Сицилией помещает поверженного Тифона и Нонн Панополитанский. Надо сказать, что у этого автора была своя точка зрения на ход битвы. Описанный Нонном Тифон не только сражался с богами, но и едва не разнес в клочки всю греческую вселенную. Он разметал на небе созвездия, заставил грохотать «мировую ось», от поступи чудовища содрогались горные цепи. Когда Тифон вступил в море, вода взметнулась до вершин Олимпа. Речь шла уже не только о том, кто будет на этом Олимпе править, но и о сохранности всего мироздания... Мир был спасен чудом — нарушитель порядка оказался страстным любителем музыки, и подосланный к нему Кадм игрой на флейте усмирил чудовище и обезоружил его. После чего боги одержали над противником нелегкую, но убедительную победу и раздавили поверженного меломана островом Сицилия.

Тифон — одно из многих чудовищ, возможно упокоившихся под Сицилией или непосредственно под Этной, — напомним, что там же, по весьма достоверным данным, лежат еще по крайней мере два гиганта: Энкелад и Бриарей (тезка гекатонхейра). Вероятно, потому эти места и отличаются высокой сейсмической активностью, а из боковых кратеров Этны (их у нее более двухсот) в среднем раз в три месяца извергается лава.

Особое мнение по поводу места захоронения Тифона имеет Аполлоний Родосский — он утверждает, что чудови-

ше было сражено молнией Зевса на Кавказе, после чего упокоилось «под стоячей водой Сербониды» — так называлось озеро в Нижнем Египте.

Но где бы ни был похоронен Тифон, к его останкам существовал доступ, и люди применяли их при колдовстве. Философ Сенека в трагедии «Медея» пишет, что знаменитая колдунья использовала «Тифона члены» при изготовлении плаща, который должен был сжечь ее соперницу.

Тифон был однолюбом (не путать с троянцем Тифоном — возлюбленным богини Эос). Его единственной женой, от которой он имел множество детей, Гесиод считает *Ехидну*, дочь морских божеств Форкия и Кето (Аполлодор считает ее дочерью Тартара и Геи, а Павсаний — реки Стикс и безвестного Перанта). Правда, у Тифона были еще несколько отпрысков, чьи матери не известны. Например, Гесиод называет его родоначальником ветров:

Влагу несущие ветры пошли от того Тифоея
Все, кроме Нота, Борея и белого ветра Зефира...

Но каким образом Тифон дал жизнь ветрам и участвовала ли в этом деле женщина, Гесиод не уточняет. Судя по всему, Ехидна была все-таки единственным существом женского пола, с которым связал свою судьбу Тифон. Гесиод пишет об его супруге:

Кето ж в пещере большой разрешилась чудовищем новым,
Ни на людей, ни на вечноживущих богов не похожим, —
Неодолимой Ехидной, божественной, с духом могучим,
Наполовину — прекрасной с лица, быстроглазою нимфой,
Наполовину — чудовищным змеем, большим, кровожадным,
В недрах священной земли залегающим, пестрым и страшным.
Есть у нее там пещера внизу глубоко под скалою,
И от бессмертных богов, и от смертных людей в отдаленье:
В славном жилище ей там обитать предназначили боги.
Так-то, не зная ни смерти, ни старости, нимфа Ехидна,
Гибель несущая, жизнь под землей проводила в Аримах.

Гесиод называет Ехидну «прекрасной с лица», не уточняя, которое из ее лиц он имеет в виду, — есть данные, что

их было сто штук, по крайней мере, Аристофан в «Лягушках» именует Ехидну «стоглавой». Аполлодор сообщает, что она похищала путников, за что и была убита Аргосом (или Аргусом). Не вполне понятно, какие путники могли забрести к подземной пещере, где Ехидна, по словам Гесиода, пребывала «и от бессмертных богов, и от смертных людей в отдаленье». Впрочем, не исключено, что злополучная супруга Тифона потому и похищала редких прохожих, что страдала от одиночества. Противостоять ей было нелегко, недаром поэт пятого века до н.э. Вакхилид называет ее «неподступной», но Аргус напал на злополучную нимфу, когда она спала.

Слюна Ехидны использовалась для приготовления магических зелий. Овидий описывает, как эриния Тисифона явилась в дом к царю Атаманту и его жене Ино, чтобы погубить их, влив им в грудь изготовленное тут же снадобье. В качестве ингредиентов она принесла с собой

...ужасного жидкого яду,
 Пены из Цербера уст и отравы из пасти Ехидны,
 И заблужденье ума, и слепого забывчивость духа,
 И преступленье, и плач, и свирепость, и тягу к убийству.
 Все это перетерев и свежую кровью разбавив,
 В медном сварила котле, зеленой мешая цикутой.

Этими лаконичными сведениями практически исчерпывается информация, которую сообщают об Ехидне античные авторы. Судя по всему, супруга Тифона действительно вела замкнутую жизнь, полностью посвятив себя семье. Но зато дети ее прославились в веках — большая часть чудовищ, наводивших ужас на античный мир в преддверии Троянской войны и вскоре после ее окончания, были порождениями Ехидны и Тифона. Гесиод пишет:

Как говорят, с быстроглазою девою той сочетался
 В жарких объятиях гордый и страшный Тифон беззаконный.
 И зачала от него, и детей родила крепкодушных.
 Для Герiona сперва родила она Орфа-собаку;
 Вслед же за ней — несказанного Цербера, страшного видом,
 Медноголового адова пса, кровожадного зверя,
 Нагло-бесстыдного, злого, с пятьюдесятью головами.

Третьей потом родила она злую Лернейскую гидру.
Эту вскормила сама белорукая Гера-богиня,
Неукротимую злобой пылавшая к силе Геракла.
Гибельной медью, однако, ту Гидру сразил сын Кронида,
Амфитрионова отрасль Геракл, с Иолаем могучим,
Руководимый советом добычницы мудрой Афины.
Также еще разрешилась она изрыгающей пламя,
Мощной, большой, быстроногой Химерой с тремя головами...
(...)
Грозного Сфинкса еще родила она в гибель кадмейцам,
Также Немейского льва, в любви сочетавшихся с Орфом.

Были у многолетней Ехидны и другие отпрыски. Разные авторы называют среди них: Сциллу; дракона по имени Ладон, охранявшего яблоки Гесперид; дракона, стерегшего золотое руно; орла, терзавшего Прометея; Кроммионскую свинью по имени Фэя и некоего загадочного Горгона, упомянутого Гигином и не известного по другим источникам.

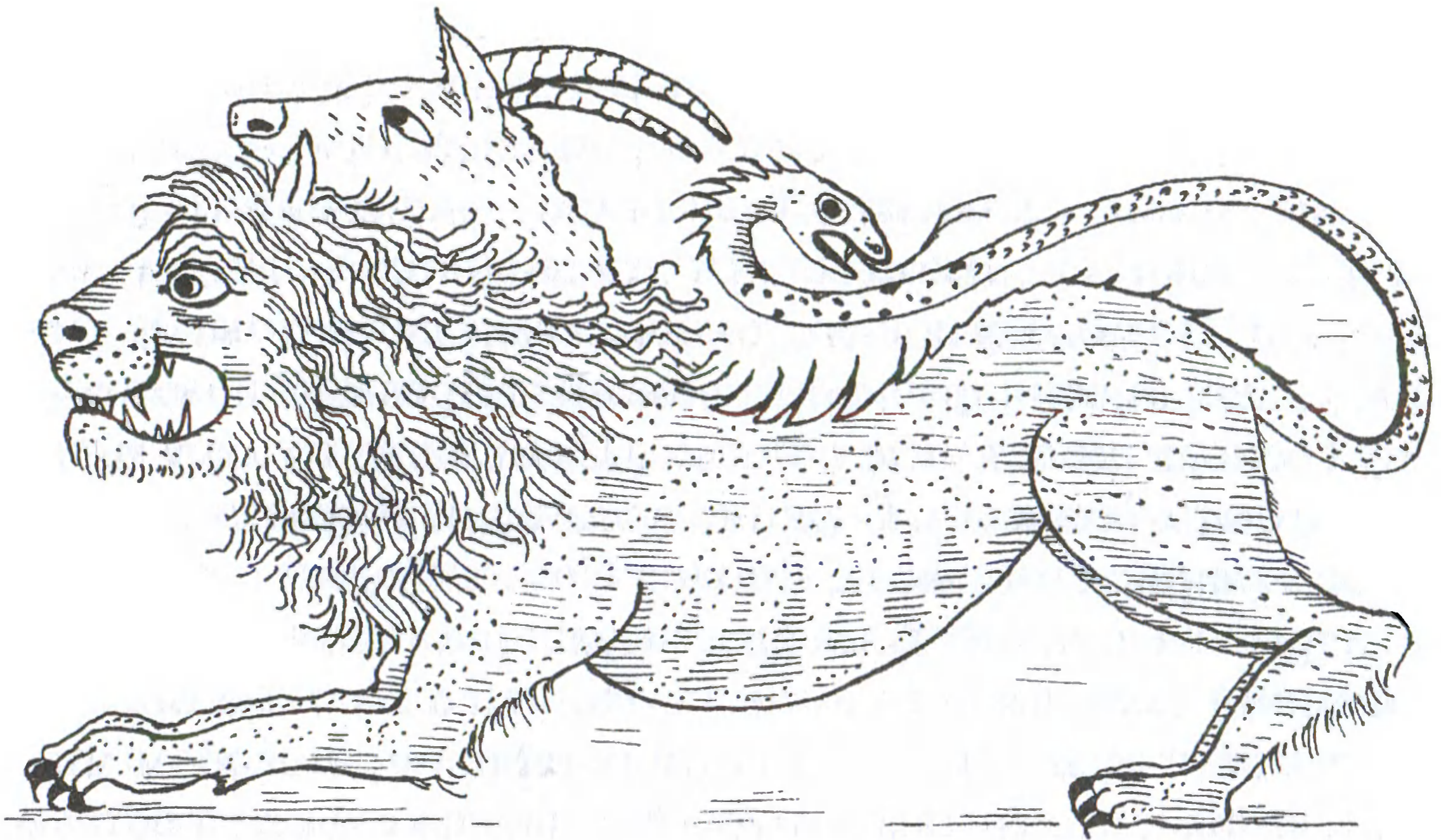
Дети Ехидны славились большим разнообразием биологических форм. Трудно поверить, что все они: гидра, сфинкс, драконы, собака, свинья... — были рождены одной матерью от одного же отца. И уж совсем трудно понять, как чудовищная Ехидна, бывшая наполовину змеей, вступив в кровосмесительную связь с собственным сыном «Орфом-собакой», смогла родить такое благородное, а главное, не похожее на своих родителей животное, как лев. Кстати, большинство этих детей не только не были похожи друг на друга и на своих родителей, но и сильно отличались от всех тех мифических существ, о которых мы говорили до сих пор.

Почти все подробно описанные выше чудовища были (хотя бы по одной из версий) детьми Геи, богини Земли. Лишь родители одной из Камп неизвестны (впрочем, другая во всяком случае была дочерью Земли), да Герион происходил из морской семьи (но и он был правнуком Геи). Все эти хтонические, то есть тесно связанные с землей и подземным миром, существа отличались, как и положено родственникам, рядом общих черт: либо змееподобность, либо обилие голов и конечностей, либо и то и другое сразу. Правда, надо отметить, что у Геи рождались и вполне антропоморфные дети — с нормальными, а не змеиными ногами и с при-

личеству античному божеству количеством голов, рук и ног. Среди них были и нимфы, и Фемида, и Мнемосина, и «милая видом Тефия»... Но эти красавицы уже своим образом жизни отвергали всякую хтоничность — в пещерах они не сидели, по земле не ползали, от солнечного света не скрывались. Фемида и Мнемосина связали свою женскую судьбу с Зевсом, который в подземный мир вообще не навещался, полностью передав его в ведение своего брата Аида... Что же касается тех детей Геи, которым были более свойственны животные, а не человеческие черты, они имели между собой немало общего и являлись существами преимущественно хтоническими.

Тифон и Ехидна тоже были, конечно, существами хтоническими — об этом свидетельствует и их происхождение, и их вид (кстати, они были достаточно похожи), и их образ жизни (борьба Тифона с молодыми надземными божествами, приверженность Ехидны к подземельям). Но дети этой пары уже успели заметно подрастерять фамильные черты, идущие от бабки Геи. У большинства из них отсутствовали змеиные элементы, а голов и конечностей примерно у половины было ровно столько, сколько предназначено природой для обычных млекопитающих. И если некоторые из этих детей, повинувшись голосу крови, явно тяготели к подземному миру (как, например, Цербер), то другие (Зевсов орел) столь же явно предпочитали мир небесный или по крайней мере надземный. Об отпрысках этой большой, многодетной, хотя, судя по всему, не слишком дружной семьи — наша следующая глава.

Дети Ехидны

Дети Ехидны, как мы уже говорили в предыдущей главе, славились исключительным биологическим разнообразием, которое трудно объяснить с точки зрения современной генетики. Но при этом некоторые из них сохранили определенное сходство со своими предками в том, что касалось обилия дополнительных голов. Кроме того, многие из этих детей унаследовали змеиные черты, а трое — Лернейская гидра и два сторожевых дракона — даже превзошли в этом родителей, оказавшись начисто лишенными гуманоидных признаков. С этой троицы мы и начнем наше повествование об отпрысках знаменитого семейства.

Лернейская гидра была, судя по всему, достаточно примитивным животным. Если все мифозои, описанные в предыдущей главе — и гекатонхейры, и гиганты, и Тифон с Пифоном, и даже загадочная Кампа, — безусловно обладали зачатками разума, а некоторые были в полном смысле этого слова разумны, то гидра осталась в истории как существо, напрочь лишенное интеллекта. Интересно, что античные авторы, которые не используют слово «животное» по отношению, например, к гекатонхейрам, а Ехидну даже деликат-

но именуют нимфой, Лернейскую гидру единодушно называют именно животным.

Гидра эта обитала в болотах Лерны в Арголиде; Аполлодор сообщает, что «у нее было огромное туловище и девять голов, из которых восемь были смертными, а средняя, девятая, — бессмертной». Птолемей Гефестион, греческий писатель второго века н.э., добавлял, что средняя голова гидры была золотой. По поводу общего количества голов разные авторы сообщают противоречивые сведения. Древний комментатор Гесиода пишет, что, согласно Симониду, голов у гидры могло быть пятьдесят. Еврипид в трагедии «Геракл» называет ее «чудище стоглавое». Диодор Сицилийский пишет, что у гидры «из единого туловища выросло сто шей, оканчивавшихся змеиными головами». Но чаще всего называется цифра девять, и лишь Павсаний остается при особом мнении, уверяя, что голова у гидры была только одна, а остальные придуманы поэтом Писандром из Камира «для того, чтобы это животное показалось более страшным и его поэма оказалась более интересной». Писандр, живший в шестом веке до н.э., действительно был, возможно, первым автором, сосчитавшим головы знаменитой гидры (Гесиод об их количестве не пишет, а остальные упоминания относятся к более позднему времени). Но от поэмы Писандра «Гераклия», где, вероятно, было подробно описано редкостное животное, до наших дней дошли ровно три с половиной строки, в которых о гидре нет ни слова. И теперь остается только гадать, откуда пошла информация о ее многочисленных головах и сколько же их было на самом деле.

Но интересно другое: головы гидры (и в этом античные авторы единодушны) обладали удивительным свойством — по словам Диодора, «на месте каждой срубленной головы вырастали две новые, поэтому гидра казалась неуязвимой, и не без основания, поскольку раненая часть тут же становилась сильнее вдвое». Кроме того, как сообщает Гигин, «ее яд имел такую силу, что она убивала людей дыханием, а если кто-нибудь проходил мимо нее, когда она спала, то дула на его следы и он умирал в ужаснейших мучениях».

Но злонравная гидра не ограничивалась изведением тех людей, которые имели неосторожность оставлять следы воз-

ле ее логова. По словам Аполлодора, она «ходила на равнину, похищая скот и опустошая окрестные земли». Гидра эта причиняла, надо полагать, немало неприятностей жителям Арголиды, по крайней мере тем из них, что жили вблизи истоков реки Амимоны — именно здесь, по сообщению Павсания, обитало чудовище. Во времена автора «Описания Эллады» (второй век н. э.) еще можно было видеть платан, под которым, «как говорят, выросла знаменитая гидра». Время ее обитания известно довольно точно: родилась она, как и другие дети Ехидны, судя по всему, в первой половине шестнадцатого века до н.э., вскоре после Титаномахии. А гибель ее от рук Геракла могла случиться в первой половине или середине тринадцатого века до н. э.

Потомства гидра, судя по всему, не оставила, — по крайней мере, авторам настоящей книги о нем ничего не известно. Впрочем, не исключено, что животное это было способно к размножению, в том числе и к бесполому (ее крохотные тезки, живущие в пресноводных водоемах, могут размножаться в том числе почкованием).

Уничтожить гидру Гераклу приказал микенский царь Эврисфей, во власти которого сын Зевса и Алкмены оказался в наказание за совершенные в приступе безумия убийства: герой должен был совершить десять подвигов по выбору царя (в итоге их оказалось двенадцать). Эврисфей любил давать своему подчиненному трудные, опасные и часто — совершенно бессмысленные поручения. Однако на этот раз царь был прав — опасное чудовище действительно следовало уничтожить. Аполлодор пишет:

«Взойдя на колесницу, возничим которой был Иолай, Геракл прибыл в Лерну. Там он поставил лошадей и нашел гидру где-то на холме у источника Амимоны: там находилось логовище гидры. Метая в нее горящие стрелы, Геракл заставил ее выйти и после упорной борьбы схватил ее. Она повисла на нем, обвинившись вокруг одной ноги. Геракл, сбивая дубиной ее головы, ничего не мог с ней сделать: вместо каждой сбитой головы вырастали немедленно две. На помощь гидре выполз огромный рак, укусивший Геракла за ногу. Поэтому Геракл, убив рака, и сам позвал на помощь Иолая. Тот зажег часть близлежащей роши и стал прижи-

гать горящими головнями основания голов гидры, не давая им вырастать. Таким способом Геракл одолел возрождающиеся головы гидры, и срубив, наконец, бессмертную голову, зарыл ее в землю и навалил на это место тяжелый камень: место это находится у дороги, ведущей через Лерну на Элеунт. Разрубив тело гидры, Геракл обмакнул в ее желчь свои стрелы. Эврисфей же заявил, что этот подвиг нельзя включить в число десяти, которые он должен был совершить, ибо Геракл одолел гидру не один, а с помощью Иолая».

Интересно, что Нонн Панополитанский полностью согласен в этом вопросе с царем Микен. Он пишет:

Что ж такого отважный Геракл совершил? Он всего лишь,
Поднатужившись, Лерны болотце избавил от змея...
...И не один он трудился!

Нонн иронизирует: «Почтить ли двух мужей, что сразились с червем каким-то ничтожным?» Но с точки зрения авторов настоящей книги, ирония поэта не вполне уместна. Конечно, гидра, несмотря на свои отрастающие головы, не была особенно грозным противником — судя по сообщению Аполлодора, она всего лишь обвилась вокруг ноги Геракла, не причинив ему особого вреда. Но с другой стороны, исключительная сила ее яда делала гидру крайне опасной: для победы над противником достаточно было гомеопатической дозы, причем противоядия не существовало.

Стрелы, смоченные в желчи убитой гидры, были страшным оружием: Диодор пишет, что «рана, наносимая стрелой с таким острием, становилась неизлечимой». Геракл, активно использовавший эти стрелы, не только причинял своим противникам жестокие страдания, но и нанес немалый вред экологии. И «отец географии» Страбон, и живший полтора века позже Павсаний сообщают, что воды реки Анигра навеки стали зловонны и опасны для людей, а рыба — непригодной в пищу после того, как в этой реке омыл свои раны кентавр, раненный стрелой Геракла. Кстати, и сам Геракл погиб после того, как его жена Деянира передала ему плащ, смоченный даже не ядом гидры, а всего лишь кровью кентавра, раненного пресловутой стрелой.

От такой же стрелы погиб и один из родных братьев Лернейской гидры, дракон по имени *Ладон*, охранявший яблоки Гесперид. Об этом чудовище стоит сказать особо, хотя оно и не прославилось ни особыми деяниями и подвигами, ни хотя бы особой ядовитостью.

Геспериды были нимфами, охранявшими яблоки вечной молодости, полученные Герой в качестве свадебного подарка от Геи, — по крайней мере, именно так характеризует их трактат «Катастеризмы» («Превращения в созвездия»), предположительно приписываемый математику и астроному Эратосфену. Не вполне понятно, почему в качестве охранниц своего сада Гера решила использовать нимф, явно не приспособленных для сторожевой службы. Надо думать, что сомнения на этот счет посещали и самое Геру, потому что помимо девиц она приставила к яблокам еще и дракона. Впрочем, Гигин утверждает, что девы, соседствовавшие с чудесным садом, не столько сторожили яблоки, сколько обрывали их сами, в результате чего на службу и был призван дракон. А Диодор высказывает предположение, что Геспериды, а вместе с ними и дракон сторожили не золотые яблоки, а златорунных овец — благо, слова эти на языке древних эллинов пишутся одинаково. Но так или иначе, нимфы, а с ними вместе и дракон обитали на далеком западе и что-то сторожили — вероятно, все-таки яблоки, потому что большинство авторов упоминают в этой связи и сад, и деревья. Так, Гесиод пишет о Гесперидах:

...золотые, прекрасные яблоки холят
За Океаном они на деревьях, плоды приносящих.

Что касается самого чудовища, информация о нем сохранилась достаточно скудная. Гесиод уверяет, что это был огромный змей, который залегал глубоко в земле, — «свившись в кольца огромные, яблоки он сторожит золотые». Автор «Теогонии» называет его (как и Ехидну) порождением морских божеств, Форкия и Кето. Аполлодор и Гигин считают его сыном Тифона и Ехидны.

Аполлодор сообщает, что у змея «было сто голов: он способен был издавать самые разнообразные голоса», это явля-

ется лишним свидетельством в пользу того, что отцом чудовища был все-таки Тифон — ведь и Тифон славился тем, что разные его головы и ревели по-бычьи, и рычали по-львиному, и лаяли по-собачьи... Гигин пишет, что змей «никогда не спал и не смыкал своих глаз, чем и объясняется его назначение стражем». Имя чудовища мы знаем от Аполлония Родосского — он называет его Ладонем.

Злополучный Ладон погиб при исполнении служебных обязанностей, охраняя вверенные ему яблоки. На яблоки эти покусился Геракл, отправленный Эврисфеем на очередной подвиг, на этот раз абсолютно бессмысленный. Существуют разные версии того, как сын Зевса завладел волшебными плодами; по одной из них (об этом пишут многие авторы) он сразил охранявшего их Ладона. Аполлоний пишет, что стрела, убившая безвинное животное, была смочена ядом Лернейской гидры. Аргонавты, оказавшиеся на месте преступления на следующий день, застали душераздирающую картину:

К месту они подошли знаменитому, где ужасный
Змей Ладон еще вчера охранял золотые
В поле Атланта плоды. При нем Геспериды резвились
С песней чудесной своей. А ныне чудовищный этот
Змей был Гераклом повержен и возле яблони брошен,
Только дрожал еще кончик хвоста. С головы же до темной
Был он спины неподвижен совсем и уже бездыханен.
Лишь оставалась в теле его желчь гидры Лернейской
И гнездились в гниющих ранах присохшие мухи.
Близ него Геспериды, над головой своей русой
Белоснежные руки подняв, протяжно стенали.

Преступление оказалось абсолютно напрасным, и никто не воспользовался его плодами. Аполлодор пишет: «Принеся яблоки в Микены, Геракл отдал их Эврисфею, а тот в свою очередь подарил их Гераклу. Взяв эти яблоки от Геракла, Афина вновь унесла их обратно: было бы нечестием, если бы эти яблоки находились в другом месте». Что же касается верного долгу Ладона, он, согласно Гигину, был помещен Герой (Юноной) на небо и теперь «являет свое огромное тело, простираясь меж двух Медведиц».

Родным братом Ладона был, согласно Гигину, *колхидский дракон*, который охранял золотое руно. Правда, Аполлоний считает его сыном Геи, но и он намекает, что Гея-земля породила его из крови, пролитой Тифоном, то есть чудовища эти приходились друг другу по крайней мере единокровными братьями, и оба были стражами золота. Интересно, что драконы вообще склонны к тому, чтобы стеречь золото, и древнегреческие — не исключение. Позднее, в Средние века, страсть этих ящеров к драгоценному металлу будет отмечена множеством авторов. Но одним из первых (если не первым) на нее обратил внимание Филострат Старший в начале третьего века н.э. Описывая картину, на которой (в числе прочего) был изображен один из Липарских островов, Филострат пишет:

«А вот на этом холме, окруженном морем, обитает дракон, думаю, страж некоего клада, который лежит под землей. Говорят, что это чудовище особенно любит золото, и все, что увидит из золота, очарованное им, его бережет; так было с руном, которое находилось в Колхиде, и с яблоками Гесперид; так как они казались золотыми, то два дракона, их присвоив себе, хранили их вместе, глаз не смыкая...»

Что касается «присвоения» драконами золотых предметов, надо полагать, владельцы яблок и руна имели другую точку зрения. Хотя не исключено, что сами животные действительно чувствовали себя хозяевами вверенных им богатств. Так или иначе, сторожа из них вышли отличные, и не их вина, что и яблоки, и руно были в конце концов похищены.

Имени дракона, охранявшего золотое руно в Колхиде, не сохранилось, но сохранились описания животного. Пиндар упоминает «несытые челюсти змея», его серые глаза и пеструю спину. Кроме того, он сообщает, что змей

Был громадней корабля в пятьдесят лопастей,
Сколоченного железными ударами...

Современная реконструкция древнегреческого пятидесятивесельного корабля той эпохи имеет в длину 28,5 метра, что дает некоторое представление о размерах дракона.

Овидий так описывает чудовище в поэме «Метаморфозы»:

С гребнем, о трех языках, с искривленными был он зубами,
Страх нагоняющий страж, золотого блюститель барана.

Этот же автор пишет в «Героидах»:

Вот и бессонный дракон, чешую ошетилив на шее,
Корчится, вьется, шипит, землю взметая хвостом.

Не только Овидий, но и многие авторы сообщают, что дракон этот, подобно своему брату, никогда не спал. Аполлдор называет его «постоянно бодрствующим», Аполлоний — «неусыпным», добавляя, что он был еще и «бессмертным». Автор «Аргонавтики» пишет о том, как

...на вершине
Дуба руно висит, а дракон, ужасный по виду,
Смотрит, кругом наблюдая. И ни днем, ни ночью,
Сладкий сон никогда не сомкнет очей его зорких...

Но чары Медеи, которая помогала Ясону добывать золотое руно, усыпили бессонное чудовище. Правда, существует и версия о том, что дракон был убит. Пиндар пишет о Ясоне: «Он убил дракона умением своим». Диодор утверждает, что «Медея умертвила зельями сказочного дракона, который охранял руно, обвинившись вокруг него кольцами». Но сицилийский автор сам признает, что сообщаемые им сведения не вполне достоверны. Он вообще сомневается в реальности змея, допуская, что «страж святилища по имени Дракон, был превращен поэтами в чудовищное, повергающее в ужас животное»... В основном же мифографы склоняются к более гуманной версии. Гигин сообщает: «Дракона усыпили снадобьями...» Аполлдор пишет: «...Медея успела... привести Иасона* к месту, где находилось руно, и, усыпив волшебным зельем дракона, который его охранял, взяла руно и села вместе с Иасоном на корабль Арго».

Очень подробно останавливается на усыплении дракона и похищении руна Аполлоний, и не удивительно, ведь это — центральное событие его «Аргонавтики». Автор описывает, как Ясон и Медея «идут по тропе в священную рощу», где висит руно.

* Так в переводе В. Г. Боруховича.

Около дуба вверх простер огромную шею
Змей неусыпный, глядящий очами быстрыми зорко
На идущих. Страшно шипел он, и звук раздавался
Вдоль берегов большой реки и по роще обширной.
(...)

И пробудились от ужаса матери возле младенцев, —
Дети, едва уснув у них на руках, от шипенья
Стали во сне дрожать, а матери в страхе качать их.
И, как над лесом горящим всегда начинают кружиться
Клубы несметного темного дыма и друг за другом
Быстро взвиваются к небу в своем непрерывном вращенье,
Каждый клубком летя отдельно зигзагообразно, —
Так чудовище это свивалось в несметные кольца.
Змей извивался, но девушка смело пред ним предстояла,
Голосом сладким взывая к помощи Сна, чтоб сильнейший
Между богами пришел усмирить свирепого змея.

Ясон в страхе следовал за царевной, а она зывала не только ко Сну, но и к Гекате, которая издревле была покровительницей колдовства. Старания Медеи не пропали даром.

Прельщенный

Песней дракон понемногу стал расслаблять напряженно
Скрученный длинный хребет, выпрямляя несчетные кольца...

В конце концов Медея коснулась глаз чудовища веткой можжевельника, смоченной волшебным зельем.

И сразу запах вокруг несказанный

Зелья чудесного сон причинил. Голова у дракона
Пала и наземь легла, а его несметные кольца
Через лес многоствольный вдаль за ним протянулись.

После чего Ясон забрал руно и Медею и отплыл из Колхиды на родину. Что же касается дальнейшей судьбы дракона (если, конечно, он действительно остался жив), то она авторам настоящей книги не известна.

Одним из наиболее экзотических отпрысков Тифона и Ехидны была *Химера*. Гесиод пишет про Ехидну:

Также еще разрешилась она изрыгающей пламя,
Мошной, большой, быстроногой Химерой с тремя головами:

Первою — огненноокого льва, ужасного видом,
 Козьей — другою, а третьей — могучего змея-дракона.
 Спереди лев, позади же дракон, а коза в середине;
 Яркое, жгучее пламя все пасти ее извергали.

Вообще говоря, исходя из русских переводов древнегреческих текстов, понять, как же выглядела Химера, трудно. Дело в том, что в переводах средняя часть замечательного животного иногда приписывается козе, а иногда — самой же Химере. Так, Гомер (в переводе Вересаева) сообщает:

...божьей породы была та Химера;
 Спереди лев, дракон назади, коза в середине;
 Страшную силу огня выдыхала Химера из пасти.

Точно так же и в русском переводе Аполлодора читаем: «Передняя часть туловища Химеры была львиной, хвост — дракона, из трех же ее голов находящаяся посреди туловища была головой козы и изрыгала пламя».

В то же время перевод Гигина, не отрицая, что Химера была рождена от Тифона и Ехидны и что она, «как говорят, тройным телом выдыхала огонь», сообщает: «Она была спереди лев, дракон позади, в середине химера».

Авторы настоящей книги, не будучи сильны в древнегреческом и ориентируясь в основном на переводы, истратили немало душевных сил, пытаясь представить, как же все-таки выглядела Химера «в середине» — как коза или как химера, и если «как химера», то что это значит. Но потом они полезли в словари и выяснили, что «химера» на языке древних эллинов и означает «молодая коза». И следовательно, загадочное животное, несмотря на свои три головы и выдыхаемое пламя, именовалось попросту Козой. Соответственно средняя его часть была козьей.

Но хотя вопрос о строении Химеры прояснился, вопрос о ее жизнеспособности остался открытым. Недаром О. М. Иванова-Казас пишет: «Химера поражает своей полной дисгармонией (невольно вспоминается триада — лебедь, щука и рак). Особенно раздражает глаз торчащая из середины спины голова козы». Исследовательница считает, что три головы, тем более принадлежащие столь разным

по характеру животным, должны были конфликтовать друг с другом в ответственные моменты, например перед нападением. Причем в случае победы львиная и змеиная головы пожирали добычу, козья же не только не пользовалась результатами охоты, но и была лишена возможности пастись, поскольку, «находясь на спине этого монстра, она не могла даже дотянуться до травы».

Отметим, что двадцатью четырьмя веками ранее подобную точку зрения высказал о Химере Палефат, искавший в мифах рациональную основу. В трактате «О невероятном» он писал: «Некоторые полагают, что это было чудовище о трех головах на одном теле. Однако невозможно, чтобы змея, лев и коза употребляли одинаковую пищу».

Тем не менее Химера как-то устраивалась. Несмотря на то что родная мать от нее отказалась, она не погибла в младенчестве — ее, по сообщению Гомера, выкормил некто Амисодар. Кто это такой, толком не известно, но его сыновья, согласно тому же Гомеру, участвовали в Троянской войне на стороне Илиона в войске ликийского царя Сарпедона. Кстати, этот факт вызывает у авторов настоящей книги некоторые сомнения. Дело в том, что мать Химеры, Ехидна, как мы уже писали, погибла в шестнадцатом веке до н.э. Вполне естественно, что ребенка кто-то мог взять на воспитание, но трудно предположить, что это сделал человек, родившийся на три века позже. Возможно, Амисодар был не отцом, а далеким предком воинов — союзников Трои. Во всяком случае, редкие упоминания об Амисодаре, как правило, ассоциируют кормильца Химеры с Ликией, а Палефат даже называет его царем, жившим у ликийской «реки Ксанф на какой-то высокой горе». Страбон пишет, что в его времена, то есть на рубеже эр, в Ликии существовало глубокое ущелье, именуемое Химерой. Как попала Химера в эти места, вполне понятно: ведь они соседствуют с Киликией, где, по распространенному мнению, находились Аримы, в которых обитала мать чудовища.

Итак, «лютая» Химера была, как пишет Гомер, выкормлена «многим мужам земнородным на гибель»; автор «Илиады» называет ее «необоримой». Хотя современные биологи и считают это животное не слишком жизнеспособным, жите-

ли Ликии имели возможность убедиться в обратном. Аполлодор сообщает, что «Химера опустошала землю и губила скот», добавляя, что «не только один человек, но даже целое воинство» не могли бы одолеть это чудовище.

Тем не менее человек, взявшийся победить Химеру, отыскался. Им оказался Беллерофонт, живший за два поколения до Троянской войны. Впрочем, у героя не было другого выхода: обстоятельства сложились так, что он вынужден был исполнять приказы ликийского царя Иобата, а царь этот пытался погубить безвинно оклеветанного юношу. Впрочем, позднее восхищенный доблестью героя Иобат раскаялся и отдал ему в жены свою дочь, а с нею — и ликийский трон. Но перед этим Беллерофонту пришлось свершить немало подвигов, в том числе уничтожить Химеру, которая действительно изрядно отравляла жизнь подданным Иобата. Пожалуй, своими силами Беллерофонт не сумел бы этого сделать, но ему на помощь пришла Афина. Богиня подарила герою уздечку для обуздания крылатого коня Пегаса, и Беллерофонт сумел с воздуха поразить злокозненную Химеру. По сообщению Гигина, в местности, где было сражено огнедышащее чудовище, «реки до сих пор, говорят, выбрасывают уголь».

Но наличие угля в реках Ликии не всех убедило в реальности Химеры. Вообще говоря, некоторые просвещенные греки любили истолковывать мифы в реалистическом ключе, и Химере в этом смысле «повезло» больше многих других. Живший в первом веке н.э. Гераклит (не путать с Гераклитом Эфесским) в трактате «Опровержение, или Исцеление от мифов, переданных вопреки природе» утверждает, что никакой трехглавой Химеры на свете не было. «Истина, вероятно, в следующем. Женщина, владевшая этой местностью, имела в услужении двух братьев по имени Лев и Дракон. А была она вероломна и убивала чужеземцев; уничтожил ее Беллерофонт».

Уже упомянутый нами Палефат, который высказал сомнения по поводу питания Химеры, предложил свою версию событий: «Беллерофонту, коринфянину благородного происхождения, пришлось стать беглецом. Построив большой корабль, он грабил прибрежные земли и разорял их. Название же его корабля было Пегас (как и теперь у каждого кораб-

ля есть свое название; и, на мой взгляд, имя Пегас больше подходит кораблю, чем коню). У реки Ксанф на какой-то высокой горе жил царь Амисодар; к горе примыкал Телмисский лес, а на самую гору были два пути: один спереди, из города ксанфиев, другой сзади, из Карии. Среди высоких крутых утесов есть глубокая пропасть, из которой вырывается огонь. Название же этой горной местности — Химера. И вот, как рассказывают местные жители, тогда получилось так, что на передней дороге жил лев, на задней — дракон, которые похищали дровосеков и пастухов. Тогда пришел Беллерофонт, гору поджег, Телмисский лес спалил и чудовищ погубил. Итак, местные жители стали говорить: «Явившись со своим Пегасом, Беллерофонт сгубил Амисодарову Химеру». Такие произошли события, к которым присочинили миф».

И даже Плутарх внес свою лепту в разоблачение трехглавой дочери Ехидны. Историк предположил, что вместо чудовищной Химеры существовал некто Химар — «муж храбрый, но грубый и свирепый». Он был капитаном пиратов, и «его корабль имел на носу изображение льва, а на корме — дракона». Плутарх сообщает, что злокозненный Химар причинил ликийцам много бед, но «наконец его убил Беллерофонт, преследуя его корабль верхом на крылатом коне Пегасе». Историчность Пегаса, в отличие от Химеры, не вызвала у историка особых сомнений. Впрочем, если следовать логике Палефата, у Пегаса во всяком случае не было принципиальных проблем с пищеварительной системой, а значит, и вероятность его существования можно оценить значительно выше.

Еще одной знаменитой дочерью Ехидны была *Сфинга*, более известная русскоязычному читателю как *Сфинкс*. Но использование мужского рода применительно к Сфинге — лишь дань традиции, проистекающей из давней ошибки перевода (современные переводчики эту традицию поддерживают далеко не всегда). Греческая Сфинга и грамматически, и по строению тела, и, наконец, потому, что ее часто называют «девой», — безусловно была женского рода. Впрочем, слово «дева» к ней можно применить весьма условно, поскольку

девичьим у чудовища было только лицо. Тело ее было львиным, причем к нему крепились мощные птичьи крылья.

О. М. Иванова-Казас, анализируя строение Сфинги с точки зрения биолога, замечает: «Сфинкс, безусловно, очень красивое и гармоничное на вид существо, но насколько оно жизнеспособно? Нетрудно убить человека львиными лапами, но как его съесть без всякой предварительной обработки, имея человеческие челюсти и зубы? И зачем ему крылья?»

В том, что касается питания экзотического животного, исследовательница, безусловно, права (хотя сама Сфинга, вопреки биологической науке, исправно питалась, пожирая людей). Что же касается крыльев, то сохранились свидетельства о том, что Сфинга прекрасно и не без пользы для своего охотничьего промысла летала. Недаром римский поэт первого века н.э. Стаций называет ее «летуньей». Еврипид в трагедии «Финикиянки» описывает, как Сфинга

Потомков великого Кадма
В когтях уносила хищных
К сиянью лазури вечной...

От имени жителей Фив драматург вопрошает чудовище:

Зачем, скажи, крылатая,
Ехидны порождение,
Исчадь мрака адского,
До половины девушка,
До половины чудище,
Зачем ты прилетала к нам?
О крылья беспокойные,
О когти кровожадные,
Зачем берега диркейские
Опустошали вы?
И юношей, измученных
Загадкой невеселую,
Зачем в лазурь умчали вы?

Существо это внешне напоминало египетских сфинксов, но, судя по всему, род свой вело не от них. По поводу про-

исхождения Сфинги имеются некоторые разногласия. Матерью ее, безусловно, была Ехидна, что же касается отца, то на этот счет существуют сомнения. Первым автором, упоминания которого о Сфинге дошли до наших дней, был Гесиод. Правда, он писал не о Сфинге (и уж конечно не о «Сфинксе») — в «Теогонии» упомянута некая Фикс, рожденная Ехидной «в гибель кадмейцам». Но поскольку известно, что именно Сфинга доставила массу проблем жителям основанного Кадмом города, ни у эллинов, ни у их современных комментаторов особых сомнений по поводу того, что Фикс — это древнее имя Сфинги, не возникало (в переводе «Теогонии» В. Вересаева, решившего соблюсти традицию, Фикс превратилась в Сфинкса). Вопрос об отцовстве оказался более спорным. В переводе Вересаева фраза, относящаяся к отцу «девы», звучит весьма двусмысленно. Описав многочисленных детей, рожденных Ехидной от Тифона, Гесиод (Вересаев) далее сообщает:

Грозного Сфинкса еще родила она в гибель кадмейцам,
Также Немейского льва, в любви сочетавшись с Орфом.

Из этих строк не вполне понятно, была ли Сфинга (Сфинкс) порождением упомянутого ранее Тифона или же, как и Немейский лев, происходила от кровосмесительной связи Ехидны с собственным сыном Орфом. Русские комментаторы этого текста, в частности В. Н. Ярхо, весьма уважаемый авторами настоящей книги, и Г. Властов, выполнивший и прокомментировавший русский подстрочник, однозначно присуждают отцовство Орфу. Казалось бы, вопрос можно было бы считать решенным. Но почему-то античные мифографы, которые, безусловно, были знакомы с текстом Гесиода, в один голос называют отцом Сфинги именно Тифона. Аполлодор пишет: «... Богиня Гера наслала на город Сфингу, матерью которой была Ехидна, а отцом — Тифон. Она имела лицо женщины, грудь, лапы и хвост льва, а крылья птицы». Гигин сообщает: «Сфинкс, дочь Тифона, появилась в Беотии и стала опустошать поля фиванцев». Растерянные авторы настоящей книги, отчаявшись понять, кто же был (или, по край-

ней мере, числился) отцом знаменитой Сфинги, обратились за помощью к специалисту по античной мифологии и переводчику Д. О. Торшилову, который сообщил им, что греческий текст Гесиода в этом месте столь же двусмыслен, сколь и его перевод. Таким образом, вопрос о том, кто же был отцом чудовища, остается открытым. Решить его, опираясь на фамильное сходство, представляется затруднительным хотя бы потому, что в любом случае злополучная Сфинга была если не дочерью, то внучкой Тифона. Более того, некоторые античные авторы, отказывая Сфинге в звериных чертах, и вовсе объявляли ее просто женщиной, например побочной дочерью фиванского царя Лаия. Но к этим нетрадиционным версиям мы вернемся ниже, а пока поговорим о чудовище по имени Сфинга (чьим бы порождением оно ни было), которое поселилось в Беотии, неподалеку от города Фивы. Аполлодор, Диодор и Гигин излагают его историю почти одинаково. Поэтому представим слово Аполлодору как старшему:

«Во время его (Креонта. — *О. И.*) царствования на Фивы обрушилась немалая беда: богиня Гера наслала на город Сфингу, матерью которой была Ехидна, а отцом — Тифон. Она имела лицо женщины, грудь, лапы и хвост льва, а крылья птицы. Узнав загадку от Муз, Сфинга уселась на Фикейской горе и стала задавать ее фиванцам. Загадка же заключалась в следующем: “Какое существо, имея один и тот же голос, становится поочередно четырехногим, двуногим и трехногим?” После того как оракул предсказал фиванцам, что они только тогда избавятся от Сфинги, когда разгадают загадку, многие приходили к этой горе, пытаясь разгадать смысл загадки; когда они не могли этого сделать, Сфинга, схватив одного из них, пожирала».

Сенека в трагедии «Эдип» очень ярко живописует Сфингу с окровавленной пастью, сидящую на утесе в окружении белеющих на земле человеческих костей. Ее зубы стучали от ярости, а «когти, плоти ждавшие» «крошили камень с нетерпением». Она распластала крылья и «как ярый лев» хлестала хвостом.

Стаций в «Фиваиде» описывает, как чудище со слипшимися от крови крыльями, приподняв бледный лик и «устремив

налитые ядом очи», вцеплялось в полуобглоданные кости. При этом Сфинга острила «длинные когти... на лапах своих почерневших», острила зубы — «да ранят большее» — «и над лицом пришлеца устрашающе крыльями била». Высматривая очередную жертву, она «с обнаженной грудью вставляла». Последнее сообщение представляется не вполне заслуживающим доверия, поскольку Сфинга имела львиное тело; хотя изображения Сфинги с женской грудью известны, большинство художников и писателей все же показывают ее с львиным торсом.

Но злодействам Сфинги скоро пришел конец. Аполлодор пишет: «После того как многие погибли и последним погиб Гемон, сын Креонта, этот царь возвестил, что тому, кто разгадает загадку, он передаст царскую власть в Фивах и отдаст в жены вдову Лаия. Прослышав об этом, Эдип разгадал загадку, сказав, что существо, которое имеет в виду загадка Сфинги, — это человек: ибо в детстве он ползает на четырех конечностях, когда человек становится взрослым, он ходит на двух ногах, а в старости он берет в качестве третьей опоры палку. Сфинга кинулась с вершины горы в пропасть, к Эдипу же перешла царская власть в Фивах, и он женился на своей матери, не зная, кто она в действительности».

Сообщение о гибели Сфинги подтверждают и другие авторы. Так, Стаций пишет: «...В горе она о скалу... разбила несытое чрево». Но, несмотря на многочисленные и весьма авторитетные свидетельства о сверхъестественном происхождении, преступной жизни и заслуженной гибели Сфинги, еще в далекой древности не переводились люди, пытавшиеся дать этой истории иное толкование. Так, Палефат, верный себе, пишет:

«О кадмейской Сфинге рассказывают, что была она чудовищем с телом собаки, крыльями птицы, с женской головой и лицом, а голосом человеческим. Сидя на горе Фикион, она каждому из граждан задавала загадку и того, кто не мог ее разгадать, тотчас растерзывала. Когда же Эдип разгадал загадку, она бросилась со скалы и разбилась. История эта — невероятная и невозможная, ибо такое существо вообще не может возникнуть, а чтобы оно еще поедало людей, не умею-

ших отгадать загадку, — детская выдумка. И вовсе вздор, чтобы кадмейцы не могли застрелить чудовище, а только бы взирали, как оно поедает их граждан как своих врагов. Истина же вот в чем.

Кадм, будучи женат на амазонке по имени Сфинга, явился в Фивы и, убив дракона, получил во владение царство вместе с его сестрой по имени Гармония. Сфинга, узнав, что он женился на другой, убедила многих граждан отправиться вместе с ней, похитила множество царских сокровищ и захватила быстрого пса, которого привел с собой Кадм. Вместе с верными ей людьми она удалилась на гору, называемую Фикион; отсюда она стала вести войну с Кадмом. Устраивая засаду, она время от времени истребляла тех, кого удавалось похитить. Засаду же кадмейцы называют загадкой. Итак, граждане говорили, негодуя: “Свирепая Сфинга похищает нас, укрепившись в загадке. И сидит она на горе. Разгадать же загадку никто не может, а сражаться с ней впрямую невозможно. Она не бегает, а летает, и одновременно и женщина, и собака”. Тогда Кадм возвещает, что он даст много денег тому, кто убьет Сфингу. И вот Эдип — коринфянин, славный в военном деле, явился на быстром коне, составил отряды из кадмейцев и, выступив ночью и устроив в свою очередь засаду Сфинге, нашел загадку и убил Сфингу. Вот как было дело, а все остальное придумано».

Подобную версию излагает и Павсаний. По одному из его предположений Сфинга была пираткой, которая перекалифицировалась в сухопутную разбойницу, поселилась под Фивами и была убита Эдипом. Согласно второй версии, она была побочной, но любимой дочерью фиванского царя Лая. Загадки же она задавала своим братьям, чтобы погубить конкурентов, претендующих на престол.

Существует альтернативная версия и о самих загадках. Известно, что в несохранившейся драме Эсхила, посвященной Сфинге, ей самой пришлось отгадывать загадку, предложенную Силеном. Коварный спутник Диониса спросил у Сфинги, что он держит за спиной — живое существо или мертвое? Поскольку в руке у Силены была спрятана птичка, которой он, в зависимости от ответа, мог немедленно

свернуть шею, Сфинга оказалась в заведомо проигрышной ситуации и признала свое поражение.

Среди детей Ехидны было несколько чудовищ, имевших определенное сходство с собаками. У некоторых это сходство было весьма условным — как, например, у Сциллы. Но и происхождение Сциллы от Ехидны тоже далеко не бесспорно. Поэтому об этом приморском чудовище, наводившем ужас на мореходов, мы поговорим в следующей главе, а пока что обратимся к двум существам, чье происхождение особых сомнений не вызывает и чья принадлежность к семейству псовых (*Canidae*) уверенно подтверждается античными авторами. Это двухголовый пес *Орф* (он же *Орт* или *Ортр*) и многоголовый пес *Цербер* (*Кербер*).

Орф и Цербер родились у Ехидны от Тифона один за другим, возможно, они были погодками. Древнейшие сведения об их происхождении оставил Гесиод, который писал о Ехидне (дипломатично именуя ее «девой»):

Как говорят, с быстроглазую девою той сочетался
В жарких объятиях гордый и страшный Тифон беззаконный.
И зачала от него, и детей родила крепкодушных.
Для Гериона сперва родила она Орфа-собаку;
Вслед же за ней — несказанного Цербера, страшного видом.

Происхождение этих собак от упомянутых родителей подтверждается и другими авторами, например Аполлодором. Он же подробно рассказывает историю о том, как Геракл столкнулся с Орфом, когда по приказанию Эврисфея отправился угонять коров Гериона: «Прибыв в Эритею, Геракл расположился для ночлега на горе Абанте. Собака, учуяв его, кинулась к нему, но Геракл отразил ее дубиной и убил пастуха Эвритиона, прибежавшего ей на помощь». Из текста не вполне понятно, был ли Орф только отогнан Гераклом, ранен или убит. Но на этот счет имеется вполне четкое сообщение Гесиода:

В тот же направился день к Тиринфу свяшенному с этим
Стадом коровьим Геракл, через броды пройдя Океана,

Орфа убивши и стража коровьего Евритиона
За Океаном великим и славным, в обители мрачной.

Аполлодор называет Орфа «двуглавым». Другие авторы этот факт не оспаривают, хотя Иоанн Цец, живший уже в одиннадцатом веке византийский эрудит и комментатор древних писателей, добавляет к двум собачьим головам еще семь драконьих.

Герион держал своих коров на далеком западе, на острове, расположенном посреди Океана, — именно там и обитал Орф. Поскольку рожден он был, по сообщению Гесиода, специально как пастушеская собака «для Герииона», вероятно, на этом острове и прошла большая часть его жизни. Как он туда добрался, не известно (родился Орф, надо думать, в Аримах, где безвыходно обитала его мать). Но прежде чем отправиться на запад, Орф вступил с Ехидной в кровосмесительную связь, от которой родились Немейский лев и, возможно, Сфинга (см. выше).

Подвиг пса, павшего при исполнении своих служебных обязанностей, не остался незамеченным — живший во втором веке лексикограф, софист и ритор Юлий Поллукс сообщает, что в Иберии Орфу было воздвигнуто святилище, где ему поклонялись под именем Гаргеттий (или Тартеттий).

Информация о *Цербере*, гораздо обширнее, но и противоречивее, прежде всего разногласия касаются количества голов животного. Одним из первых описал Цербера Гесиод, сообщив, что Ехидна родила от Тифона

Медноголосого адова пса, кровожадного зверя,
Нагло-бесстыдного, злого, с пятьюдесятью головами.

Аполлодор сообщает про Цербера, что «у него были три собачьих головы и хвост дракона, а на спине у него торчали головы разнообразных змей». Гигин называет пса «трехглавым», но о змеиных головах умалчивает. Зато о них пишет поэт третьего века до н. э. Евфорион:

Сзади него, устрашая, вставали от брюха густого
Змеи хвостатые подле боков, шевеля языками,
Синею сталью у них сверкали глаза под бровями...

Об этом же говорит Овидий в «Героидах», описывая зверя, «в чью шерсть вплетены гадов шипящих клубки». Гораций называет Цербера стоголовым. Но Софокл, Еврипид, Овидий упоминают о трех головах чудовища. Вообще надо отметить, что версия трех голов была самой популярной. Это касается и античных художников, которые любили изображать знаменитого пса именно трехглавым. Хотя художники, вероятно, чтобы упростить себе задачу, зачастую сокращали количество голов даже до двух... Сенека в трагедии «Геркулес в безумье» рассказывает, как у Цербера

...голову в крови запекшейся
Гадюки лизут, змеи гривой вздыбились
Вкруг шей, и хвост-дракон шипит пронзительно.

Цербер был сторожевым псом, охранявшим вход в Аид. Вообще говоря, входов этих известно несколько, расположены они были по всей Ойкумене, и трудно сказать, возле какого из них обитал Цербер. Гесиод пишет об этом достаточно неопределенно — говоря о подземном мире, он сообщает:

Там же стоят невдали многозвонкие гулкие дома
Мощного бога Аида и Персефонеи ужасной.
Сторожем пес беспощадный и страшный сидит перед входом.
С злою, коварной повадкой: встречает он всех проходящих,
Мягко виляя хвостом, шевеля добродушно ушами.
Выйти ж назад никому не дает, но, наметаясь, хватает
И пожирает, кто только попробует царство покинуть
Мощного бога Аида и Персефонеи ужасной.

Несмотря на то что Цербер, согласно Гесиоду, всех впускал в Аид беспрепятственно, сохранились сведения, что некоторые греки клали в могилы медовые лепешки для усмирения пса.

Известны по крайней мере три случая непосредственного контакта Цербера с живыми людьми, причем каждый раз пес как сторож оказывался не на высоте. Первый раз он впустил в Аид Орфея, который отправился в загробное царство за своей безвременно умершей Эвридикой. Вообще говоря, пес не должен был препятствовать певцу на его пути в Аид. Однако тот, видимо, решил перестраховаться и усмирил зверя музыкой. Это наводит на мысль о том, что хороший музыкант мог и обратно из Аида выйти без особых проблем.

Позднее в Аид спускался Геракл, который победил пса, вытащил его наружу и приволок к воротам Микен. Этот случай описывается многими авторами, вскользь упоминает о нем и Гомер. Подробно он изложен, например, у Аполлодора:

«Двенадцатым подвигом Эврисфей назначил Гераклу привести Кербера из Аида... Когда Геракл стал просить Плутона (Аида. — *О. И.*) отдать ему Кербера, тот разрешил ему взять собаку, если он одолеет ее без помощи оружия, которое при нем было. Геракл нашел пса у ворот Ахеронта и, будучи защищен со всех сторон панцирем и покрыт львиной шкурой, обхватил голову собаки и не отпускал, хотя дракон, заменявший Керберу хвост, кусал его. Геракл душил чудовище до тех пор, пока не укротил его, и вывел на поверхность земли в области города Трезена... Геракл, показав Кербера Эврисфеею, вернул собаку в Аид».

Разные авторы называют разные выходы из Аида, через которые, по их мнению, Геракл вытащил несчастного пса на солнечный свет. Страбон считает, что это произошло возле мыса Тенар на Пелопоннесе. Павсаний указывает на провал возле города под названием Гермiona, а версию о мысе Тенар подвергает сомнению. Он же сообщает, что жители Беотии показывают свой вход в Аид возле горы Гестиион и уверяют, что Цербера вывели из подземного царства именно здесь. Ксенофонт в четвертом веке до н.э. сообщает, что жители Гераклеи Понтийской (современный Эрегли в Турции) были уверены, что Геракл вывел стража Аида на поверхность именно в окрестностях их города. Овидий считает, что это произошло в Скифии — именно там из пены, падавшей на землю из пасти Цербера, вырос-

ли ядовитые цветы аконита. Автор «Метаморфоз» описывает «пещеру с отверстием черным» и крутую дорогу, по которой Геракл волок «Цербера-пса, что идти упирался». В конце концов неудачливый сторож был извлечен на свет солнца. Здесь он

...разъярясь, возбуждаемый бешеной злобой,
Громким лаем тройным одновременно воздух наполнил
И по зеленым лугам разбросал белесую пену.
Пена пустила ростки, говорят, и, влагу впивая
Из плодоносной земли, получила зловредную силу.
Этот живучий цветок, растущий на твердых утесах,
Жители сел аконитом зовут...

Сенека описывает, как побежденный Гераклом «оробелый пес», «головы повесивши», забился в пещеру. Устами Тесея, который случился тут же, Сенека рассказывал о Геракле:

Рукой по шее потрепав чудовище,
На адамантовую цепь он взял его.
Бессонный сторож царства беспросветного,
Прижавши робко уши, позабывши злость,
Послушно влекся следом, свесив головы
И змееносным по бокам хлеща хвостом.

Когда пса вытащили на свет, он «уперся в землю мордой» и попытался спрятаться от солнца в тени своего победителя. Но его притащили в Микены, как пишет Диодор, «ко всеобщему изумлению». Изумившись, Эврисфей велел отпустить пса обратно, и бедняга вернулся в Аид. Но через некоторое время очередной герой решил проникнуть в мир теней — на этот раз им оказался Эней, — и пса снова усмирили, на сей раз без особых хлопот. Это взяла на себя Кумская сивилла, сопровождавшая троянца. Вергилий в «Энеиде» пишет:

Лежа в пещере своей, в три глотки лаял огромный
Цербер, и лай громовой оглашал молчаливое царство.
Видя, как шеи у пса ошетинились змеями грозно,

Сладкую тотчас ему лепешку с травой снотворной
 Бросила жрица, и он, разинув голодные пасти,
 Дар поймал на лету. На загравках змеи поникли,
 Всю пещеру заняв, разлегся Цербер огромный.
 Сторож уснул, и Эней поспешил по дороге свободной...

Все эти истории говорят о том, что Цербер, несмотря на свой устрашающий вид, был существом достаточно безопасным, трусливым, чревоугодливым, а может быть, и добродушным. И совершенно непонятно, почему в трагедии Сенеки Гера (Юнона) говорит о том, как, увидев Цербера, извлеченного на поверхность земли, «затрепетало Солнце», и почему сама богиня, «взглянув на пленника трехшеего», была так испугана.

Впрочем, существуют и альтернативные версии судьбы животного. Палефат, верный себе, уверяет, что Цербер был обычным одноголовым псом, жившим в городе под названием Трехглавие, откуда и пошли рассказы о его трех головах. Пса этого некоторое время прятали в пещере на мысе Тенар, но потом Геракл нашел его и извлек наружу. «Вот и стали говорить люди: “Проникнув через пещеру в Аид, Геракл вывел оттуда Кербера”».

Павсаний же, со ссылкой на греческого историка рубежа шестого—пятого веков до н. э. Гекатея Милетского, предлагает версию о том, что Цербер на самом деле был не собакой, а змеей, носившей имя «Пес Аида». Почему Гекатей выдвинул такое странное предположение, авторам настоящей книги не известно.

Остальные дети Ехидны были по своему строению обычными животными и ни количеством голов, ни змеиными элементами, ни какими-либо другими особенностями не отличались. Но все же они стоят того, чтобы сказать о них несколько слов.

Историю о прикованном на Кавказе титане Прометее, к которому Зевс ежедневно посылал *орла*, чтобы тот терзал его, рассказывают многие античные авторы. Некоторые, например Гесиод и Аполлодор, сообщают, что орел должен был выклевывать печень героя. Гигин считает, что орел

«выедал его сердце — сколько он днем съедал, столько ночью отрастало». Орла этого, по свидетельству Аполлония Родосского, видели аргонавты, когда подплывали к Колхиде. Они обратили внимание на то, что это была

Птица, такая несхожая с виду с орлом поднебесным,
Быстро крыльями машет она, подобными веслам.

Почему птица, столь несхожая с орлом по внешнему виду, именовалась все-таки именно орлом, авторам настоящей книги не известно. В конце концов она была застрелена Гераклом, который и освободил Прометея.

По поводу происхождения знаменитой птицы существуют разные точки зрения. Аполлодор считает, что она была порождением Ехидны и Тифона. Гигин пишет: «Этот орел, по одним свидетельствам, был порождением Тифона и Ехидны, по другим — Теллус (Геи. — *О. И.*) и Гартара, но многие считают, что он был сделан руками Вулкана (Гефеста. — *О. И.*), а Юпитер (Зевс. — *О. И.*), говорят, вдохнул в него жизнь». Интересно, что, по словам того же Гигина (который ссылается на Эсхила), орел этот был долгожителем — он прилетал к Прометею в течение тридцати тысяч лет. Впрочем, это, вероятно, преувеличение, поскольку Зевс, если верить сообщению Лактанция, пришел к власти только в шестнадцатом веке до н.э. Но даже если орел жил с шестнадцатого века по тринадцатый (когда его застрелил Геракл), это весьма немало — продолжительность жизни обычных орлов не превышает пятидесяти лет.

Другим вероятным сыном Ехидны, которого тоже убил Геракл, был *Немейский лев*. Зверь этот, по уверению Аполлодора «был неуязвим» (такой же точки зрения придерживается и Гигин). Это, конечно, преувеличение, поскольку Геракл в конце концов прикончил бедное животное. В этой связи более достоверным представляется сообщение Диодора, который писал: «Лев этот был сверхъестественных размеров, неуязвим ни для железа, ни для меди, ни для камня: одолеть его можно было только силою рук». О происхождении знаменитого льва существуют разные версии. Наиболее распространено мнение Гесиода, по которому его родила Ехидна, «в любви сочетавшись с Орфом». Аполлодор счита-

ет, что лев этот был сыном Тифона (вероятно, подразумевается, что от Ехидны, поскольку она была матерью других детей Тифона). Впрочем, существует еще одна, достаточно экзотическая версия происхождения льва: некоторые авторы (в том числе Клавдий Элиан, римский писатель конца второго — начала третьего века, в «Рассказах о животных») пишут, что он попросту упал с Луны. Гигин в «Астрономии» придерживается близкой точки зрения, сообщая, что его «выкормила Луна». Это противоречит мнению Гесиода, который писал:

Лев этот, Герой вскормленный, супругою славною Зевса,
 Людям на горе в Немейских полях поселен был богиней.
 Там обитал он и племя людей пожирал земнородных,
 Царствуя в области всей Апесанта, Немей и Трета.
 Но укротила его многомощная сила Геракла.

Немейский лев был не первым львом, павшим от руки сына Алкмены. Аполлодор писал о Геракле: «Восемнадцати лет, все еще оставаясь среди пастухов, он убил *Киферонского льва*. Этот лев, устремляясь с вершин Киферона, пожирал коров...» Второго, Немейского, льва Гераклу предстояло убить по приказанию царя Эврисфея — это должно было стать его первым подвигом. Диодор рассказывает:

«Чаще всего лев появлялся между Микенами и Немеей в окрестностях горы, которую иногда называют Третом, то есть “Прорезанной”, поскольку у подножья ее находилась длинная сквозная пещера, в которой лев имел обыкновение устраивать логово. Придя в это место, Геракл напал на льва, а когда тот бежал в пещеру, последовал за ним, предварительно завалив противоположный вход, вступил в борьбу со львом и, стиснув ему руками шею, задушил. Сняв со льва шкуру, которая целиком закрывала его тело, Геракл пользовался ею для защиты при свершении последующих, сопряженных с опасностью деяний».

Местные жители еще во времена Павсания показывали приезжим пещеру, в которой погиб знаменитый лев, — приблизительно в пятнадцати стадиях (чуть меньше трех километров) от местечка Немей. Сам же лев был помещен Зев-

сом на небо и стал сиять среди созвездий. Сенека в трагедии «Геркулес в безумье» описывает, как Геракл, глядя на звездное небо, видит там сраженного им зверя:

Первый из моих трудов,
Чуть не в полнеба лев сверкает яростный:
Вот-вот в звезду какую-нибудь вцепится
Клыками он; разверстый, дышит пламенем
Огромный зев, трясет он гривой огненной...

Среди невероятно разнообразных по своим биологическим характеристикам детей Ехидны была и свинья. Она жила в окрестностях селения, называвшегося Кроммий (Кроммион), неподалеку от Коринфа, и поэтому вошла в историю как *Кроммионская свинья*. Но было у нее и личное имя — Аполлодор сообщает, что ее «звали Фэей по имени старухи, выкормившей ее». Он же пишет: «Об этой свинье некоторые говорят, что она была порождением Ехидны и Тифона». Несмотря на то что свинья выросла среди людей, она отнюдь не стала мирным домашним животным — Вакхилид сообщает, что она убивала окрестных жителей. Когда Тесей проходил через Коринфский перешеек, он уничтожил злокозненное животное. Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» пишет:

«Кроммионская свинья по кличке Фэя была воинственным и свирепым диким зверем, противником отнюдь не пустяшным. Мимоходом Тесей подстерег ее и убил, чтобы не казалось, будто все свои подвиги он совершает по необходимости; вдобавок он считал, что ополчаться против негодных людей храброму мужу следует лишь в ответ на их враждебные действия, но на благородного зверя должно нападать первому, невзирая на опасность. Некоторые, правда, утверждают, что Фэя была разбойница, кровожадная и разнузданная; обитала-де она там же, в Кроммионе, “Свиньей” ее прозвали за гнусный нрав и образ жизни, а Тесей, мол, ее умертвил».

Впрочем, с последним рассуждением трудно согласиться, поскольку по свидетельству Страбона Кроммионская свинья была матерью *Калидонского вепря* — страшного зверя, на которого за поколение до Троянской войны устроили кол-

лективную и небезопасную охоту величайшие герои Греции. Вепрь этот был в полном и непереносном смысле слова именно свиньей, что позволяет сделать соответствующие выводы и об его матери.

И наконец, Гигин упоминает еще одно порождение Ехидны и Тифона — некоего Горгона. Его же он называет и отцом сестер горгон (в том числе знаменитой Медузы), рожденных им от морской богини Кето. Но другие античные авторы, как правило, считают горгон дочерьми Форкия и Кето, о самом же Горгоне больше ни у кого нет ни слова. Откуда он появился в книге Гигина, как выглядел и чем (кроме зачатия дочерей) занимался — не известно.

Подданные Посейдона

Одним из самых загадочных и противоречивых чудовищ античного бестиария по праву считается *Сцилла* (*Скилла*). Про нее нельзя с уверенностью сказать почти ничего: ни кто ее родители, ни как она выглядела, ни как завершила свой жизненный путь. Противоречива информация о ее семье, детях, возлюбленных... Упоминаются поклонники Сциллы-женщины (причем разные авторы называют разные имена), но с той поры, как она превратилась в чудовище, личная жизнь у нее, судя по всему, не складывалась, по крайней мере, о ней ничего не известно. Впрочем, бытование Сциллы в качестве прекрасной девы и дальнейшее превращение ее в чудовище тоже не бесспорны. Многие авторы считают, что Сцилла родилась уже в том виде, в каком ее позднее застал Одиссей, — с несколькими собачьими головами и неизвестно чьим хвостом. Но и этот ее вид разные авторы описывают по-разному.

И лишь образ жизни и рацион Сциллы античные писатели излагают сходно: она сидела на скале над морем и своими многочисленными головами хватала и пожирала все, что проплывало мимо, будь то рыба, дельфин или мореход. Но

по поводу того, как она дошла до жизни такой, тоже существуют самые противоречивые мнения.

Все это поставило авторов настоящей книги перед нелегким выбором: в какую главу поместить загадочное чудовище? Существует версия, что Сцилла — дочь Тифона и Ехидны; в таком случае ей самое место рядом со своими братьями и сестрами. Но помимо этого существует немало иных версий о ее происхождении. Сцилла имела собачьи головы, и о ней можно было бы рассказать после Орфа и Цербера. Но рыбий хвост решительно не позволяет отнести ее к семейству псовых. Правда, не все авторы наделяют Сциллу рыбьим хвостом, но и собачьи головы описаны не всеми... Обитало чудовище на суше, но, видимо, не могло жить вдали от воды. Схолии к Гомеру сообщают, что нижняя часть тела Сциллы переходила в скалу, что объясняет ее привязанность к одному и тому же месту. А по одной из версий вся Сцилла в конце концов стала торчащим из моря утесом... Грейвс высказал предположение, что прообразом Сциллы послужил гигантский осьминог... В конце концов авторы настоящей книги решили последовать примеру энциклопедии «Мифы народов мира», в которой Сцилла без объяснений названа «морским чудовищем». Итак, рассказ о мифических обитателях античных морей мы начнем со Сциллы.

Древнейшее описание Сциллы принадлежит Гомеру. Он сообщает:

Страшно рычащая Сцилла в пещере скалы обитает.
 Как у щенка молодого, звучит ее голос. Сама же —
 Злобное чудище. Нет никого, кто б, ее увидавши,
 Радость почувствовал в сердце, — хоть если бы бог с ней
 столкнулся.

Ног двенадцать у Сциллы, и все они тонки и жидки.
 Длинных шесть извивается шей на плечах, а на шеях
 По голове ужасающей, в пасти у каждой в три ряда
 Полные черною смертью обильные, частые зубы.

Аполлодор добавляет Сцилле женскую голову; он пишет: «У нее были лицо и грудь женщины, а по бокам шесть собачьих голов и двенадцать собачьих ног». Вергилий приписывает чудовищу сходство с обитателями моря:

Сверху — дева она лицом и грудью прекрасной,
Снизу — тело у ней морской чудовищной рыбы,
Волчий мохнатый живот и хвост огромный дельфина.

Современник Вергилия, Овидий, не находит у Сциллы ни рыбьего, ни какого-либо иного хвоста. Он ограничивается в своем описании тем, что у Сциллы было «девьё» лицо, при этом «свирепые псы опоясали черное лоно».

Наиболее рационалистической версии придерживается Гигин, который сообщает: «Сцилла, которая была сверху женщина, а снизу собака и имела шесть рожденных ею псов». Это, кстати, единственное (насколько известно авторам настоящей книги) сообщение о возможных детях чудовища, если не считать еще одного упоминания в том же тексте Гигина — он пишет о том, как Одиссей прибыл к Сцилле, у которой «верхняя часть тела была как у женщины, а нижняя от паха как у рыбы. У нее было шесть рожденных ею собак». Но поскольку ни муж, ни какие-либо сожители Сциллы в бытность ее чудовищем не известны, а образ жизни она вела крайне замкнутый, есть основания полагать, что Гигин ошибся и зачислил в детей чудовища тех собак, которые были его неотъемлемой частью. Тем более что описание Сциллы у самого Гигина крайне противоречиво: нижнюю часть тела своей героини он описывает то как рыбью, то как собачью. Родителей Сциллы он в разных главах своих «Мифов» тоже называет разных: сначала он пишет, что Сцилла родилась от гиганта Палланта и загробной реки Стикс, потом — что от Тифона и Ехидны, и наконец — что отцом Сциллы была река Кратейд (напомним читателю, что греческие божества рек — мужчины):

«Сцилла, дочь реки Кратейда, была, как говорят, очень красивой девушкой. Ее любил Главк, а Главка Цирцея, дочь Солнца. Поскольку Сцилла привыкла купаться в море, Цирцея, дочь Солнца, из ревности испортила воду снадобьями, и у Сциллы, когда она вошла в нее, из живота выросли псы, и она стала свирепым зверем. Она отомстила за себя, похитив спутников проплывавшего мимо Улисса».

Схожую версию передает и Овидий. Он рассказывает о том, как прекрасная дева Сцилла отвергла любовь морского божества Главка. Деву можно понять, поскольку

Главк, несмотря на всю свою божественность, имел «синеватую бороду», «громадные синие руки» и «оконечности ног, как рыбы хвосты с плавниками». Но волшебницу Цирцею, к которой Главк обратился за приворотным зельем, прельстила экзотическая внешность бога, и она вместо зелья предложила ему свою любовь. Главк отказался, Цирцея обиделась и отправилась к затону, в котором любила купаться Сцилла.

Этот богиня затон отравляет, сквернит чудодейной
Смесью отрав; на него она соком зловредного корня
Брызжет; темную речь, двусмысленных слов сочетанье,
Трижды по девять раз чародейными шепчет устами.
Скилла пришла и до пояса в глубь погрузилась затона, —
Но неожиданно зрит, что чудовища некие мерзко
Лают вокруг лона ее. Не поверив сначала, что стали
Частью ее самое, бежит, отгоняет, страшится
Песых дерзостных морд, — но в бегство с собою влечет их.
Щупает тело свое, и бедра, и икры, и стопы, —
Вместо знакомых частей обретает лишь пасти собачьи.
Всё — лишь неистовство псов; промежности нет, но чудовищ
Спины на месте ее вылезают из полной утробы.

Иоанн Щец в одиннадцатом веке передает подобную историю, но уверяет, что Сциллу превратила в чудовище морская богиня Амфитрита, жена Посейдона, которая приревновала к красавице своего мужа.

Впрочем, многие авторы считают, что Сцилла с самого начала родилась чудовищем, по крайней мере, Гомер ни о каких превращениях ее не сообщает, а просто пишет, что у нее была мать по имени Кратеида (в некоторых переводах Кратейя). Кто такая Кратеида, не вполне понятно (само имя значит «сильная» или «мощная»), некоторые авторы отождествляют ее с богиней Гекатой. Аполлоний Родосский пишет, что «Ночная Геката, чье имя Кратейя между людьми», родила Сциллу от морского бога Форка. Аполлодор тоже полагает, что Сцилла была дочерью «Кратеиды и Триена (или Форка)». Приписываемая Гесиоду поэма «Великие Эои» называет ее дочерью Гекаты от Форбанта. Поэт шестого века до н.э. Стесихор считает Сциллу дочерью чудовишной

Ламии (о которой мы еще поговорим в главе «Жители Ойкумены»).

Но каково бы ни было происхождение Сциллы, известно, что она обитала на берегу узкого пролива — многие авторы уверены, что это был Мессинский пролив, отделяющий Сицилию от Италии. Некоторые современные исследователи оспаривают это мнение: так, Тим Северин, экспериментально проверивший возможный маршрут Одиссея, помещал Сциллу и ее соседку Харибду в Северную Грецию, на берега узкого пролива между материком и островом Лефкас, рядом с которым и теперь существует мыс Сцилла.

Гомер сообщает, что Сцилла жила на вершине крутого утеса, настолько гладкого, что

Смертный не мог бы взойти на утес иль спуститься обратно,
Даже когда двадцатью бы руками владел и ногами...

Вершина утеса была всегда окутана черными тучами. Здесь, в пещере, обращенной «входом на мрак, на запад, к Эребу», на огромной высоте, недостижимой для стрел, сидела Сцилла.

В логове полом она сидит половиною тела,
Шесть же голов выдаются наружу над страшною бездной,
Шарят по гладкой скале и рыбу под нею хватают.
Тут — дельфины, морские собаки; хватают и больших
Чудищ, каких в изобилии пасет у себя Амфитрита.
Из мореходцев никто похвалиться не мог бы, что мимо
Он с кораблем невредимо проехал: хватает по мужу
Каждой она головой и в пещеру к себе увлекает.

Охотиться Сцилле было тем более легко, что на другом берегу пролива обитала не менее опасная для всего живого *Харибда*, всасывавшая в себя воду со всем, что в ней находилось, включая корабли. Если все это действительно происходило в Мессинском проливе, то *Харибда* вершила свои черные дела на сицилийской стороне, а Сцилла, вероятно, на итальянской, близ города Регия (ныне Реджо-ди-Калабрия), — по крайней мере, здесь уже в историческое время существовал мыс, носивший ее имя. Правда, ширина про-

лива (по крайней мере, сегодня) составляет около трех километров, поэтому не вполне понятно, как умудрялись два чудовища контролировать его полностью. Впрочем, в пятом веке до н.э., когда уже не было ни Сциллы, ни Харибды, Фукидид писал о Мессинском проливе: «Из-за узости и стремительного течения бурных вод, вливающих туда из двух больших морей — Тирсенского (оно же Тирренское. — *О. И.*) и Сицилийского — этот пролив справедливо считается опасным». Вероятно, трагедии происходили из-за того, что пылкое воображение моряков преувеличивало реальные возможности Харибды. Опасаясь быть затянутыми в ее водоворот, кормчие направляли свои суда к итальянскому берегу, предпочитая потерять шестерых членов экипажа, а не весь корабль, — именно так по совету Цирцеи поступил и Одиссей. Сражаться со Сциллой было бесполезно, волшебница предупредила итакийца:

Знай же: не смертное зло, а бессмертное Сцилла. Свирепа,
 Страшно сильна и дика. Сражение с ней невозможно.
 Силою тут не возьмешь. Одно лишь спасение в бегстве.
 Если там промедлишь, на бой снаряжаясь со Сциллой,
 Я боюсь, что снова она, на корабль ваш напавши,
 Выхватит каждой своей головою по новому мужу.
 Сколько есть силы гони, и притом воззови к Кратеиде,
 Матери Сциллы, ее породившей на пагубу смертным:
 Сциллу удержит она, чтоб вторично на вас не напала.

Но, несмотря на теоретическое бессмертие чудовища, и на Сциллу в свое время нашлась управа. Схолии к Гомеру упоминают, что за несколько десятилетий до Одиссея рядом с местом обитания Сциллы проходил Геракл, гнавший в Микены завоеванных им коров злосчастливого Гериона. Геракл сумел уничтожить «бессмертное» чудовище, но Форкий воскресил его, предварительно сжегши труп. Это, кстати, наводит на мысли о том, что именно Форкий был отцом Сциллы, — трудно представить, чтобы кто-то, кроме ближайшего родственника, был заинтересован в оживлении монстра.

Воскресшая Сцилла вернулась к своему промыслу. Известно, что примерно в это время (незадолго до воскрешения или вскоре после него) мимо нее проплывал корабль

аргонавтов, кружным путем, через внутренние водные пути и Тирренское море возвращавшихся из своего похода вместе с похищенной ими Медеей, — об этом пишут и Аполлодор, и Аполлоний. Фетида и Нереиды помогли знаменитому кораблю преодолеть страшное место (согласно Аполлонию, здесь же, усугубляя опасность, располагались и коварные скалы — Планкты), и Сцилла осталась ни с чем.

Об этом, кстати, позднее, узнав об измене Ясона, очень сожалела Медея — по крайней мере, так пишет Овидий в «Героидах». Обманутая супруга заявила, что лучше бы в свое время «пастями псов растерзала нас хищная Сцилла», подчеркивая, что «неблагодарным мужам Сцилла не может не мстить». Почему колдунья считала, что чудовище, никогда не имевшее собственного мужа (единственная связь, еще в бытность ее человеком, у нее предположительно могла быть с чужим мужем, Посейдоном), должно мстить изменившим мужьям, — для авторов настоящей книги загадка; по имеющейся у них информации Сцилла с равным удовольствием съедала как неверных, так и верных мужей. Во всяком случае, когда чудовище напало на корабль Одиссея и схватило шестерых его спутников, сам Одиссей не пострадал, хотя непосредственно перед этим в течение года делил ложе с Цирцеей.

Одиссей проплывал мимо Сциллы вскоре после завершения Троянской войны; примерно в те же годы в этих местах оказался и Эней, уплывший из разрушенного Илиона. Но Эней, предупрежденный о чудовище прорицателем Геленом, не стал рисковать и предпочел путь длинный, но безопасный: он обогнул Сицилию с юга.

Что касается Одиссея, он тоже был предупрежден Цирцеей о том, что в проливе его ждут два чудовища сразу. Но волшебница, вероятно знакомая с географией хуже, чем Гелен, объяснила герою, что если он попытается избежать их и выберет другую дорогу, то ему придется миновать опасные скалы — Планкты. Впрочем, не исключено, что Цирцея, подобно Медее, хотела отомстить оставившему ее Одиссею и рассчитывала, что Сцилла покарает изменника. Так или иначе, она направила Одиссея в опасный пролив и лишь рекомендовала, проплывая мимо Сциллы с Харибдой, держаться ближе к итальянской стороне, рискуя жиз-

нию нескольких спутников, но не всем кораблем. Она также советовала Одиссею после первого нападения чудовища воззвать к его матери, Кратеиде, чтобы она удержала дочь от повторной атаки. Гомер устами Одиссея описывает нападение Сциллы в те минуты, когда внимание мореходов было отвлечено поглощавшей и извергавшей морскую воду Харибдой:

В это-то время как раз в корабле моем выгнутом Сцилла
Шесть схватила гребцов, наилучших руками и силой.
Я, оглянувшись на быстрый корабль и товарищей милых,
Только увидеть успел, как у поднятых в воздух мелькали
Ноги и руки. Меня они с воплем ужасным на помощь
Звали, в последний уж раз называя по имени скорбно.
Так же, как если рыбак на удочке длинной с уступа
В море с привязанным рогом быка лугового бросает
Корм, чтобы мелкую рыбу коварно поймать на приманку,
И, извиваясь, она на крючке вылетает на сушу, —
Так они бились, когда на скалу поднимала их Сцилла.
Там же при входе в пещеру она начала пожирать их.
С воплями в смертной тоске простирали ко мне они руки.
Многое я претерпел, пути испытывая морские,
Но никогда ничего не случилось мне видеть ужасней!

Впрочем, Сцилле недолго довелось бесчинствовать на море. Овидий в «Метаморфозах» сообщает:

Спутников ею лишен был Улисс, на досаду Цирцеи.
Также троянцев она корабли потопить собиралась,
Да превратилась в скалу; выступает еще и доньяне
Голый из моря утес, — и его моряки избегают.

О том, что Сцилла стала скалой, упоминает и Нонн Панополитанский. Что же касается Энея, то он, избегнув встречи с чудовищем на море, встретился с ним в загробном мире. Известно, что герой, в бытность его в Италии, живым спустился в Аид через вход, расположенный в Кампании, у озера Аверно. Здесь, неподалеку от входа, обитало множество разнообразных монстров. Вергилий пишет:

В том же преддверье толпой теснятся тени чудовищ:
Сциллы двувидные тут и кентавров стада обитают...

Это — единственное известное авторам настоящей книги упоминание о сциллах как о биологическом виде. Трудно сказать, с чем связано такое сообщение Вергилия, но оно проливает некоторый свет на информацию о происхождении Сциллы. Можно предположить, что на самом деле античные авторы вовсе не противоречили друг другу и на самом деле чудовищ было несколько. Впрочем, верный себе Палефат еще две с лишним тысячи лет тому назад был уверен, что он разрешил загадку Сциллы. Он писал:

«Говорят о Скилле, что было в Тиррении некое чудовище — до пупа женщина, остальное тело — змеиное, а от пояса росли собачьи головы. Представить себе такое создание природы — огромная глупость. Истина же вот в чем. Были у тирренцев корабли, которые плавали вокруг Сицилии и по Ионийскому заливу. И была тогда среди них быстроходная триера под названием Скилла — так и было написано на носу. Эта триера, часто захватывая другие корабли, вымогала себе съестные припасы, и много о ней было разговоров. От этого-то корабля бежал Одиссей, воспользовавшись сильным попутным ветром, и на Коркире рассказал Алкиною, как его преследовали и как он избежал опасности, и расписал вид этого судна. Потом подсочинили миф».

Можно было бы поверить скептически настроенному греку, но дело в том, что он допускает в своих рассуждениях по крайней мере одну очевидную ошибку: во времена Одиссея триер, равно как и других многорядных кораблей, еще не существовало. Конечно, история эта с равным успехом могла относиться и к однорядному кораблю, но такие неточности понижают степень доверия к ее автору. Так или иначе, загадка Сциллы (или сцилл) еще ждет своих исследователей.

Ближайшая соседка Сциллы, *Харибда*, жила, как мы уже упомянули, по другую сторону Мессинского (или, возможно, какого-то другого) пролива. Как и Сцилла, Харибда была привязана к одному месту, которое не могла покидать. Но

если Сцилла сидела в пещере на скале, то Харибда обитала под водой. Гомер пишет:

Дико растет на скале той смоковница с пышной листвою.
 Прямо под ней от Харибды божественной черные воды
 Страшно бушуют. Три раза она их на дно поглощает
 И извергает три раза.

Цирцея предупреждает Одиссея, что мореплавателя, который слишком близко подойдет к Харибде, не спасет и сам Земледержец-Посейдон. Так же и Гелен предостерегает Энея:

Справа Сцилла тебя там ждет, а слева — Харибда:
 Трижды за день она поглощает бурные воды
 Море вбирая в провал бездонной утробы, и трижды
 Их извергает назад и звезды струями хлещет.

Но, как мы уже говорили, Эней предпочел потерять время, но не спутников и обошел Сицилию с юга. Одиссей же рискнул проплыть в отдалении от чудовища, придерживаясь противоположной стороны пролива. Гомер, устами Одиссея, рассказывает:

Узким проливом мы плыли, и в сердце теснились стенанья;
 Сцилла с этого боку была, с другого Харибда,
 Страх наводя, поглощала соленую воду морскую.
 Воду когда извергала она, то вода клокотала,
 Словно в котле на огромном огне. И обильная пена
 Кверху взлетала, к вершинам обоих утесов. Когда же
 Снова глотала Харибда соленую воду морскую,
 Вся открывалась пред нами кипящая внутренность. Скалы
 Страшно звучали вокруг, внутри же земля открывалась
 С черным песком. И товарищей бледный охватывал ужас.
 Все мы, погубили близкой страхась, на Харибду глядели.

Знаменитому итакийцу довелось встретиться с Харибдой дважды. В первый раз он проплывал через опасный пролив на корабле и, послушный совету Цирцеи, держался ближе к тому берегу, на котором притаилась Сцилла. Это стоило

ему шестерых товарищей, но корабль он сохранил. Вторично Одиссей оказался здесь после кораблекрушения, потеряв всех товарищей и корабль и скитаясь по морю на обломках своего судна, связанных ремнем. На этот раз у него не было выбора, какой стороны пролива держаться, — его несло прямо в пасть Харибды. Позднее Одиссей рассказывал:

Сциллы утес и Харибду я вновь увидел пред собою.
 Воду соленую моря Харибда как раз поглощала.
 Вверх тогда я к высокой смоковнице прыгнул из моря,
 Ствол охватил и прильнул, как летучая мышь. И не мог я
 Ни опереться ногами о землю, ни выше подняться:
 Корни были глубоко внизу, а ветки высоко;
 Длинные, частые, тенью они покрывали Харибду.
 Крепко держался я там и ждал, чтоб Харибда обратно
 Мачту и киль изрыгнула. Они наконец появились, —
 Поздно: когда на собраньи судья, разрешивший уж много
 Тяжеб меж граждан, встает, чтоб отправиться ужинать

в дом свой, —

В это лишь время опять из Харибды явились бревна.
 Выпустил ствол я из рук и из ног и обрушился прямо
 В кипень бушующих волн вблизи от извергнутых бревен.
 Влез я на бревна и начал руками, как веслами, править.

Информация о незатейливой жизни Харибды однообразна и непротиворечива: многие авторы, среди них, например, Аполлодор и Гигин, сообщают, что чудовище ритмично поглощало и выбрасывала наружу морские воды, чем его деятельность и ограничивалась. Не сохранилось никаких достоверных сведений ни о происхождении Харибды, ни о ее семейной жизни, ни о детях. Правда, схолии к Гомеру упоминают, что Харибда была дочерью Понта и Геи (то есть Моря и Земли); она атаковала берег своими волнами, за что Зевс приковал ее к морскому дну. По другой версии она украла скот Геракла, за что опять-таки была повержена на морское дно молнией. Но эти сообщения не подтверждаются другими авторами.

О семейной жизни Харибды никаких сведений не сохранилось. Существует лишь одно сообщение Аполлодора, которое некоторые комментаторы трактуют как намек на то,

что Харибда имела дочь. Знаменитый мифограф сообщает, что Сцилла могла быть дочерью некоего существа по имени Триен (Триенос). Кто такой Триен, доподлинно не известно, но имя его переводится как «троекратный», и высказывалось предположение, что этим загадочным персонажем была Харибда, трижды в день поглощавшая и извергавшая воду. Это тем более похоже на истину, что оба чудовища вполне по-родственному обитали на берегах одного пролива.

Страбон дал свое объяснение природы Харибды — он был уверен, что, описывая чудовище, Гомер хотел дать аллегорическую картину приливов и отливов. Упреждая справедливые возражения, что прилив бывает дважды, а не трижды в сутки, географ предположил, что и Харибда извергала воду дважды в сутки, а Цирцея попросту обманула Одиссея. Ведь она уже сделала это раньше, уверяя, что никто не может спастись от Харибды, если приблизится к ней. Тем не менее Одиссей, оказавшийся у самой пасти чудовища, умудрился остаться в живых. «Таким образом, Кирка (Цирцея. — *О. И.*) сказала неправду, — пишет Страбон. — И как она сказала неправду в одном случае, так она солгала и в другом: “три раза в день поглощая” вместо “два раза”». Впрочем, географ не судит Цирцею слишком строго — он считает, что она солгала лишь для красного словца, чтобы с помощью гиперболы усилить впечатление от своей речи.

Еще одним жителем моря, причинявшим людям немало неприятностей, был неведомый зверь (часто именуемый «*кит*»), которого Посейдон послал в Эфиопию во устрашение и для наказания Кассиопеи, жены царя Кефея. Гигин утверждает, что царица провинилась, поскольку «считала, что ее дочь Андромеда красивее nereид». Аполлодор излагает близкую точку зрения: «Причиной было, что Кассиопея, жена Кефея, вступила в спор о красоте с nereидами и хвалилась тем, что она красивее всех на свете. По этой-то причине и разгневались nereиды, а Посейдон, гневаясь вместе с ними, наслал на эту землю наводнение и чудовище». Но чья бы красота ни была причиной божественного гнева, чудовище появилось у берегов Эфиопии.

Возможно, оно и по сей день наводило бы ужас на несчастных эфиопов, поскольку Посейдон не был склонен прощать обиду, но в дело неожиданно вмешался бог соседнего Египта, Амон (греки называли его «Аммон» и отождествляли с Зевсом). Дело происходило в четырнадцатом веке до н.э. (дату эту дает подсчет поколений потомков Персея вплоть до Троянской войны), Аммон пребывал в зените своей славы и на вершине власти и мог позволить себе вмешаться в конфликт, который его напрямую не касался — формально ни на Посейдона, ни на эфиопов его власть не распространялась. Аполлодор пишет: «...Бог Аммон вешал, что избавление от бедствия наступит тогда, когда дочь Кассиопеи Андромеда будет отдана на съедение чудовищу. Жители Эфиопии заставили тогда Кефея сделать это, и он привязал свою дочь к скале».

В это время над Эфиопией пролетал на крылатых сандалиях Персей, недавно убивший горгону Медузу и прихвативший с собой ее смертоносную голову. «Увидев Андромеду, Персей влюбился в нее и дал обещание Кефею убить чудовище, если спасенная Андромеда будет отдана ему в жены. Получив от Кефея клятву соблюсти это условие, Персей вступил в поединок с чудовищем, убил его и освободил Андромеду».

Ход битвы Аполлодор не описывает, но его очень подробно излагает Овидий. По версии римлянина Персей не стал пускать в ход голову Медузы — он поражал чудовище мечом с воздуха. Этой же точки зрения в основном придерживаются и другие античные авторы. Тем не менее в современной литературе бытует расхожее мнение, что Персей превратил «кита» в скалу у берегов Африки. Версия эта кажется достаточно логичной: зачем вступать в опасную битву, если можно всего лишь расстегнуть сумку и достать смертоносную голову? Но не надо забывать, что за поединком наблюдала Андромеда, на которую Персей, безусловно, хотел произвести впечатление. А крылатые сандалии и так давали ему огромное преимущество перед злополучным животным. Авторы настоящей книги нашли в античных источниках одно-единственное упоминание о том, что Персей превратил «кита» в камень, — об этом во втором веке н.э. пишет

Лукиан Самосатский в «Морских разговорах». Но и он сообщает, что герой сначала поразил чудовище «оружием» и уже потом достал знаменитую голову — видимо, желая увековечить свой подвиг в камне.

В русскоязычной литературе животное, покусившееся на Андромеду, иногда именуется китом, — во всяком случае, именно Китом называют посвященное ему созвездие. Но это не вполне точно, и видовая принадлежность данного мифозоя остается под вопросом. Чудовище, судя по всему, было достаточно приспособлено к жизни на суше, поскольку, по сообщению Филострата Старшего, «истребляло на земле стада и людей». Строение его наиболее подробно описано у Овидия: автор «Метаморфоз» упоминает плечи, «хребет с наростами раковин полых», «ребра с обоих боков и место, где хвост, утончаясь, рыбьим становится» — именно эти части тела, выступавшие из воды, поражал с воздуха Персей во время битвы со зверем. По-видимому, животное было глубоководным — Овидий называет его «чудище бездны морской». Из того, что Персей, сражаясь с чудовищем, стремился избегать «жадных укусов», можно составить представление о зубастой пасти животного. Гигин в «Астрономии» отмечает «непомерную величину его тела» — именно это стало одной из причин того, что «кит» был помещен среди созвездий.

Веком позже подобное чудовище, тоже насланное Посейдоном, появилось у берегов Трои. Аполлодор описывает это так: «Случилось тогда, что город этот постигло несчастье, которое было следствием гнева богов Аполлона и Посейдона. Эти боги, желая испытать нечестие Лаомедонта, уподобились людям и нанялись за плату окружить стенами Пергам (цитадель Трои. — *О. И.*). Но когда они построили стены, Лаомедонт им платы не отдал». Гомер даже сообщает, что нечестивый Лаомедонт не только обманул богов, но и выслал их за пределы города, обещая заковать Аполлона в оковы и продать на чужбину и обоим богам угрожая «отсечь в поругание уши». Боги подчинились насилию и удалились, «на него негодуя душою», но зла не простили. Аполлодор пишет:

«За это Аполлон наслал на Трою чуму, а Посейдон — морское чудовище, приносимое приливом и похищавшее всех

встречавшихся на равнине людей. Когда было получено предсказание, что избавление от бедствий наступит только после того, как Лаомедонт отдаст свою дочь Гесиону на съедение чудовищу, он привязал ее к прибрежным скалам. Геракл, увидев девушку выставленной на съедение, заявил, что спасет ее, если Лаомедонт отдаст ему коней, полученных от Зевса в качестве выкупа за похищенного Ганимеда. Лаомедонт обещал отдать, и тогда Геракл убил чудовище и спас Гесиону».

Прошлый опыт ничему не научил Лаомедонта — Геракла он обманул точно так же, как недавно обманул богов. Но сын Зевса оказался мстителем куда более серьезным — он взял город приступом и убил обманщика Лаомедонта. История эта практически без разногласий передана многими античными авторами. Но само животное у большинства из них описано достаточно скупо. Диодор сообщает, что, «появляясь внезапно, чудовище похищало тех, кто находился на побережье или возделывал землю в приморской области». Гигин добавляет, что зверю понадобилась не только царская дочь, но и все троянские девушки вообще. «Когда многие уже были съедены, жребий выпал Гесионе и ее привязали к скалам». Гомер сообщает о земляном вале, который троянцы соорудили для Геракла, чтобы он мог прятаться от чудовища, «когда на равнину оно устремлялось из моря», — это дает основания думать, что животное это, во всяком случае, могло передвигаться по суше.

Единственное подробное описание морского мстителя оставил, насколько известно авторам настоящей книги, Филострат Младший (внук упомянутого Филострата Старшего). Он живописует виденную им картину, на которой изображалась битва Геракла с чудовищем, и так образно и тщательно передает все подробности, что они с избытком искупают скудность информации, сообщаемой другими авторами.

«Ты видишь, какие глаза у него страшные, круглые; они вращаются, как гончарное колесо, и страшно смотрят они вдаль; кожа над его бровями колючая, как заросль аканта, и страшно собирается над его глазами, для того чтобы остро выступающая пасть его могла показывать три ряда острых

зубов, из которых одни крючковаты и загнуты, чтобы удерживать схваченную им добычу, другие заострены, как копыта, далеко выдаются вперед. Какая огромная голова появляется из воды на его изогнутой мокрой шее! Если рассказать об его огромных размерах в немногих словах, то вызовешь, пожалуй, лишь недоверие, но, видя его на этой картине, поверит и тот, у кого есть какие угодно сомнения.

Тело чудовища извивается кольцами не один раз, а во многих местах; те части, которые скрыты водою, точно нельзя рассмотреть из-за морской глубины, а другие, которые выдаются над водою, непривычный к морю человек мог бы счесть за островки. Мы застали чудовище, когда оно лежало спокойно; теперь же, двигая кольцами своего туловища, в страшном волнении оно поднимает огромные волны с ужасным шумом, хотя само море спокойно. И пучина, разделившись надвое, при его стремительном ходе частью перекатывается волной через его тело, выдающееся из воды, обливая его водою и снизу покрывая белую пеной, частью же бьется прибоем о берег; конец же его хвоста, высоко извиваясь над морем, похож на корабельные паруса, когда лучи солнца их освещают, окрашивая различными оттенками света и тени».

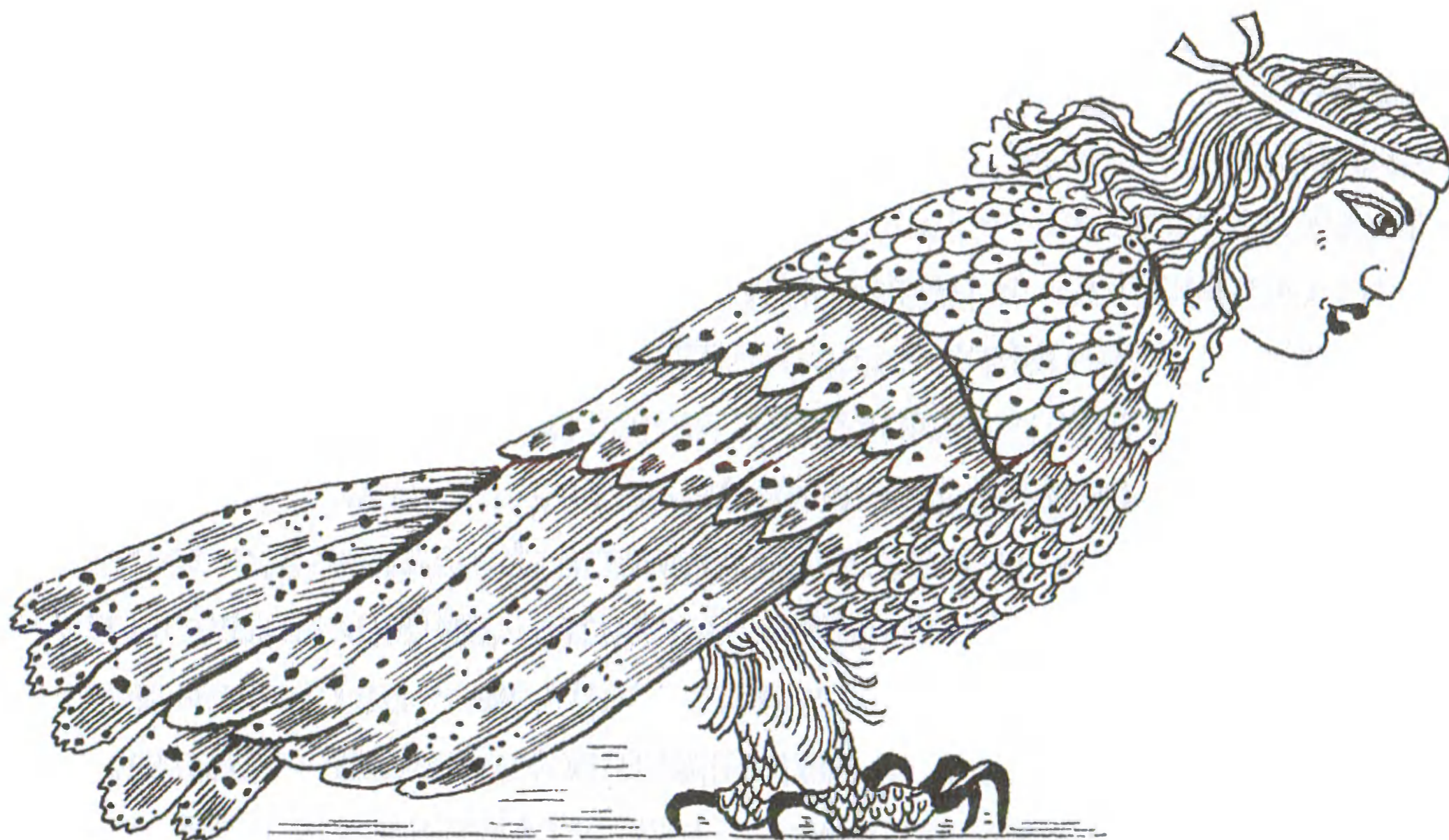
Отметим, что животное это, как и то, которое было послано Посейдоном для запугивания эфиопов, во всяком случае, не напоминало кита. Скорее, они оба были похожи на драконов, точнее, на гигантских змей, каковыми и являлись греческие драконы.

Воды античных морей, по свидетельствам древних авторов, были достаточно плотно населены разнообразными мифологическими существами. Здесь находился «двор» царя морей Посейдона и его супруги Амфитриты, здесь обитали самые различные морские божества разных рангов, среди которых одних только nereid было около пятидесяти... Но все они были вполне или по крайней мере в достаточной степени антропоморфны и в категорию «мифических животных» не попадали. Конечно, Нерей мог принимать самые разнообразные, в том числе животные, облики, но при этом он оставался прежде всего богом. Тритона иногда изобража-

ли с дельфиним хвостом, и все же этого сына Амфитриты и Посейдона никак нельзя отнести к животным — аргонавты повстречали его во время своих странствий и сочли, что это бог, «на юношу с виду похожий»... Вообще, боги, особенно морские, нередко принимали самые экзотические облики или же заводили себе части тела, несовместимые с антропоморфностью, и провести грань между некоторыми богами и животными бывает очень трудно.

Столь же трудно бывает провести грань между животными мифологическими и реальными даже в том случае, когда они божествами заведомо не являются. Куда, например, отнести знаменитых змей, которых богиня Афина послала на берега Трои, чтобы покарать жреца Лаокоона? Змеи эти, понукаемые волей богини, выползли из воды и задушили как самого жреца, так и его сыновей. Пожалуй, обычным змеям из тех, что водились в водах Средиземного моря, такое было не под силу, но анаконда или питон, пожалуй, могли бы задушить старика и детей. И допустить, что Афина разыскала (или сотворила) в окрестностях Трои питона, ничуть не сложнее, чем допустить, что она создала для этой цели неких мифических змей, неизвестных современной биологии... Вопросы классификации мифологических существ, в том числе вопросы о том, кого из них можно, а кого нельзя относить к животному миру, еще ожидают своих исследователей. Что же касается авторов настоящей книги, они волевым решением ставят точку в главе о мифических морских животных Античности и переходят к животным сухопутным.

Жители Ойкумены

Помимо бескрылых драконов (или гигантских змей), непосредственно связанных с землей (Геей) и водой, в античном мире существовали и драконы, принадлежавшие к стихии воздуха (редкая в Греции крылатая разновидность), а также и такие, которые не были напрямую связаны ни с одной из этих стихий. Среди последних особенно широко известен дракон (известный как *дракон Кадма*), обитавший в Беотии, возле источника, посвященного богу войны, Аресу. Сам дракон, возможно, был сыном этого бога — некоторые авторы, например Аполлодор и Гигин, высказывают такую точку зрения. Во всяком случае, чудовище отличалось крайней воинственностью. Когда Кадм, собиравшийся основать в этих местах город (будущие Фивы), послал своих людей к источнику за водой, то, как сообщает Аполлодор, «дракон, охранявший этот источник... растерзал многих из посланных». Овидий описывает это в «Метаморфозах»:

Камни в приземистый свод сходились, оттуда обильно
Струи стекали воды; в пещере же, скрытый глубоко,
Марсов змей обитал, золотым примечательный гребнем.
Очи сверкают огнем; все тело ядом набухло,
Три дрожат языка; в три ряда поставлены зубы.

Стоило спутникам Кадма приблизиться к воде, как «протянул главу из пещеры иссиня-черный дракон и ужасное издал шипенье». После чего змей, «единым прыжком изгибаясь в огромные дуги» и поднимаясь до самого неба, расправился с бедными водоносами:

Одних убивает укусом иль душит,
Тех умершвляет, дохнув смертельной заразою яда.

Кадм, решивший узнать, почему его спутники так долго не возвращаются, застал у источника змея, который «кровавым лизал языком их плачевные раны». Будущий фиванский царь не стерпел обиды, схватил огромную каменную глыбу, которой можно было бы сокрушить крепостные стены, и бросил в злокозненное животное. Змей остался невредим, поскольку был «чешуей защищен, как некой кольчугой», но Кадм пустил в ход дротик, и чешуя дракона не выдержала.

Ярость обычная в нем сильнее вскипела от раны
Свежей, вздулось от жил налившихся змеево горло,
Мутная пена бежит из пасти его зачумленной,
Под чешуей громыхает земля; он черным дыханьем
Зева стигийского вокруг заражает отравленный воздух.
Сам же, спиралью круги образуя громадных размеров,
Вьется, то длинным бревном поднимается вверх головою,
То, устремясь, как поток, наводненный дождями, он бурно
Мчится вперед и леса сокрушает встречные грудью.

В конце концов справедливость восторжествовала, и дракон пал, пронзенный железным мечом:

Согнут был дерева ствол паденьем чудовища; стоны
Дуб издавал, хвоста оконечностью нижней бичуем.

По поводу железного меча, а также «твердого железа», о которое дракон ломал свои зубы и которое в конце концов обрело его на заслуженный конец, Овидий явно ошибся — в те далекие времена (примерно середина четырнадцатого века до н.э.) греки железа еще не знали и обходились бронзой (разве что Кадму повезло разжиться клинком из

метеоритного железа). В остальном же свидетельства Овидия непротиворечивы и вполне согласуются с сообщениями других авторов. Нонн Панополитанский так описывает нападение чудовища на воинов Кадма:

Змей шевелился вкруг бьющих струй извивом змеиным!
 Затрепетала дружина Кадма, идущая следом, —
 Змей же в передового впивается зубом блестящим,
 Умерщвляет другого кровавою пастью своею,
 Третьему рвет он печень, прибежище жизни, и мертвым
 Падает шлемник, и гребень над змеем дыбится косматый
 Сам собою, над мордой влажной покровом спадая!
 Змей устрашает другого, метнувшись над головою,
 Воина, неукротимый, он хочет вцепиться уж в глотку
 Пятого, брызгая очи зельем отравным из пасти,
 Белый свет застилая очей его мраком ужасным!
 Этого он за пяту хватает и, зубы сомкнувши,
 Плоть терзает, и пена с клыков зеленая хлещет...

Подоспевший Кадм изнемог во время битвы с чудовищем и еще не известно, кому бы досталась победа, если бы Афина Паллада морально не поддержала героя, посоветовав ему не трепетать «пред пастью клыкастою дикого зверя». После чего приободренный Кадм поразил дракона подобранной на поле мраморной глыбой и перерубил его мечом.

Но чудеса, связанные с хранителем источника, продолжались. Самым замечательным в драконе оказались не его размеры, не сила и не воинский дух, а зубы. Афина велела Кадму посеять зубы поверженного животного в землю, и, как сообщает Аполлодор, «после этого посева из-под земли стали подниматься мужи в полном вооружении...». Новоявленные воины начали сражаться друг с другом и пали все, кроме пятерых. Этих пятерых Кадм сделал своими соратниками, а одного из них — даже зятем, что характеризует Кадма как человека, чуждого сословных предрассудков. Он не только отдал выращенному на поле мужу свою дочь Агаву, но и назначил его наследником фиванского трона.

История зубов знаменитого дракона на этом не закончилась. Как выяснилось, Кадм засеял под Фивами только половину своей добычи — вторую половину Афина забрала

себе и позднее подарила царю Эту, правившему в Колхиде. Когда Ясон явился к Эту за золотым руном, царь, не слишком надеясь на охранявшего руно дракона, предложил герою вспахать поле и засеять его зубами, подаренными Афиной. Кстати, в этой, уже колхидской, истории принимали участие еще два замечательных и вполне фантастических животных: злокозненный царь предложил Ясону пахать на гигантских свирепых *быках*, у которых «были медные ноги и огнедышащие пасти». Быки эти были подарены царю Гефестом и, вероятно, им же изготовлены — бог-кузнец нередко баловался созданием биороботов. Колхидский владыка рассчитывал, что предводитель аргонавтов не справится с быками, а если и справится, то выросшие из земли воины уничтожат пришельца. Но Ясон, вооруженный советами и волшебной мазью Медеи, запряг быков, перебил воинов и похитил руно, а заодно и Медею.

Однако и на этом история дракона с замечательными зубами не завершилась. Прошло много лет, но Арес не забыл зло, которое Кадм причинил его любимцу (хотя справедливости ради надо отметить, что дракон напал на людей первым). И в конце концов и Кадм, и его жена Гармония по прихоти бога тоже превратились в драконов или в змей.

Процесс прорастания воинов из замечательных зубов подробно описан у Овидия:

Тут Ясон достает из медного шлема
 Зубы дракона и их рассеивает по вспаханной ниве.
 Почва смягит семена, напоенные ядом могучим, —
 Зубы растут, и из них небывалые люди выходят.
 Как принимает дитя человеческий образ во чреве
 Матери и в глубине из частей свой состав образует
 И на всеобщий простор не выходит, пока не созреет, —
 Так, лишь когда развился в утробе беременной почвы
 Образ людей из семян, — показались из нивы чреватой.
 Но удивительней то, что уже потрясали оружием!

Этот необычный способ размножения О. М. Иванова-Казас анализирует с точки зрения современной биологии:

«Развитие людей из зубов змеи — феномен, достойный внимания биолога. Если бы из этих зубов развились снова

драконы, это можно было бы сравнить с бесполом размножением с помощью покоящихся почек, роль которых в данном случае выполняют зубы. Но в этом мифе из зубов развились не драконы, а люди, и к тому же вооруженные!

Нечто подобное (так называемое чередование поколений, или метагенез) наблюдается и у некоторых животных. Так, у гидроидных и сцифоидных медуз при половом размножении из оплодотворенных яиц развиваются прикрепленные полипы, которые затем бесполом путем (почкованием или делением) производят свободноплавающих медуз, — происходит чередование полипоидного и медузоидного поколений. Но морфологические различия между полипами и медузами, конечно, не так велики, как между драконами и вооруженными людьми. Все-таки можно было бы допустить существование метагенеза и в этом случае. Дракон, убитый Кадмом, был сыном вполне антропоморфного бога войны Арея, а его дети оказались тоже вооруженными людьми — казалось бы, и здесь наблюдается чередование поколений. Но в потомстве пятерых воинов, выращенных Кадмом из зубов дракона, больше драконы не появлялись. Поэтому случай с зубами дракона остается уникальным».

Среди обитавших в античном мире мифологических драконов большинство, как мы уже писали, были бескрылыми. Но имелась и редкая крылатая разновидность — это были домашние обьезженные драконы, которых боги и волшебники использовали в качестве транспортного средства. Аполлодор сообщает, что, когда богиня Деметра решила научить людей земледелию, «она изготовила колесницу, в которую запрягла *крылатых драконов*». Богиня предоставила эту колесницу в распоряжение элевсинского царевича Триптолема, снабдила его зернами пшеницы, и юноша, «поднявшись к небу, засеял всю землю».

Деметра, судя по всему, регулярно пользовалась крылатыми драконами. Овидий в «Метаморфозах» описывает, как Церера (римское имя Деметры) решила обратиться за помощью к богине Голода, чтобы покарать нечестивца Эрисихтона, срубившего дуб в священной роще. Поскольку богиня Голода обитала в далекой Скифии и путь туда был неблиз-

ким, Церера отправила за ней нимфу Ореаду, обратившись к ней с такими словами:

«...А чтоб тебя не страшил путь дальний, вот колесница,
Вот и драконы тебе. Правь ими в высоком полете».
Тотчас дала их. И вот, на Церериной мчась колеснице,
В Скифию та прибыла. На мерзлой горе, на Кавказе
Остановилась она и змей распрягла...

Летала на крылатых драконах и Медея. В «Метаморфозах» описано, как она, отправляясь собирать волшебные травы, вызвала заклятием колесницу

...И спустилась с небес колесница.
Только Медея взошла, лишь погладила шею драконам
Взнузданным, только встряхнуть успела послушные вожжи,
Как вознеслась в высоту...

Овидий рассказывает, как «мчась на змеиных крылах», Медея «озирала равнины». Позднее, когда преступной Медее понадобилось срочно бежать из Коринфа в Афины, она вновь воспользовалась этим нетрадиционным транспортным средством. И наконец, Гигин пишет, что, когда у колдуньи и в Афинах случились очередные неприятности при очередной попытке убийства, «на упряжке драконов Медея из Афин вернулась в Колхиду». Правда, надо отметить, что своих драконов у колдуньи, видимо, не было, — первый раз она вызвала колесницу заклятием, обращенным в том числе к Гекате. Второй раз, по сообщению Аполлодора, Медея получила «колесницу, запряженную крылатыми драконами» от своего деда Гелиоса. Судя по всему, полеты на драконах были прерогативой богов. Надо также отметить, что верховой езды на драконах греки (как боги, так и люди), видимо, не знали, как не знали они в героическую эпоху верховой езды на лошадях (только на колесницах). Та же самая традиция существовала и в отношении драконов.

Еще одними крылатыми существами, подробно описанными античными авторами, были *гарпии*. Информация об этих

созданиях разнообразна и противоречива. Гесиод упоминает о двух гарпиях, Аэлло и Окипете, — он называет их кудрявыми и пишет:

Как дуновение ветра, как птицы, на крыльях проворных
Носятся Гарпии эти, паря высоко над землею.

Разные авторы называют разное количество гарпий, обычно их количество не превышает пяти. Обитали они, как пишет Гигин, на Строфадских островах в Ионическом море. По сообщению Гесиода, гарпии были дочерьми морского божества Тавманта и океаниды Электры и приходились родными сестрами Ириде — вестнице Зевса (тоже крылатой). Ничего порочащего о гарпиях Гесиод не пишет, вероятно, в его представлении они были весьма достойными крылатыми девами. Вполне доброжелательно упоминает одну из гарпий, по имени Подарга, и Гомер — ее внешний облик он не описывает, но сообщает, что она была матерью коней, принадлежавших Ахиллесу. Отцом коней назван «быстрый ветер Зефир». Не вполне понятно, почему дочь и сестра богов родила (от бога же) упряжных коней, пусть даже быстроногих и бессмертных, — в «Илиаде» описывается, как возница Ахиллес самым непочтительным образом ставит их под ярмо. Тем не менее о самой гарпии Гомер отзывается вполне уважительно. Кстати, кони — дети гарпии и ветра Борея — упомянуты и у Нонна Панополитанского. Это говорит о том, что боги ветров отнюдь не считал для себя зазорным вступить с гарпиями в любовные связи. Но другие авторы описывают сестер уже в совершенно иных красках.

Гигин сообщает о гарпиях: «Они, говорят, были с куриными головами, покрытые перьями, с крыльями, но с человеческими локтями, с большими когтями и куриными ногами, а грудь, живот и бедра человеческие». Вергилий в «Энеиде» пишет:

Нет чудовищ гнусней, чем они, и более страшной
Язвы, проклятья богов, из вод не рождалось Стигийских.
Птицы с девичьим лицом, крючковые пальцы на лапах;
Все оскверняют они изверженьями мерзкими чрева,
Щеки их бледны всегда от голода.

Но кто бы ни был прав в описании внешнего облика гарпий и каковы бы ни были их головы — кудрявые девичьи или куриные, — целый ряд авторов (исключая Гомера и Гесиода) сходятся на том, что гарпии запятнали себя достаточно неэтичными поступками. Аполлодор, описывая судьбу некоего гонимого богами Финея, сообщает:

«Помимо того, боги наслали на него Гарпий. Это были крылатые существа, и каждый раз, как для Финея накрывали стол, они стремглав спускались с неба и похищали большую часть еды, а то небольшое, что оставалось на столе, заражали таким зловонием, что есть это было невозможно. Когда аргонавты обратились к Финею с просьбой указать им путь по морю, он обещал выполнить их просьбу, если они избавят его от Гарпий».

Аполлоний в «Аргонавтике» пишет, что злосчастный Финей жаловался:

Если даже они хоть малость еды оставляют —
Мокрая, пахнет она, и запах стоит нестерпимый...

Спутники Ясона решили выручить изголодавшегося старца. Аполлодор сообщает: «Тогда аргонавты накрыли стол для него с разнообразной пищей, и Гарпии тотчас же, внезапно слетев с неба, стали расхищать ее. Увидев это, сыновья Борея Зет и Калаид, будучи сами крылатыми, обнажили мечи и стали преследовать Гарпий в воздухе. Гарпиям было предсказано, что они погибнут от руки сыновей Борея, а сыновьям Борея было предопределено погибнуть тогда, когда, преследуя, они не настигнут того, кто станет убежать от них».

Аполлодор пишет, что Зет и Калаид, преследуя крылатых осквернительниц пищи, вероятно, погибли. По сообщению Аполлония, все остались живы, и аргонавты, и гарпии, — в битву вмешалась Ирида и решила дело миром:

Быстро с небес сквозь Эфир пролетев, она объявила:
«Дети Борея, нельзя поражать этих Гарпий мечами,
Псов великого Зевса. Сама я готова вам кляту
Дать, что больше не будут к Финею они приближаться».

Но так или иначе, гарпии были изгнаны. Аполлоний уверяет, что они мчались до самых Строфадских островов. Здесь аргонавты прекратили преследование, но перепуганные гарпии понеслись на Крит и «в страхе ужасном в недра Диктейской пещеры стремглав погрузились». Пещера эта знаменита тем, что когда-то здесь был рожден Реей младенец Зевс, у матери которого были все основания скрывать его от отца. Но видимо, пещера эта не слишком подходила для того, чтобы в ней прятаться, — позднее Рея перенесла убежище в соседнюю, Идейскую пещеру. Гарпии в Диктейской пещере тоже не задержались и в конце концов вернулись на родные острова.

С этих пор гарпии действительно оставили злополучного Финея в покое. Но они не раскаялись, образа жизни не изменили и к добродетели не обратились. Когда примерно полвека спустя на Строфадских островах случилось побывать Энею, бежавшему со своими товарищами из разоренной Трои, гарпии обошлись с беглецами точно так же, как они ранее обходились с несчастным старцем. Предводитель троянцев рассказывал в «Энеиде»:

Начали мы пировать, у залива ложа устроив, —
 К ужасу нашему, тут внезапно с гор налетают
 Гарпии, воздух вокруг наполняя хлопаньем крыльев.
 С гнусным воплем напав, расхищают чудовища яства,
 Страшно смердя, оскверняют столы касаньем нечистым.
 Вновь в углубленье скалы, в укрытье надежном поодаль
 Ставим столы и снова огонь алтарей зажигаем, —
 Вновь с другой стороны из незримых тайных убежищ
 Шумная стая летит, крючковатые когти нацелив,
 Пастями яства скверня. Другьям тогда приказал я
 Взять оружие и в бой вступить с отродьем проклятым.

Троянцы решили перебить «мерзких пернатых морских» мечами, но столкнулись с тем, что

Самый сильный удар их перьям не страшен, и ранить
 Их нельзя: уносятся ввысь они в бегстве поспешном,
 Гнусный оставив след и добычу сожрать не успевши.

Впрочем, прогнать гарпий троянцы все же сумели, но одна из них, Келено, напоследок высказала троянцам свои претензии:

Даже за битых быков и за телок зарезанных в сечу
Вы готовы вступить, потомки Лаомедонта,
Гарпий изгнать, не повинных ни в чем, из отчего царства?

Этот эпизод показывает, что гарпии, во всяком случае, умели говорить, и, значит, ошибся Гигин, который приписал им куриные головы. Большинство авторов все же считают, что по крайней мере лица у чудовишных птиц были женскими.

Впрочем, были и скептики. Палефат, как всегда, высказал по поводу гарпий оригинальную точку зрения. Он предположил, что это были вполне обычные, но недостойные дочери царя Финея, которые «проматывали его состояние». «Зет и Калаис, сыновья Борея (человека, не ветра), будучи согражданами Финея, жалели его и пришли к нему на помощь: они изгнали из города его дочерей и, собрав вместе его деньги, назначили их распорядителем какого-то фракийца».

Подобное мнение высказывал и живший в первом веке н.э. Гераклит в трактате «Опровержение, или Исцеление от мифов, переданных вопреки природе». Он писал о гарпиях: «Про них миф передает, что эти крылатые женщины похищали еду у Финея. Надо думать, однако, что это были гетеры, которые проедали добро Финея, оставляли его нуждающимся в необходимой пище, а сами удалялись прочь; когда же ему удавалось раздобыть что-нибудь, они появлялись, чтобы это съесть и тотчас снова удалиться, как это привычно делать гетерам».

Очень похожи на гарпий по внешнему виду были *сирены* — они тоже сочетали человеческие и птичьи черты. Аполлоний пишет:

Тела одной половиной на птиц они были похожи,
А другой половиной подобны прекрасным девицам.

Аполлодор уточняет: «Начиная с бедер они имели тело птицы». По Гигину сирены «были сверху женщины, а нижнюю часть тела имели куриную». Вообще, склонность Гигина приписывать мифологическим существам куриные черты современные комментаторы относят на счет того, что этот римлянин недостаточно хорошо владел древнегреческим языком. По-видимому, он не знал, что слово, которое в его времена переводилось на латынь как «куриный», несколькими веками раньше обозначало еще и «птичий» вообще. Но, как бы то ни было, сирены по крайней мере снизу до пояса являлись если и не курами, то, во всяком случае, птицами. Не исключено, что птицами они были и выше: Овидий считал, что руки у них тоже покрыты перьями и только лица и голос — девичьи.

Общее количество сирен точно не известно, во всяком случае, их было немного: Цирцея предлагает Одиссею привязать себя к мачте, чтобы он мог наслаждаться «обеим внимая сиренам». Аполлодор поименно перечисляет троих: «Пейсиноя, Аглаопа и Телксиепия. Одна из Сирен играла на кифаре, другая пела, третья играла на флейте...» Это, кстати, дает основание думать, что по крайней мере две сирены имели человеческие руки, пусть даже покрытые перьями. Впрочем, ни Гомер, ни Аполлоний никакие музыкальные инструменты не упоминают и пишут только о прекрасном пении сирен... Некоторые авторы приводят и другие имена сирен. Страбон пишет, что «в Неаполе показывают могилу одной из Сирен Парфенопеи», а от имени другой выводит название острова Левкозия. Авторы настоящей книги рискуют в порядке гипотезы выдвинуть предположение, что сирены были рассредоточены по разным островам, — именно поэтому Одиссей мог слушать только двоих, причем певших без аккомпанемента. На других островах количество сирен и их репертуар могли различаться.

О происхождении замечательных певиц ходили самые разные слухи, причем, в отличие от традиционной ситуации, когда мать известна, а по поводу возможных отцов идут кривотолки, в данном случае все было наоборот. Отцом сирен обычно называют речного бога Ахелоя (и лишь Плутарх упоминает версию о Форке). Что же касается мате-

ри, то Аполлодор называл и музу Мельпомену, и смертную женщину Стеропу. Гигин поддерживал версию о Мельпомене, что же касается Аполлония, то он признавал, что матерью певиц была муза, но считал, что это была Терпсихора.

Впрочем, сирены, у кого бы они ни родились, поначалу, вероятно, были вполне антропоморфны. Гигин писал: «Сирены, дочери реки Ахелоя и музы Мельпомены, после похищения Прозерпины (Персефоны. — *О. И.*) блуждали и пришли в землю Аполлона, где по воле Цереры (Деметры. — *О. И.*) стали пернатыми за то, что не помогли Прозерпине». Овидий излагает схожую версию, но иначе расставляет акценты. Он признает, что сирены некогда были подругами Прозерпины и вместе с ней собирали на лугу цветы в тот драматический день, когда дочку Цереры похитил Аид. Овидий считает, что подруги похищенной богини (поэт почему-то называет их «сирены ученые», вероятно имея в виду их музыкальное образование) отправились на поиски и в птиц обратились добровольно, дабы легче было искать Прозерпину:

После по миру всему ее вы напрасно искали,
И чтобы даже моря про вашу узнали заботу,
Вскоре над зыбью морской на крыльях-веслах держаться
Вы пожелали, и к вам божества благосклонность явили:
Руки и ноги у вас вдруг желтыми стали от перьев!
Но чтобы пение их, на усладу рожденное слуху,
Чтобы подобная речь в даровитых устах не пропала,
Девичьи лица у них, человеческий по-прежнему голос.

Евстафий, один из комментаторов Гомера, приводит версию, что замечательные музыкантши были обращены в птиц Афродитой за то, что не хотели выходить замуж... Что же касается того, что верхняя часть их тела была бесперой, то Павсаний излагает следующую точку зрения: «Говорят, что дочери Ахелоя, по совету Геры, вступили в соревнование с музами по пению. Музы победили и, ошипав перья сирен, говорят, сделали из них себе венки». Это, кстати, прекрасно согласуется с мнением Гигина о том, что сирены походили на кур. Ведь человек, если обыграть знаменитое опре-

деление Платона, весьма похож на ощипанного петуха (или курицу). Таким образом, ощипанные до половины птицы-сирены были схожи с людьми.

Так или иначе, сирены стали тем, что они есть, — полу-женщинами-полуптицами, причем хотя и музыкальными, но весьма злокозненными. Аполлодор пишет: «Сиренам было некогда предсказано, что они скончаются, если какое-нибудь судно проплывет, минуя их». Это подтверждает и Гигин — он пишет, что сирены могли жить до тех пор, пока «ни один смертный, слышавший, как они поют, не проплывет мимо». В предсказании ничего не говорилось о том, что сирены должны были не просто заманить, но и загубить свернувших на пение мореходов. Однако они это каким-то образом делали. Во всяком случае, когда мимо их острова проплывали аргонавты, сирены намеревались убить героев. Аполлоний пишет:

С места высокого зорко, сидя над гаванью, ждали
Жертв неустанно и многих лишали возврата
Сладкого дня, убивая в томленье...

Они бы так и сделали (как именно — античные авторы умалчивают), но на счастье аргонавтов среди них оказался свой собственный музыкант, вероятно не менее талантливый, — это был знаменитый Орфей. Впрочем, в данном случае был не так важен талант, как громкость: «Голос Сирен смогла заглушить форминга Орфея», и певички остались ни с чем. Лишь один из аргонавтов, Бут, сын Телеонта, «поддавшись соблазну», спрыгнул в море. Но Афродита пожалела юношу и «вырвать его из волн и спасти успела».

Интересно, что сирены, несмотря на предсказание, обрекавшее их на смерть в случае неудачи, остались живы и здоровы (возможно, потому, что аргонавты не успели толком расслышать их пение, а спасение Бута произошло благодаря божественному вмешательству). Известно, что поколением позже с сиренами столкнулся Одиссей, когда плыл со своими спутниками на Итаку с острова Цирцеи (хотя, возможно, это были другие сирены). Произошло это, вероятно, в тех же местах, где с певичками повстречался «Арго», — непода-

леку от пролива Сциллы и Харибды. Цирцея предупреждала Одиссея:

Прежде всего ты сирен повстречаешь, которые пеньем
 Всех обольщают людей, какой бы ни встретился с ними.
 Кто, по незнанию приблизившись к ним, их голос услышит,
 Тот не вернется домой никогда. Ни супруга, ни дети
 Не побегут никогда ему с радостным криком навстречу.
 Звонкою песнью своею его очаруют сирены,
 Сидя на мягком лугу. Вокруг же огромные тлеют
 Груды костей человеческих, обтянутых сморщенной кожей.

Кстати, из предостережений волшебницы никак не следует, что сирены непосредственно убивали попавших к ним в плен мореходов, — возможно, те сами погибали от голода и жажды, а может быть, и просто от старости (не исключено, что на острове была пресная вода и какая-никакая пища). Так или иначе, перспектива остаться у сирен или оставить там никак не входила в планы итакийского царя. Но послушать сирен ему очень хотелось, и он приказал своим спутникам привязать себя к мачте, чтобы избежать искушения. Остальные мореходы залепили уши воском, и корабль Одиссея благополучно миновал опасных певиц. Позднее царь Итаки так рассказывал об этом приключении:

На расстояньи, с какого уж крик человеческий слышен,
 Мчавшийся быстро корабль, возникший вблизи, не укрылся
 От поджидавших сирен. И громко запели сирены:
 — К нам, Одиссеей многославный, великая гордость ахейцев!
 Останови свой корабль, чтоб пение наше послушать.
 Ибо никто в корабле своем нас без того не минует,
 Чтоб не послушать из уст наших льющих сладостных песен
 И не вернуться домой восхищенным и много узнавшим.

Несмотря на все предостережения Цирцеи, плененный пением Одиссеей поверил коварным обманщицам и стал мимикой просить своих спутников, чтобы они развязали его, но те лишь крепче затянули ремни. Царь Итаки стал первым человеком (если не считать спорную историю с аргонавтами), услышавшим пение сирен и оставшимся в живых. После чего проклятие, наложенное на сирен, исполнилось.

Гигин пишет: «Гибель им принес Улисс (Одиссей. — *О. И.*): ведь когда он благодаря своей уловке проплыл мимо скал, на которых они жили, они бросились в море. От них это место стало называться Сиренидами. Оно находится между Сицилией и Италией».

Впрочем, по поводу природы сирен имелась и рационалистическая точка зрения. Гераклит пишет: «Про них придумывают, что они — двойной природы: бедра, как у птиц, а остальное тело — женское, и при том они губят тех, кто проплывает мимо них. А были они гетерами, отличались игрой на музыкальных инструментах и сладостным голосом, собой прекрасны, так что приходившие к ним проедали свое состояние. А что у них птичьи ноги, говорили потому, что они быстро покидали тех, кто спустил имущество». Но надо отметить, что Гераклит многие безобразия древнего мира любил объяснять гетеризмом, объявив гетерой даже чудовищную Сциллу...

Несмотря на то что во времена Одиссея сирены были существами, далекими от гуманистических идеалов, по крайней мере к пятому веку до н.э. они духовно переродились, перестали охотиться на мореходов и заняли достойное место в системе мироздания. Платон сообщает, что на каждой из восьми небесных сфер сидит по сирене и они поют, создавая тем самым величавую гармонию космоса.

Другими весьма зловредными птицами, уже начисто лишенными человеческих черт, были *стимфалийские птицы*, названные так по имени болота в Аркадии, где они первоначально обитали. Прославились они потому, что Эврисфей, в порядке очередного подвига, приказал Гераклу очистить от них местность. По поводу того, в какой мере эти пернатые относились к животным мифическим и в какой мере — к обыкновенным, существуют разные точки зрения. Например, Аполлодор и Диодор Сицилийский никаких особых свойств стимфалийским птицам не приписывают. Диодор пишет:

«Получив приказ прогнать птиц со Стимфалийского озера, Геракл без особого труда совершил этот подвиг благодаря сноровке и изобретательности. Птицы эти развелись

в невероятном множестве и пожирали урожай в округе. Силой одолеть этих тварей было невозможно из-за их невероятной численности, поэтому здесь требовалась хитроумная уловка. Изготовив медную трешотку и подняв ужасный шум, Геракл напугал тварей и, прогнав их далеко непрекращающимся грохотом, очистил от них озеро».

Примерно так же описывает ситуацию и Аполлодор, но он считает, что Геракл перестрелял вспугнутых трешотками птиц. Сенека в трагедии «Медея» даже подчеркивает, что стрелы, погубившие пернатых, были смочены ядом Лернейской гидры.

Все это могло бы выглядеть достаточно странно — не вполне понятно, почему для изведения невинных птах был приглашен величайший воин Греции и почему эта скромная охотничья кампания была зачтена ему за один из великих подвигов, память о которых сохранилась в веках. И уж тем более непонятно, почему для уничтожения несчастных пернатых понадобилось тратить уникальные стрелы, смоченные самым страшным из известных ядов. Свет на эти вопросы проливают другие античные авторы. Так, Павсаний объясняет, чем провинились стимфалийские птицы. Он пишет: «Предание рассказывает, что некогда у вод Стиμφала жили птицы, поедающие людей...» У Аполлония и Гигина говорится, что птицы были покрыты перьями, которые по сути своей являлись стрелами или дротиками: птицы весьма эффективно метали их во врагов.

Наиболее подробное описание птиц оставил Аполлоний в «Аргонавтике». Спутники Ясона повстречались с пернатыми хищницами возле острова Ареса в Черном море (сегодня это турецкий остров Гиресун). Кстати, один из аргонавтов, Амфидамант, опроверг мнение о том, что Геракл в свое время уничтожил зловредных птиц. Он рассказал товарищам:

Даже Геракл не смог, когда в Аркадию прибыл,
Птиц одолеть, живущих на озере Стиμφалийском.
Стрелам не поддавались они, я сам это видел.
Взяв трешотку медную в руку и ею махая,
Он гремел с высокой скалы. В испуге и с криком
Птицы в небо взвились и прочь улетели оттуда.

Теперь пернатые обосновались на новом месте и продолжали наводить ужас на окрестности. Прежде чем аргонавты успели принять меры предосторожности, первая птица смогла ранить одного из них.

В воздухе над головами она парила высоко,
И, распластавши крыла над судном, внизу пробегавшим,
Сбросила острое вниз перо. Оно пробивает
Левую мышцу Ойлея богоподобного. Бросил,
Раненный, он из рук весло. Поразились герои,
Видя стрелу окрыленной.

Хотя комментаторы часто упоминают «бронзовые» перья стимфалийских птиц, надо думать, что бронзовыми были все же не перья целиком, а лишь их «наконечники» — недаром аргонавты сравнивают такое перо с «окрыленной стрелой». Птицы, судя по всему, были в принципе уязвимы, но слишком многочисленны — Амфидамант, знакомый с ними еще по Аркадии, предупредил аргонавтов, что при высадке на остров им не хватит полных колчанов, чтобы защитить себя. Тогда спутники Ясона решили повторить прием Геракла и воспользоваться пугливостью своих пернатых врагов. Они надели боевые шлемы с развевающимися гребнями, завели «страшный вопль» и стали бить копьями в щиты. Уловка удалась: птицы перепугались и улетели «к земным пределам за море и в горы». По пути они «свои перья во множестве слали героям», но греки соорудили над кораблем крышу из плотно подогнанных щитов, и никто из них не пострадал (кроме раненного в самом начале Ойлея).

Авторам настоящей книги не известно, вернулись ли стимфалийские птицы на свой остров. Не исключено, что вернулись, но популяция их с течением времени претерпела изменения. Сегодня на острове Гиресун гнездятся десятки видов пернатых, прежде всего бакланы и чайки, здесь же останавливаются перелетные птицы, и остров получил статус орнитологического заповедника.

В античном мире существовали чудовища, которых трудно отнести непосредственно к животному миру, потому что они могли менять облик и иногда представляли перед людьми

в виде прекрасных женщин. Но они же бывали и страшными чудовищами, чья внешность, впрочем, почти не описана. Речь идет о *Ламии* и *Эмпусе*. Сведения об этих существах очень фрагментарны, не известно даже, были ли это видовые названия или имена. Некоторые авторы упоминают вполне конкретную деву Ламию, превращенную в зверя в результате своих любовных приключений. Некоторые говорят о ламиях как о виде вампиров и каннибалов. Об Эмпусе вообще почти ничего неизвестно, но писатель второго — третьего веков Флавий Филострат (дядя упомянутого выше Филострата Старшего) считал это видовым названием и в своей «Жизни Аполлония Тианского» писал об «одной из эмпус», которая относилась к существам, называемым ламиями (в русском переводе Е. Г. Рабинович — упырями).

Ламии, независимо от того, были они эмпусами или нет, изучены несколько лучше последних. Известны упоминания о Ламии, дочери Посейдона, — о ней пишет, например, Павсаний. Географ не сообщает о своей героине ничего порочащего, о ее уродствах или звериной сущности умалчивает; напротив, по его словам Ламия эта вступила в связь с Зевсом, а мы знаем, что царь богов был эстетом и выбирал для своих любовных утех самых красивых женщин, нимф и богинь. От этой связи родилась некая Сивилла, которая «из женщин... первой стала петь свои предсказания». Произошло это, как пишет Павсаний, «в самые древние времена», задолго до Троянской войны. Поскольку Сивилла, дочь Ламии, проживала в Ливии, можно предположить, что и сама Ламия обитала там же.

В схолиях к Аполлонию вскользь упоминаются две Ламии — ливийская и дочь Посейдона (хотя, с точки зрения авторов настоящей книги, это могло быть одно и то же лицо). В схолиях к Аристофану говорится, что Ламия была дочерью некоего Бела и Ливии.

Но независимо от того, жила ли возлюбленная Зевса в Ливии и была ли она дочерью Посейдона, судьба красавицы оказалась достаточно незавидной. Гераклит пишет: «Рассказывают, что, когда Зевс с ней соединился, Гера превратила ее в зверя, и что когда она безумствует, то вынимает глаза и кладет их в чашку, питается мясом и ест людей». Правда,

Гераклит был человеком с атеистической жилкой и поверить в превращение красавицы в зверя не мог. Он предложил свою версию происходящего (имея в виду, что Зевс и Гера тоже были царями, а не богами): «Было же, наверное, так. Так как Ламия была хороша собой, то царивший Зевс с ней соединился, а Гера, похитив ее, вырвала у нее глаза и забросила их в горы. Вследствие этого Ламия жила, бедствуя и нигде не находя помощи. Поэтому, когда она скиталась в одиночестве, невытая и неухоженная, можно было принять ее за зверя».

Диодор Сицилийский тоже сообщает вполне материалистическую точку зрения на Ламию, жившую в Ливии. Он считает, что это была царица, отличавшаяся исключительной жестокостью, отчего лицо ее приобрело звериные черты. Поскольку собственные ее дети умерли, то она, завидуя другим матерям, приказала отнимать у них младенцев и убивать их...

Но что бы ни думали по поводу Ламии материалистически настроенные философы, простые гречанки и римлянки, равно как и их дети, смертельно боялись страшного оборотня, который проникал в дома, чтобы воровать младенцев и пить их кровь.

Подробных описаний Ламии не сохранилось. Гораций упоминает, что она прожорлива и ест детей. Аристофан, тоже вскользь, упоминает, что у Ламии «грязь меж ногами». Живший предположительно во втором веке мифограф Антонин Либерал в «Метаморфозах» описывает Ламию как «чудовище огромной величины». Правда, из его текста не понятно, была ли это та самая дочь Посейдона, которая пострадала от ревности Геры, — Ламия Антонина обитала у подножия горы Парнас и носила еще и второе имя, Сибарида. «Это чудовище каждый день совершало вылазки и похищало с полей людей и домашний скот». Окрестные жители, не в силах избавиться от хищницы, обратились за помощью к оракулу и выяснили, что умиловить Ламию можно, пожертвовав ей юношу «из числа граждан». Почему Ламия в своих гастрономических пристрастиях соблюдала сословные предрассудки, не вполне понятно. Но люди решили не рисковать и выполнили все в точности —

они провели жеребьевку, и на смерть был обречен юноша Алкионей, единственный сын своих родителей, отличавшийся замечательной красотой. Это обстоятельство и спасло несчастного. Когда красавца вели к пещере, где обитала Ламия, его увидел некто Еврибат, немедленно восплававший страстью к юноше. Он решил, «что будет чудовищным, если он не отобьет юношу силой, а позволит ему погибнуть жалкой смертью». Еврибат сорвал с Алкионей жертвенные венки и, возложив их себе на голову, сам отправился в пещеру. Там он схватил Ламию-Сибариду с ее ложа, вынес наружу и сбросил со скалы. Интересно, что сделал он это без особых проблем и даже, видимо, без применения оружия. Что же касается местных жителей, то они не только избавились от чудовища, но и приобрели источник пресной воды: когда Еврибат нес хищницу к обрыву, она ударилась головой о выступ скалы, «получила рану и сделалась невидимой, а из этой скалы забил источник, который местные жители называют Сибаридой».

Филострат в «Жизни Аполлония Тианского» упоминает Ламию, обитавшую в окрестностях Коринфа, — она пожирала юношей, причем предпочитала красавцев. Ламия эта была оборотнем — она умела притворяться прекрасной женщиной. Аполлоний застал ее на месте преступления, когда чудовище справляло свадьбу с неким Мениппом. Но мудрец проник в ее коварную сущность и публично объявил: «Эта вот ласковая невеста — одна из эмпус, коих многие полагают упырями (буквально — «ламиями». — *О. И.*) и оборотнями. Они и влюбляются, и любострастия привержены, а еще пуще любят человеческое мясо — потому-то и завлекают в любострастные сети тех, кого желают сожрать». После такого обличения вся роскошная утварь свадебного стола, равно как и прислуга, немедленно исчезли, ибо и они были привидениями. Сама же Ламия не исчезла, но стала рыдать и «умолять не мучить ее и не принуждать к свидетельству о подлинной своей природе». Но Аполлоний был тверд. И тогда «невеста» призналось, «что она и вправду эмпуса и что хотела она откормить Мениппа удовольствиями себе в пищу, ибо в обычае у нее выбирать в пищу прекрасные и юные тела ради их здоровой крови».

Собственно, чудовище здесь было сражено не силой оружия и даже не заклятиями, а лишь правдивыми обличениями. Но позднее герой книги, Аполлоний, будет рассказывать, что уничтожил коринфскую Ламию с помощью Геракла, который к тому времени давно уже превратился в бога и запросил за содействие «медовую лепешку, да горсть ладана, да подвиг во спасение людей».

Согласно Филострату, ламии и эмпусы — близкие формы. Но сведения об *эмпусах* сохранились еще более скудные, чем о ламиях. Лукиан писал, что Эмпуса «изменяла свой вид на тысячу ладов». Собственно, единственное более-менее подробное описание Эмпусы сохранилось в «Лягушках» Аристофана. Его герои видят «огромного зверя», который меняет свой облик: «то бык, то мул, то женщина он с виду...» Поскольку один из героев комедии, Дионис, был богом, то его не испугал оборотень, и он уже собрался обнять красотку, но та превратилась в собаку. Но, несмотря на частые превращения, был у Эмпусы, вероятно, и свой собственный облик — с горящим лицом и разными ногами: одна — из меди, другая — из навоза (об этом тоже пишет Аристофан).

Довольно подробно, хотя и противоречиво, описал Эмпусу византийский энциклопедист десятого века Свида. Конечно, он жил слишком поздно, чтобы лично наблюдать это сугубо античное чудовище или хотя бы воспользоваться свидетельствами очевидцев. Но вероятно, Свида имел какие-то источники, которые не дошли до наших дней. Он не только подтверждает сведения, сообщенные Аристофаном, но в добавление к бронзовой и навозной ноге приписывает Эмпусе еще и ослиную. Он пишет, что она посещала безнадежных больных и обычно появлялась из темноты. Впрочем, Эмпуса могла показаться и при свете дня, если люди приносили жертвы умершим. Она подчинялась богине Гекате, а быть может, попросту сама Геката принимала облик Эмпусы. Но описание богини выходит за рамки данной книги, посвященной мифозоям.

Одними из самых распространенных и многочисленных животных античной мифологии были *кентавры*. Информация о них весьма обширна и достаточно непротиворечива.

Кентавры жили на территории Греции по крайней мере до середины тринадцатого века до н.э., но, вероятно, встречались и позднее. Обыкновенно они представляли собой коня, у которого вместо шеи имелся человеческий торс с человеческой же головой. Правда, на ранних изображениях передние ноги у кентавров бывают тоже человеческими (с «приставленным» к ягодицам конским корпусом), но это, вероятно, ошибка художников, которым не привелось встречаться с замечательными животными лично. Кентавры были воинами и охотниками, прекрасно приспособленными к жизни в лесах. Еврипид в трагедии «Геракл» упоминает «буйных кентавров стада, что неслись по лесам и над кручей...». Маловероятно, чтобы существа, имевшие ноги разной длины и конструкции, могли быть столь подвижны.

Кентавры считались красивыми и гармоничными животными. Овидий так описывает одного из них, по имени Киллар:

Лишь зачалась борода и была золотой; золотые
 Падали волосы с плеч, половину скрывая предплечий.
 Милая честность в лице; голова его, плечи и руки,
 Грудь, мужская вся часть знаменитые напоминала
 Статуи скульпторов; часть, что коня изъясняет подобье, —
 Не уступала мужской. Придай ему голову, шею —
 Кастору будет под стать! Так удобна спина, так высоко
 Мышцы приподняли грудь! И весь-то смолы он чернее,
 И белоснежен лишь хвост, и такие же белые ноги;
 Многих из рода его возбуждал он желанья...

Интересно, что кентавры имели два комплекта половых органов, один на человеческом торсе и второй на лошадином, — эта особенность нередко видна на античных изображениях. Правда, иногда она не просматривается, но это можно отнести на счет скромности или неосведомленности художника. О. М. Иванова-Казас сообщает, что ее коллеги А. П. Римский-Корсаков и Н. Н. Кондаков, обсуждая внутреннюю организацию кентавра, допускали «одновременное существование двух мощных сердец (человеческого и лошадиного), но у них были сомнения относительно половой системы». Кстати, сама исследовательница придержи-

вается ошибочной, по мнению авторов настоящей книги, точки зрения на проблему половой жизни кентавров. Она пишет: «В классической литературе кентавры женского пола не упоминаются — получается совершенно беспрецедентная с биологической точки зрения ситуация — вид кентавров представлен только самцами и его воспроизведение осуществляется с помощью самок другого вида».

Авторы настоящей книги нашли в античной литературе неоднократные (хотя и не слишком частые) упоминания о самках кентавров. Имеются и их изображения. Интересно, что у кентавров женского пола дублировались молочные железы. На знаменитой картине жившего в пятом веке до н.э. художника Зевксиса были изображены кентаврессы, кормящие своих детей. Картина до наших дней не дошла, но ее подробное описание оставил Лукиан:

«На цветущем лугу изображена сама кентавресса, лошадиной частью тела она целиком лежит на земле, вытянув назад задние ноги, вся же человеческая, женская половина ее легко приподнята и, словно пробудившись, опирается на локоть... Одного из детенышей она держит, подняв на руки, и кормит по-человечески, давая ему женскую грудь, другой, как жеребенок, припал к лошадиным сосцам».

Заблуждение современных биологов по поводу того, что кентавры были представлены особями только одного пола, вероятно, разделяли и некоторые жители Древней Греции. Возможно, это было связано с тем, что самки кентавров действительно редко упоминаются в литературе. Это дало основание Филострату Старшему написать специальное эссе, посвященное вопросу размножения кентавров. В основе его, как и у Лукиана, лежит описание картины, созданной античным живописцем и изображающей стадо кентавров на отдыхе.

«Ты, может быть, думал, что все это стадо кентавров родилось “из дуба или скалы” или, Зевсом клянусь, лишь от тех лошадей, с которыми, как говорят, сочетался сын Иксиона, от которого будто бы родились кентавры, существа такого смешанного вида? Конечно, нет; были у них однородные с ними и матери, а затем и жены, и жеребята в виде малых детей, и жили они приятно и счастливо... Прекрасны

там пещеры и источники, и около них женщины-кентавриды; если забудем об их лошадином теле, они подобны наядам; если же будем их представлять с лошадиной фигурой, то их мы можем сравнить с амазонками: нежность, присущая женскому облику, получает здесь силу и крепость, так как в них уже ясно проглядывает мощный облик коня. А вот это — кентавры-младенцы: одни лежат в пеленках, другие уже выскользнули оттуда; одни как будто бы плачут, другие же чувствуют себя превосходно и улыбаются у материнской груди, “молоком обильно текущей”... Как красивы эти женщины-кентавриды даже в их лошадином образе! Одни из них срослись с телами белых коней, другие же соединились с золотисто-рыжими, иных художник представил нам пестрыми; они блестят так же, как хорошо откормленные лошади. С телом вороного коня срослась белая кентаврида, и эта столь полная противоположность цветов прекрасно гармонирует здесь, лишь подчеркивая соответствие красоты в обеих частях».

Надо отметить, что кентавры вступали в браки и связи не только с представительницами своего вида, но и с нимфами, и с женщинами. Так, у Овидия описана прорицательница Окиронея — дочь кентавра и нимфы Харикло. Окиронея не унаследовала лошадиных черт своего отца и отличалась от сверстниц-нимф лишь даром прорицания. Но боги рассердились на девушку, и ее потянуло есть траву, волосы ее превратились в гриву, пальцы — в копыта, а «часть большая длинного платья стала хвостом». Сначала несчастная надеялась, что превратится только в кентавра — «двуобразен мой ведь родитель!» — но чаяния ее не оправдались, и она стала самой заурядной кобылой. Впрочем, произошло это если не без участия отцовских генов, то, во всяком случае, по особому соизволению богов. Других свидетельств о детях, рожденных кентаврами от женщин, авторы настоящей книги не нашли, но сами по себе эти связи были делом обычным. Существует множество сообщений о попытках изнасилования женщин кентаврами, но к этому вопросу мы вернемся позднее, когда обратимся к быту и нравам последних.

Не исключено, что кентавры обитали по всей территории Греции. Во всяком случае, известны фессалийские и пело-

поннесские кентавры, относившиеся к традиционному виду. Но кроме того, Нонн Панополитанский оставил сведения еще о двух подвидах, имевших дополнительные коровьи черты. Автор «Деяний Диониса» пишет, что однажды, будучи на Кипре, Зевс залюбовался Афродитой, но богиня отказала ему в любви. В результате, «желаньем томимый, семя на землю извергал он невольно», земля же, восприняв «брачные росы Кронида», «извергла из бездны рогатое странное племя». Так на Кипре «двуприродное племя кентавров рогатых явилось».

Нонн не сообщает, чем, кроме рогов, отличались эти существа от своих материковых сородичей. Более подробно он описывает другой подвид кентавров, происходивший от няяд, которые воспитывали младенца Диониса. Дионис, как известно, был рожден от связи Зевса со смертной женщиной Семелой. Ревнивая Гера погубила мать ребенка, после чего ее гнев обрушился и на его нянек — богиня помазала их зельем, и облик девушек начал преобразаться.

Вот появляются уши длинные, признак породы,
 Конский хвост всколыхнулся прямой над их поясницей,
 Хлещущий прямо по бедрам существ с волосатой грудью,
 А над висками взрастают бычьи рожки прямые,
 Очи стали косыми под челом рога носным,
 Закурчавились гривой пышной над теменем кудри,
 Челюсти удлиннились, выросли острые зубы,
 И косматую шерстью покрылось от поясницы
 И до стоп их тело вдоль хребтовины шерстистой...

Признаться, авторы настоящей книги так и не смогли представить себе конечный облик преобразенных нимф — не вполне понятно, получили ли они в результате конский круп с дополнительной парой ног или же только хвост, гриву и шерсть... Во всяком случае, современные комментаторы называют несчастных нянек очередным племенем кентавров.

По поводу происхождения материковых кентавров, имевших традиционное строение (человек плюс конь), существуют две точки зрения. Одна из них (ее донесли до нас в том числе Аполлодор и Гигин) гласит, что первый кентавр был

рожден океанидой Филирой от Крона. Это, кстати, говорит о том, что кентавры древнее людей — по крайней мере людей современного биологического вида. Ведь во времена Крона на земле обитало поколение золотого века, заметно отличавшееся от позднейших представителей homo sapiens (например, оно не знало старости). Гигин пишет:

«Когда Крон искал повсюду Зевса, он превратился в коня и сделал беременной Филиру, дочь Океана. Она родила кентавра Хирона, который первый открыл врачебное искусство. Над Филирой же, стыдившейся невиданного облика своего ребенка, сжалились боги, и она превратилась в дерево, которое так называется».

Признаться, авторам настоящей книги не вполне понятно, почему для соблазнения красавицы верховному богу понадобилось превращаться в коня (разве что маскарад был предпринят не для возлюбленной, а для жены). Но существует и другая версия происхождения кентавров, которая сильно омолаживает этот вид млекопитающих, датируя их появление уже вполне историческим временем, примерно за два-три поколения до Троянской войны. Эту версию в качестве альтернативной излагают и Аполлодор, и Гигин, и Диодор... Но первым из дошедших до нас авторов ее предложил Пиндар.

Началось с того, что царь фессалийского племени лапифов, Иксион, покусился на супругу Зевса Геру. Аполлодор пишет: «Иксион, влюбившись в Геру, попытался совершить над ней насилие. Когда Гера известила об этом Зевса, тот решил удостовериться, так ли обстоит дело в действительности. Для этого он создал из облака некое подобие Геры и уложил его рядом с Иксионом. Но когда Иксион стал хвалиться, что сошелся с Герой, Зевс привязал его к колесу и ветры понесли его вдоль поднебесья: таким было наказание, которому Зевс его подверг. Облако же родило от Иксиона кентавра».

Не вполне понятно, как выглядел этот первый «кентавр», — судя по всему, он еще не имел сходства с конем. Пиндар пишет об Иксионе:

...рожден был ему сын — не сын.
Единственный от единственной,

Не в чести меж людей, ни в уставах богов,
 И вскормившая назвала его Кентавром.
 Он смешался с магнесийскими кобылицами
 У круч Пелиона,
 И от них рождено чудное полчище,
 Схожее с обоими, —
 Снизу как мать, сверху как отец.

Диодор предполагает, что от связи Иксиона и облака были рождены «так называемые человекоприродные кентавры» — то есть кентавры, имеющие человеческую природу. Они «были воспитаны на Пелионе нимфами и, возмужав, вступили в связь с кобылицами, от чего и родились так называемые двуприродные кентавры». Диодор же излагает и версию о том, что рожденные от Иксиона люди, называемые «кентавры», «первыми объездили коней, за что их прозвали гиппокентаврами и стали считать сказочными существами двойной природы». Впрочем, такое объяснение выходит за рамки настоящей книги.

Вероятно, не все кентавры были потомками Крона и Филиры или же Иксиона и облака. По крайней мере, у Аполлодора упоминается современник Геракла, кентавр Фол — «сын Силена и нимфы Мелии». Силены (вероятно, их было несколько) воплощали в себе стихийные силы плодородия, у них могли быть лошадиные копыта и хвост. Поэтому рождение кентавра от силена и нимфы не должно вызывать особого удивления.

Кентавры обладали разумом, и среди них встречались весьма цивилизованные особи. Овидий так описывает кентаврессу Гилоному:

Насколько возможно украсить
 Тело такое, она его украшает: гребенкой
 Волосы чешет, цветы розмарина, фиалки вплетает,
 Розы, а иногда белоснежные лилии. Дважды
 В день в студеном ручье, что с вершины лесной Пагасея
 Падает, моет лицо; погружается в воду двукратно;
 И выбирает к лицу зверей пушистые шкуры,
 Чтобы себе на плечо или на спину слева накинуть.

Пользовался одеждой и кентавр *Хирон* — сохранилась роспись чернофигурной ойнохойи шестого века до н.э., на которой он изображен в длинных одеждах — правда, укрыта лишь его человеческая часть, а голый круп коня выступает из-под ткани.

Хирон вообще заслуживает отдельного разговора. Этот кентавр славился мудростью и ученостью даже по сравнению с людьми. Гигин пишет, что он «первый стал лечить травами и открыл хирургическое врачевательное искусство». Эратосфен подчеркивает благочестие Хирона и сообщает, что тот приносил жертвы богам. Многие известные герои отдавали ему на воспитание своих детей. Так, он был наставником знаменитого Актеона, сына царя Аристея, и, по сообщению Аполлодора, учил его охоте. А когда превращенный в оленя Актеон погиб, по недоразумению растерзанный собственными собаками, Хирон изваял его статую, «и это утешило собак». У авторов настоящей книги вызывает некоторое сомнение тот факт, что псы могли утешиться изображением своего хозяина, но, во всяком случае, это говорит о высоких художественных дарованиях выдающегося кентавра...

Хирону отдал своего новорожденного сына Асклепия и сам Аполлон. Мать ребенка была убита ревнивым богом за измену, что же касается младенца, то Аполлон «принес его к кентавру Хирону, который воспитал его и научил искусству врачевания и охоты». Уроки оказались столь полезны, что позднее Асклепий «не только спасал от смерти, но и воскрешал уже умерших» и в конце концов стал богом врачевания.

Юный Ахиллес тоже воспитывался у мудрого кентавра. После развода с Фетидой Пелей отдал младенца Хирону, который, разгадав воинские способности ребенка, «стал кормить его внутренностями львов и диких кабанов и костным мозгом медведей», но и гуманитарным образованием не пренебрегал. Гомер в «Илиаде» пишет о том, что Ахиллес позднее не только славился как хороший лекарь, но и обучал этому искусству других ахейцев, как в свое время был «сам справедливейшим между кентавров обучен — Хиро-

ном». Вместе с Хироном в воспитании ребенка участвовала и его жена — Аполлоний пишет, что, когда аргонавты отплыли в Колхиду, попрощаться с ними пришли Хирон и его супруга, державшая на руках маленького Ахиллеса... Сохранились сведения, что Хирон был, кроме того, наставником юного Геракла, Тесея, Ясона, Диоскуров...

Хирон, в отличие от других кентавров, был бессмертен. Но ему не повезло: Геракл случайно ранил его своей стрелой, смоченной ядом Лернейской гидры. Умереть от этого Хирон не мог, но он так страдал от раны, что согласился сойти в Аид в обмен на освобождение Зевсом Прометея. Об этом пишет, в частности, Эсхил в трагедии «Прометей прикованный». Логика обмена не вполне ясна, поскольку Зевсу смерть кентавра была не нужна, а прикованный титан был столь же бессмертен, как и Хирон. Но имелось предсказание, что Прометей получит свободу, если какой-нибудь бог добровольно согласится сойти «в недра Тартара и в мрак Аида черный». Так и получилось, но Хирон в определенном смысле обрел вторую жизнь — по сообщению Эратосфена, Зевс «из уважения к его благочестию... поместил его среди созвездий», посвятив ему созвездие Кентавра.

Хирон был среди своих сородичей редкостным исключением — остальные кентавры в массе своей славились диким нравом, невоздержанностью, пьянством и сладострастием. Успехи греческой цивилизации их почти не коснулись. Известно, что питались они в том числе сырым мясом, — Аполлодор описывает, как кентавр Фол «стал угощать Геракла жареным мясом, сам же он ел сырое». Материальная культура у кентавров была развита слабо. Они не знали оружия и в драке пользовались сосновыми стволами. Аполлодор так описывает сражение некоего Кенея с кентаврами: «Кеней в битве с кентаврами, презрев опасность и не боясь быть раненым, лишил жизни многих из них. Но оставшиеся в живых окружили его и, ударяя его стволами сосен, вогнали в землю». Недаром Еврипид в трагедии «Геракл» упоминает

Ущелья Гомола, где сосен,
Бывало, себе наломают
Кентавры, в поля отправляясь.

Диодор, описывая битву Геракла с кентаврами, сообщает, что «одни кентавры сражались вывороченными с корнем соснами, другие — огромными камнями, третьи — горящими факелами, четвертые — секирами для убоя быков». По информации Аполлодора, после этого боя дружественный герою кентавр Фол, «вытащив из трупа стрелу, стал удивляться, как такой маленький предмет мог погубить таких огромных кентавров». Как видно, даже живя бок о бок с людьми, эти существа не были знакомы с элементарными достижениями цивилизации.

Не смогли они усвоить и навыки социальной культуры, животные инстинкты у них преобладали над нравственностью. Аполлодор упоминает случай нападения кентавров на спящего мирным сном Пелея, отца Ахиллеса. Большинство известных античной мифологии попыток изнасилования были совершены именно кентаврами. Тот же Аполлодор рассказывает, как кентавры Ройк и Гилей пытались силой овладеть знаменитой охотницей Аталантой, но девушка убила их, застрелив из лука.

Вошла в историю знаменитая битва кентавров и лапифов на свадьбе царя лапифов Пирифоя: пьяные кентавры накинулись, согласно Аполлодору, на невесту, а согласно Диодору — на приглашенных женщин. Менее известно, что этому бытовому конфликту предшествовал династический — ведь Пирифой, сын Иксиона, был единокровным братом кентавров. Диодор пишет: «Будучи родственниками Пирифоя, кентавры потребовали у него часть принадлежавшей их отцу власти. Пирифой отказался, и тогда кентавры повели против него и лапифов войну. Позднее, уже уладив этот спор, Пирифой женился на Гипподамии, дочери Бута, и пригласил на свадьбу Тесея и кентавров, которые, захмелев, попытались было насильно вступить в связь с приглашенными на торжество женщинами, но возмущенные этим беззаконием Тесей и лапифы убили многих из них, а прочих изгнали из города».

Подобная история упомянута и у Гомера. Великий аэд сообщает, как «кентавр многославный Евритион... вином повредивши рассудок... нехорошее дело свершил в Пирифоевом доме». Вероятно, имеется в виду случай, происшед-

ший на свадьбе, хотя нельзя исключить, что это было другое изнасилование, — история кентавров изобилует такими казусами. По свидетельству Гомера, Евритион был жестоко наказан за свою невоздержанность:

Горе героев взяло, вскочили они, поташили
Вон его через сени и гибельной медью кентавру
Нос и уши отсекли. А он, повредившись рассудком,
Прочь пошел, унося и плоды своего ослепления.
С этой поры меж мужей и кентавров вражда разгорелась.

Кентавромахия, случившаяся на свадьбе Пирифоя, прославлена многими поэтами, художниками и скульпторами, ей посвящены, в частности, метопы Парфенона. К сожалению, она оказалась первой, но далеко не единственной. Разбитые кентавры «бежали сначала на Фолою в Аркадии, а в конце концов добрались до Малей и обосновались там. Возгордившись из-за своего преимущества в силе, кентавры совершали из Фолои нападения, грабя оказывавшихся в тех местах эллинов, и убили многих окрестных жителей».

Следующая знаменитая кентавромахия состоялась в Фолое, и снова полуживотные спровоцировали ее сами. Оказавшийся в этих местах Геракл заглянул в гости к кентавру Фолу и открыл стоявшую у него бочку с вином. По поводу вина этого существуют разные мнения. Аполлодор пишет, что бочка принадлежала всем кентаврам и у Геракла не было никакого права ее открывать, о чем Фол его честно предупредил. Диодор же сообщает, что вино это давным-давно было оставлено у Фола Дионисом специально для того, чтобы он угостил сына Алкмены... Теперь уже трудно сказать, прав ли был Геракл, раскупорив спорный напиток. Во всяком случае, кентавры проявили себя в этой истории не самым лучшим образом: они сбежались на запах вина, прихватив с собой доступное им оружие (камни, традиционные сосны, а по сообщению Диодора — и секиры), и устроили потасовку. «Однако Геракл с удивительным мужеством сражался с обладавшими такими преимуществами кентаврами и большинство из них убил, а остальных обратил в бегство».

Возможно, что не добытые Гераклом кентавры частично бежали из Греции — Птолемей Гефестион пишет, что они были погублены сиренами. Это, кстати, наводит на мысль, что кентаврам было не вполне чуждо мореходство. Впрочем, они могли плыть и в сопровождении людей. Но некоторые из них остались на материке, причем над ошибками своими не задумались и к добродетели не обратились. Диодор сообщает, что кентавр Гомад «был сражен в Аркадии, когда совершал насилие над сестрой Эврисфея Алкионой». Широко известна попытка изнасилования жены Геракла Деяниры кентавром Нессом, причем практически на глазах мужа: Несс по просьбе героя перевозил его супругу на другой берег реки и накинулся на нее прямо в воде. Когда же Геракл ранил насильника ядовитой стрелой, тот перед смертью не раскаялся, а, напротив, дал Деянире коварный совет смочить одежду мужа отравленной кровью, которая вытекала из его ран. Несс уверил доверчивую женщину, что этим она вернет себе любовь Геракла.

Ко временам Троянской войны кентавров в Греции, несмотря на их прежнюю многочисленность, практически не осталось — этому немало способствовала их полная неспособность жить в мире с окружающими их народами и приспособляться к гуманистическим требованиям цивилизации. Тем не менее Плиний в «Естественной истории» сообщает, что во времена императора Клавдия, уже в первом веке н.э., в Фессалии было зафиксировано рождение кентавра, — правда, младенец не прожил и дня. Еще один кентавр, законсервированный в меду, был, по словам историка, доставлен в Рим из Египта — Плинию довелось лично повидать редкостное животное. О рождении жеребят с человеческими лицами уже в историческое время сообщает и Плутарх.

Но среди античных писателей не переводились скептики, отрицавшие существование кентавров. И Палефат, и Гераклит пытались убедить своих читателей, что люди принимали за этих животных обычных всадников в те времена, когда верховая езда была еще в новинку. Палефат упирает на то, что «природа коня и человека ни в чем не созвучна, и пища у них не похожа, и не могут человеческий рот и глотка про-

пустить через себя конский корм». В этом он явно не прав, ибо еще Аполлодор писал, что кентавры ели мясо. Более убедительное рассуждение о невозможности кентавров представил читающей публике Тит Лукреций Кар. Автор поэмы «О природе вещей» упирает на различие в жизненном цикле человека и коня:

Ведь на исходе трех лет уже в полном расцвете ретивый
 Конь, а дитя остается младенцем еще и нередко
 Ищет во сне материнских сосцов, молоком отягченных,
 Позже, когда у коней начинают от старости силы
 И одряхлевшие члены слабеть с убегающей жизнью,
 Только тогда для детей наступает цветущая юность
 И начинают пушком одеваться их нежные щеки.
 А потому и не верь, что от семени лошади вьючной
 И от людей бы могли получиться живые Кентавры...

Лукреций пишет, что «никогда никаких не бывало Кентавров, и тварей быть не могло бы с двойным естеством или с телом двояким». «Даже тупому уму понять это будет нетрудно», — с прямотой римлянина сообщает автор поэмы. Познакомившись с таким утверждением, авторы настоящей книги не сочли нужным развивать далее тему кентавров, решив оставить вопрос о возможности их существования на усмотрение читателей. Впрочем, следующее животное, о котором пойдет речь в настоящей книге, имело столь же «двойное естество» — это Минотавр.

Имя *Минотавр* в переводе означает «бык Миноса». Но назвать так несчастное животное можно было только в насмешку, поскольку полноценным быком оно не являлось, да и к критскому царю Миносу имело отношение весьма косвенное — жена Миноса, Пасифая, родила это существо от противоестественной связи с быком. Сын Пасифаи носил, по сообщению Аполлодора, и другое имя, Астерий, что означает «звездный». Происхождение этого имени и вовсе не понятно. Некоторые античные художники изображали Минотавра-Астерия, испещренного с головы до ног точками или глазками, символизирующими звезды, но, скорее всего, они руководствовались не истинным обликом

животного, а лишь его именем. Правда, античный мир знает пример существа, покрытого глазами, — это Аргус (или Аргос), воплощение звездного неба. Но совершенно неясно, почему плод преступной связи женщины и быка мог оказаться похож на Аргуса. Сама Пасифая была дочерью Гелиоса, бога солнца, и к звездам прямого отношения не имела. По поводу происхождения быка-отца имеются разные версии, но ни одна из них не связывает его со звездным небом. Так что, скорее всего, Минос просто назвал новорожденного в честь одного из своих предшественников на критском троне.

Так или иначе, ребенок, получивший красивое имя Астерий, вряд ли мог слишком часто любоваться звездами — он проводил свою жизнь в подземном лабиринте, куда был заточен за склонность к людоедству, а также, возможно, для того, чтобы скрыть позор от глаз жителей Крита. Ведь несмотря на то, что Пасифая не понесла никакого наказания за свой адюльтер, связь царицы с быком и рождение урода не могли послужить ко славе царской четы. Недаром в «Героидах» Овидия сестра Минотавра, Федра, говорит:

Мать Пасифая быку отдалась обманно — и вышел
Плод из утробы ее — время семьи и позор.

А началась эта история примерно за два поколения до Троянской войны. Аполлодор сообщает, что Минос, претендовавший на критский трон, попросил Посейдона прислать ему из глубин моря быка, дабы доказать подданным легитимность своей власти. Он обещал немедленно вернуть животное обратно, принеся его в жертву морскому богу. Посейдон исполнил просьбу, и Минос был коронован, но быка отдать пожалел и принес в жертву другое животное, поплоче. «Посейдон же, разгневанный тем, что Минос не принес ему в жертву того быка, наслал на быка свирепость и внушил любовную страсть к этому животному жене Миноса Пасифае».

Диодор излагает эту историю несколько иначе. Он пишет: «...Еще ранее Минос имел обыкновение ежегодно приносить в жертву Посейдону самого красивого быка.

Когда же ему повстречался бык необычайной красоты, Минос принес в жертву другого, менее совершенного быка». Гигин передает третью версию: «Пасифая, дочь Солнца, жена Миноса, несколько лет не совершала священнодействий богине Венере. За это Венера наслала на нее нечестивую любовь. Она полюбила быка и не подпускала к нему коров, чтобы другая не полюбила того, кого она сама любила».

Но каковы бы ни были причины противоестественной страсти, все авторы признают, что злосчастная Пасифая влюбилась в замечательное животное, причем чувство это оставалось неразделенным. Филострат Старший описывает картину, на которой древний художник изобразил терзания бедной царицы. Она «стоит около стада и глаз не сводит с быка, надеясь привлечь его к себе своим видом и своим одеянием, которое блещет чудесно, лучше, чем все цвета радуги; она смотрит смущенно, — ведь знает она, кого она любит, — она стремится обнять животное, но бык в ее чувствах ничего не может понять и сам все смотрит на свою корову».

Отчаявшись в попытках соблазнить быка женскими прелестями, Пасифая решила обмануть наивное животное и призвала на помощь знаменитого скульптора и зодчего Дедала. Аполлодор пишет: «Дедал изготовил деревянную корову на колесах, выдолбил ее изнутри и обшил свое изделие свежесодранной коровьей шкурой. Выставив его на луг, где обычно пасся бык, он дал войти внутрь этой деревянной коровы Пасифае. Появившийся бык сошелся с ней, как с настоящей коровой, и Пасифая родила Астерия, прозванного Минотавром. Он имел голову быка, все же остальные части тела у него были человеческие».

Приписываемый Гесиоду «Каталог женщин» сообщает:

Миноса ласки познав, родила она мощного сына —
 Диво для взора! — от плеч опускалось тело мужское
 К самым стопам, но бычья глава возносилась над выей.

Отметим, что здесь отцом Минотавра назван не бык, а царь Минос; в этом случае бычью голову он мог унасле-

довать от предков по отцовской линии, а именно от Зевса, некогда похитившего Европу в образе быка.

Надо отметить, что, несмотря на человеческое тело, античные художники очень часто изображали Минотавра не только с бычьей головой, но и с бычьим хвостом. Кстати, Данте, видевший Минотавра в Аду, приписал ему бычье туловище и человеческую голову, что полностью противоречит античной традиции.

Несмотря на то что быки являются сугубыми вегетарианцами, Минотавр был склонен не только к хищничеству, но и к каннибализму (если это слово применимо к существу, бывшему человеком лишь наполовину, — ведь в биологии каннибализмом называют поедание животными особей своего вида). О. М. Иванова-Казас пишет: «С зоологической точки зрения трудно понять, как Минотавр пожирал людей, имея голову травоядного животного, да и история его зачатия представляется очень сомнительной — ведь ни один бык не примет чучело за корову, не говоря уже о том, что столь отдаленная гибридизация невозможна».

Но как бы то ни было, Минотавр родился, и Миносу пришлось с этим сообразовываться. Царь, у которого, кстати, были и вполне благополучные дети, в том числе дочери на выданье, не рискнул держать чудовище во дворце, но и уничтожить его побоялся. Овидий пишет в «Метаморфозах»:

Рода позор между тем возрастал. Пасифаи измену
Гнусную всем раскрывал двуединого образ урода.
Принял решенье Минос свой стыд удалить из покоев
И поместить в многосложном дому, в безвыходном зданье.
Дедал, талантом своим в строительном славен искусстве,
Зданье воздвиг; перепутал значки и глаза в заблужденье
Ввел кривизною его, закоулками всяких проходов.

Заточение Минотавра подтверждают и другие авторы, в том числе Аполлодор: «Минос заключил его в Лабиринт, поступив так согласно полученным им оракулам, и приказал его там стеречь. Этот Лабиринт, который соорудил Дедал, представлял собой здание с запутанными переходами, затруднявшими выход из него».

Тем временем микенский царь Эврисфей, придумывая очередное задание для Геракла, решил отправить героя на Крит, чтобы тот привел ему замечательного быка, ставшего отцом царского ребенка. Впрочем, не исключено, что Эврисфей потребовал какого-то другого быка, — так или иначе, Геракл отправился в дорогу. Аполлодор пишет: «Прибыв на Крит, Геракл стал просить Миноса отдать ему быка, и Минос разрешил Гераклу взять его, если он его одолеет. Одолев быка, Геракл доставил его Эврисфею, показал ему и затем отпустил на свободу. Бык пересек область Спарты и всю Аркадию, затем, перейдя Истм, прибыл в Аттику к Марафону и стал опустошать поля местных жителей».

Вскоре сюда же, в Аттику, прибыл сын царя Миноса Андрогей. По одной из версий, афинский царь Эгей отправил юношу на охоту за марафонским быком (который, кстати, приходился ему свойственником — отцом единоутробного брата), и Андрогей был растерзан злополучным животным. Существуют и другие версии гибели критского царевича, но все они так или иначе возлагают вину за его смерть на Эгея. Возмущенный Минос пошел войной на Афины, а для надежности попросил Зевса покарать убийц. Бог признал правоту критян и наслал на Афины голод и мор. Испуганные афиняне спросили оракул. Аполлодор пишет: «Бог ответил им, что они должны понести наказание от Миноса за совершенное ими преступление против него — такое, какое тот сам пожелает на них наложить. Тогда они отправили к Миносу послов, поручив им спросить, какое наказание захочет наложить на них Минос. Последний приказал афинянам посылать семь юношей и семь девушек без оружия на съедение Минотавр, который был заперт в Лабиринте».

Разные авторы приводят разную периодичность выплаты этой дани: от ежегодной (Гигин) до одного раза в девять лет (Диодор, Плутарх и Овидий). Но так или иначе, афиняне дважды заплатили дань и уже собирались заплатить ее в третий раз, как в Афины из города Трезен на Пелопоннесе пришел незаконнорожденный сын Эгея, Тесей. По дороге он успел свершить немало славных подвигов, а чуть позднее уничтожил марафонского быка, и Эгей был рад признать его сыном и наследником. Но вскоре подошел очередной срок

выплаты дани. Афиняне бросили жребий и отобрали семь юношей и семь девушек, что же касается Тесея, то он сам вызвался разделить участь обреченных. Посольство прибыло на Крит, и жертвы были отправлены в Лабиринт. На их счастье, влюбившаяся в Тесея Ариадна вручила юноше клубок с путеводной нитью.

Греческие художники любили изображать, как Тесей пронзает Минотавра мечом. Литераторы придерживались более реалистической версии — естественно, что никто не разрешил бы жертве, обреченной на съедение, пронести в Лабиринт оружие. Более того, будь у афинян возможность взять с собой мечи, надо полагать, что семеро юношей и без помощи Тесея смогли бы справиться с одним, причем не обученным военному делу, животным. Заслуга Тесея в том, что он сумел выполнить эту задачу без оружия. Аполлодор пишет: «Найдя Минотавра в самой отдаленной части Лабиринта, Тесей набросился на него с кулаками и убил его...» Овидий в «Героидах» сообщает, что Тесей воспользовался «узловатой дубинкой» — откуда он ее взял, не ясно, но можно допустить, что он нашел обрубок дерева в самом Лабиринте. По некоторым данным Тесей не убил чудовище, а взял его в плен — так, Павсаний видел в Амиклах рельеф, на котором был изображен Тесей, ведущий связанного Минотавра. Там или иначе, злополучный сын Пасифаи был побежден, а выплата дани афинянами прекратилась.

Одним из самых гармоничных животных античного бестиария был крылатый конь *Пегас*. Он в определенном смысле стоит в стороне от всех остальных мифозоев, которые обыкновенно были враждебны людям и вообще малосимпатичны. Даже самые лучшие из них, как, например, кентавры, в массе своей являлись существами низкоорганизованными и агрессивными. Даже такое близкое к богам животное, как Зевсов орел, не брезговало обязанностями палача. Что уже говорить о змееподобных чудовищах, коварных сиренах, хищных сциллах... И лишь Пегас, несмотря на свое сомнительное происхождение, оставил о себе самую лучшую память.

Впрочем, со стороны отца Пегас происходил из рода олимпийских богов — он был сыном Посейдона (или, как

его еще называли, Черновласого). Матерью же его была одна из сестер-горгон — Медуза. Сестры эти являли собой картину достаточно неприглядную, но были в значительной мере антропоморфны, представляя, с точки зрения авторов настоящей книги, пограничное состояние между животным и человеком. После некоторых сомнений авторы решили, что подробное описание Горгон выходит за рамки книги, но сказать о них в двух словах все-таки стоит. Аполлодор писал о сестрах: «Головы Горгон были покрыты чешуей драконов, у них были клыки такой же величины, как у кабанов, медные руки и золотые крылья, на которых они летали. Каждый, взглянувший на них, превращался в камень». Кроме того, известно, что вместо волос у Горгон росли змеи.

Две из трех сестер были бессмертны, а третья, по имени Медуза, — смертна. Она-то и стала матерью Пегаса. Родить его она не успела — ее жизнь оборвал Персей. Гесиод пишет:

Смертной Медуза была. Но бессмертны, бесстаростны были
Обе другие. Сопрягся с Медузою той Черновласый
На многотравном лугу, средь весенних цветов благовонных.
После того как Медузу могучий Персей обезглавил,
Конь появился Пегас из нее и Хрисаор великий.
Имя Пегас — оттого, что рожден у ключей океанских...

От обычных коней Пегас отличался тем, что у него имелись мощные крылья. В те героические времена воздушный транспорт у людей был развит крайне плохо. Немногочисленные упряжки крылатых драконов принадлежали богам, смертные же могли пользоваться ими лишь в исключительных случаях, которые можно пересчитать по пальцам. У Гермеса были крылатые сандалии, которые он одолжил Персею. Дети Нефелы преодолели долгий путь из Греции в Колхиду верхом на златорунном баране (точнее, преодолел Фрикс, а Гелла не удержалась и упала в море). Вот, пожалуй, и все известные прецеденты... Поэтому обладание крылатым конем давало воину огромные преимущества. Этими преимуществами и решил воспользоваться Беллерофонт, которому его будущий тесть дал несколько опасных для жизни поручений: уничтожить Химеру и победить племена соли-

мов и амазонок. Совершить это с воздуха было значительно легче, чем на земле, — проблема состояла в том, как обуздать Пегаса. Седел в те времена не было (собственно, и верховой езды греки еще не знали), но Афина подарила герою золотую уздечку, с помощью которой он покорил крылатого коня, а потом и свершил заказанные ему подвиги. Пиндар писал о Беллерофонте:

...Тот, кто когда-то
 Многое претерпел,
 Взнуздывая над бьющими ключами
 Исчадь змеистой Горгоны —
 Пегаса,
 Пока меченную золотом узду
 Не подала ему дева Паллада.
 (...)
 Отсюда,
 С пустого лона холодного эфира,
 Сыпал он стрелы на воинство лучниц амазонок,
 Отсюда поразил он Солимов
 И Химеру, дышашую огнем.
 Но об участи его —
 Смолкаю;
 А Пегасов корм — в древних яслях Кронидова Олимпа.

Пегас, судя по всему, достаточно долго был верховым конем Беллерофонта. Еврипид писал, что на нем герой позднее похитил оклеветавшую его Сфенебею и сбросил коварную женщину в море. И на этом же коне Беллерофонт попытался свершить свой последний, неудавшийся подвиг — достигнуть вершин Олимпа. Но возмущенный святотатством Зевс послал овода, который стал кусать безвинного коня. Пегас не выдержал пытки и сбросил всадника на землю. Пиндар пишет о том, как «крылатый Пегас сбросил всадника, рвавшегося к урочищам небес...». Впрочем, Беллерофонт остался жив, но его карьере пришел конец.

Пегас не только участвовал в подвигах Беллерофонта, но и совершал свои собственные, не менее, а может быть, и более полезные. Антонин Либерал рассказывает о том, как однажды девять дочерей царя Пиера решили на горе Гели-

кон, в Беотии, состязаться в пении с девятью музами. «И вот, когда пели дочери Пиера, все вокруг погружалось во мрак и никто не слушал их хора, а при пении муз замирало небо, и звезды, и море, и реки, а Геликон, услаждаемый их пением, стал от радости расти до неба...» Не известно, какой величины достигла бы гора и какие геологические катаклизмы это могло бы вызвать, но Пегас, по просьбе Посейдона, ударил копытом в ее вершину, и рост прекратился.

Копыта Пегаса вообще, судя по всему, имели некоторое влияние на геологические процессы. Страбон сообщает, что Пегас ударил копытом в скалу, лежащую у подножия Геликона, и вызвал к жизни источник, называемый Гиппокрена. Павсаний добавляет, что такая же точно история произошла на Пелопоннесе, возле города Трезен: «И у трезенцев есть источник, называемый “Источником коня” (Иппокреной), и сказание о нем ничем не отличается от беотийского. Они говорят, что вода появилась из недр земли там, где конь Пегас ударил копытом по земле».

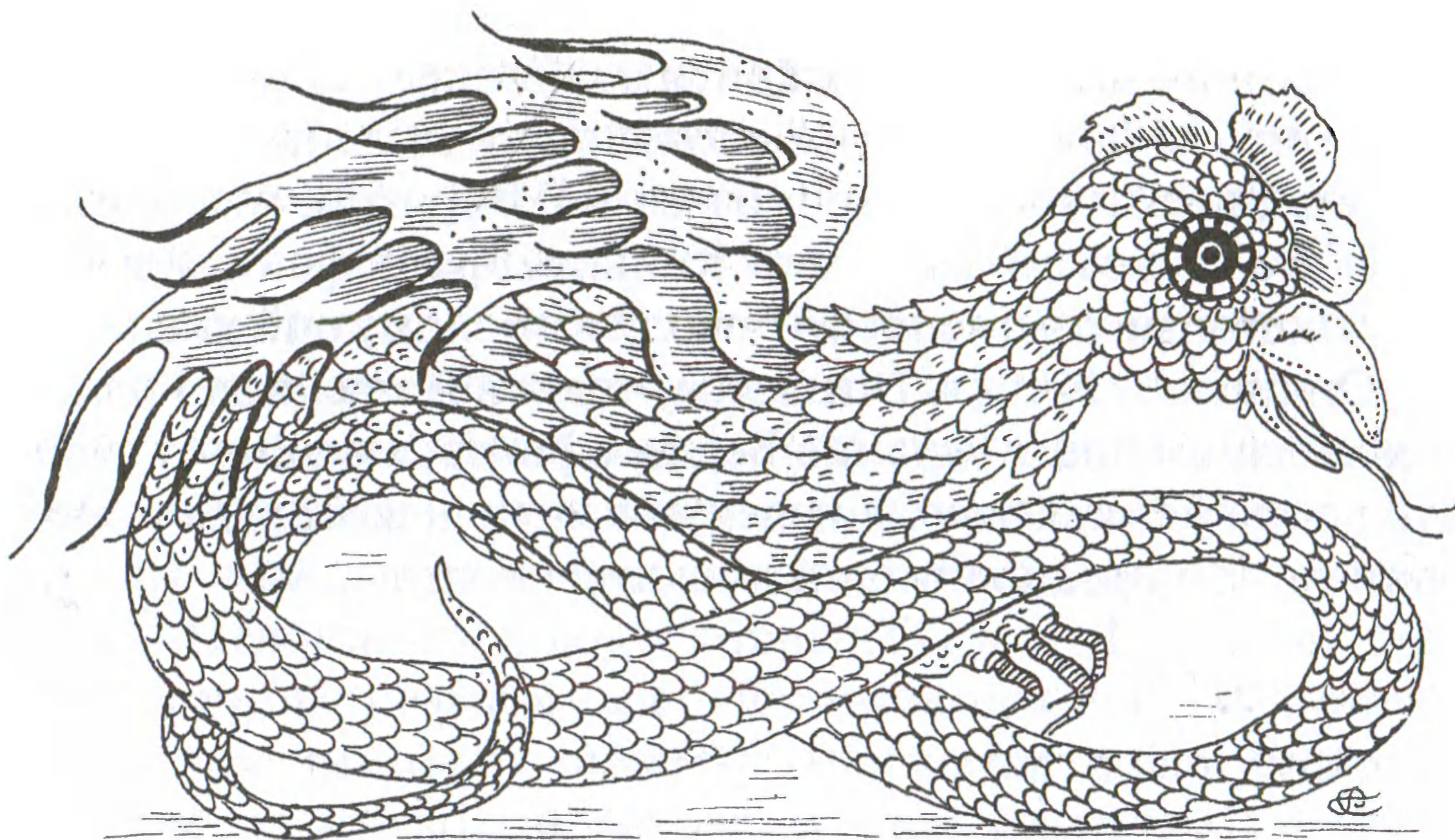
Пегас издавна считается покровителем поэтов — вероятно, потому, что его имя связано с горой Геликон, где обитали музы. Но авторы настоящей книги не нашли в античных источниках упоминаний о том, что Пегасу доводилось возить на себе поэтов, — после того как крылатый конь сбросил Беллерофонта, Зевс, по сообщению Иоанна Цеца, подарил его богине зари Эос. Кроме того, ему приходится выполнять поручения и самого царя богов. Гесиод пишет:

Землю, кормилицу стад, покинул Пегас и вознесся
К вечным богам. Обитает теперь он в палатах у Зевса.
И Громовержцу всеумудрому молнию с громом приносит.

Существование Пегаса традиционно оспаривал Палефат. Он писал: «Говорят, что Беллерофонта носил крылатый конь Пегас. Мне же представляется, что никогда не мог существовать такой конь, даже если бы он позаимствовал все крылья у птиц. Если бы когда-нибудь и было такое животное, оно существовало бы и теперь». С высоты современных научных знаний мы можем опровергнуть рассуждения греческого философа — известно множество самых разно-

образных животных, которых сегодня можно увидеть разве что в палеонтологических музеях. Других же нет и в музеях — от них сохранились лишь следы их жизнедеятельности, например норки в древних почвах... Так что логика Палефата не выдерживает критики. Что же касается Пегаса, то его, во всяком случае, можно видеть на небе — сегодня у него есть собственное созвездие. Впрочем, в античном мире это созвездие называли Конь, и Эратосфен высказывал некоторые сомнения по поводу того, кому оно посвящено. Он писал: «Иногда считается, что это Пегас, взлетевший к созвездиям после падения Беллерофонта, однако тот факт, что у него нет крыльев, лишает, согласно некоторым толкованиям, это предположение убедительности».

По следам античных путешественников

В предыдущих главах настоящей книги речь шла о существах в полном смысле этого слова мифических — все они были более или менее активными участниками событий, донесенных до нас античной мифологией. Но авторам представилось, что будет несправедливым пренебречь и животными, которые никакими конкретными подвигами (или преступлениями) себя не прославили, в поле зрения мифографов не попали, но чья историчность (или, скорее, «биологичность») остается под столь же большим вопросом. Сегодня, пожалуй, можно с полной уверенностью сказать, что двухголовая амфисбена, крылатый василиск или таранд, умеющий менять цвет своего меха, тоже не существовали на самом деле, и это дает им право появиться на страницах настоящей книги, несмотря на то что сообщают о них не аэды и мифографы, а историки, географы и путешественники. И описанная на рубеже четвертого и пятого веков до н.э. Ктесием мантикора, обладающая телом льва и головой человека, ничуть не хуже воспетой Гесиодом и Еврипидом Сфинги, с той лишь разницей, что последняя имела еще и крылья и умела загадывать загадки, в то время как манти-

кора интеллектуальными задатками не отличалась и ограничивалась стрельбой из хвоста.

Животным, о которых мы знаем прежде всего со слов путешественников и ученых, и будет посвящена настоящая глава. Античные ученые, равно как и путешественники, в основном писали свои труды не раньше пятого века до н.э.; к этому времени греки, а потом и римляне уже достаточно хорошо представляли себе окружающий мир и прекрасно знали, какие существа водятся в Греции, Италии и вообще в окрестностях Средиземноморья, а какие нет. Поэтому все животные, которые могли поразить их воображение, теперь должны были обитать на дальних окраинах Ойкумены — что они, судя по сохранившимся документам, и делали.

Драконы (они же — крылатые змеи) водились по окраинам известного грекам мира во множестве. В пятом веке до н.э. Геродот писал: «Есть в Аравии местность, расположенная примерно около города Буто. Туда я ездил, чтобы разузнать о крылатых змеях. Прибыв на место, я увидел кости и хребты в несметном количестве. Целые кучи змеиных хребтов лежали там — большие, поменьше и совсем маленькие; их было очень много. Местность, где лежат кучи костей, имеет вот какой вид: это узкий проход, ведущий из горных теснин в обширную равнину. Равнина же эта примыкает к египетской равнине. Существует сказание, что с наступлением весны крылатые змеи летят из Аравии в Египет».

Об аравийских летающих змеях (называя их почему-то сиренами) на рубеже шестого и седьмого веков писал опиравшийся на античные источники энциклопедист Исидор Севильский: «Они передвигаются быстрее лошадей, а по слухам, еще и летают. Яд их таков, что смерть настигает укушенного раньше, чем боль».

Жившей в первом веке н.э. Марк Анней Лукан в поэме «Фарсалия» описал ливийских драконов, которые, как и прочие местные змеи, возникли из капель крови, упавших на землю, когда над Ливией пролетал Персей с отрубленной головой горгоны Медузы. Лукан отличает их от драконов, обитающих в других землях, — почему-то он считает европейских и азиатских драконов существами сугубо мир-

ными и к тому же бескрылыми (хотя, как мы уже писали, в Греции были известны и крылатые драконы). Автор «Фарсалии» пишет:

Вы же, везде на земле божества, ползушие мирно,
С телом блестящим своим в золотых отливах — драконы —
Африка знойная вас смертоносными делает: вьетесь
В воздухе вы на крылах и, стада преследуя, часто
Даже могучих быков в объятиях душите грозных.
Слон не спасется от вас; вы всем посылаете гибель,
И для того, чтобы убить, не нуждаетесь вовсе в траве.

Гай Юлий Солин в своем составленном в третьем веке «Собрании достопамятных сведений» оставил подробную информацию о чудовищах, водившихся в центральной части Эфиопии: «Среди этих раскаленных, опаляющим зноем хребтов водится множество драконов. У настоящих драконов небольшая пасть, которая не может раскрыться для укуса. Кроме того, на морде у них имеются узкие отверстия, через которые они дышат и выпускают язык. Дело в том, что сила у них не в зубах, а в хвосте, так что они причиняют вред больше ударом, чем укусом. В головном мозге драконов находят драконий камень. Правда, камнем он будет только в том случае, если его извлекут из живого дракона. Если же змей уже умер, то камень теряет твердость и исчезает. Камень этот особенно ценят восточные цари, поскольку из-за его твердости в нем нельзя произвести никаких поправок, так что — и это говорит о его особом благородстве — он сияет своей естественной красотой».

Из сообщения Солина можно сделать вывод, что эфиопские драконы отличались от обычных змей (как, впрочем, и от других драконов) способом питания: они не охотились, а подбирали корм, лежащий на земле. Гай Юлий пишет: «Охотники исключительной отваги выслеживают убежища этих змей. Затем, дождавшись, когда они отправятся на поиски корма, охотники стремительно бегут перед ними и разбрасывают сонное зелье. Когда, отведав зелья, драконы засыпают, охотники отрезают им головы и уносят как награду за свою отчаянную храбрость».

Страбон (ссылаясь на побывавшего в Индии в начале третьего века до н.э. дипломата Мегасфена) сообщает об индийских летающих змеях. Существа эти, по мнению знаменитого географа, не велики и достигают всего двух локтей в длину. Но зато они в полете испускают «капли мочи или даже пота, что вызывает нагноение кожи у всякого, кто не уберется от этого».

Позднее информацию о крылатых чудовищах Индии и Эфиопии подтвердил Исидор Севильский (хотя он и расходится со Страбоном по поводу их размеров): «Дракон больше всех гадов или даже всех животных на Земле... Он часто, покинув пещеры, носится в воздухе, возмущая его. У дракона есть гребешок, небольшой рот и узкие отверстия, через которые он вдыхает воздух и высовывает язык. Сила его не в зубах, а в хвосте, и вред он наносит скорее ударами, нежели укусами. В отношении яда он безвреден, но для причинения смерти яд ему не нужен, так как он убивает жертву сдавливанием. Из-за этого даже слон подвержен опасности, несмотря на величину тела. Ведь, спрятавшись у тропинок, по которым обычно ходят слоны, дракон обвивается узлами вокруг их голеней и убивает удушьем. Рождаются драконы в Эфиопии и Индии в самый зной середины лета».

Известен случай из времен Первой Пунической войны (третий век до н.э.), когда с гигантским драконом, обитавшим на территории нынешнего Туниса, пришлось сражаться всему римскому войску. Авл Геллий, создавший во втором веке н.э. историко-культурологическое сочинение «Аттические ночи», пишет, как консул Атилий Регул, «разбив лагерь на реке Баграде, выдержал длительный и жестокий бой с одним змеем невиданного размера, обитавшим в этих местах, осаждая его при великом содействии всего войска с помощью баллист и катапульт, и, убив его, отослал кожу, длиной в сто двадцать футов (35,4 метра. — *О. И.*) в Рим».

Исидор рассказывает и еще об одной замечательной летающей змее, называемой *якул*. Якулы летают без помощи крыльев — «они взбираются на деревья и, когда какое-нибудь животное попадает навстречу, бросаются на него сверху и убивают». Интересно, что убивают якулы не с помо-

щью яда — они пронзают жертву своим телом, как копьем. Известно, что при переходе римского войска через североафриканские пустыни в первом веке до н.э. от нападения якула погиб римский воин по имени Павел, — по крайней мере, его смерть подробно описывает Лукан в «Фарсалии». Правда, сам Лукан при гибели злосчастного Павла не присутствовал — он в те героические годы еще лежал в пленках. Но от этого его поэма не стала менее убедительной:

Бросившись издалека, со ствола иссохшего дуба,
Сразу вонзилась змея (что «копьем» зовет африканец):
Павлу она прошла сквозь главу, виски пронизавши.
Яд ни при чем: мгновенную смерть нанесла ему рана.

Кроме того, по словам Лукана, римские воины познакомились в Африке и с двухголовой змеей, *амфисбеной*. Впрочем, об этом примечательном существе писали многие античные авторы. Ее упоминает Плиний в своей «Естественной истории» — он сообщает, что у амфисбены есть вторая голова, на хвосте, «как если бы одного рта было мало для испускания всего ее яда». Элиан в «Рассказах о животных» говорит, что, когда амфисбена ползет, она переднюю голову использует по прямому назначению (имеется в виду не мышление, а движение), вторую же использует как хвост. Если же направление движения меняется на противоположное, меняются и функции голов. Исидор пишет, что амфисбена «двигается в обе стороны, перемещая тело круговыми движениями». Авторы настоящей книги не вполне поняли, что имел в виду энциклопедист и как именно передвигается знаменитая змея. Но возможно, именно это сообщение привело к распространившемуся позднее мнению, что амфисбена засовывает одну голову в рот второй и катится, как обруч. Исидор же утверждает, что «она одна из всех змей подвергает себя воздействию холода, первой появляясь после зимы». Это сообщение тоже не вполне понятно, поскольку амфисбена, судя по информации Лукана, обитает в Ливии (в Античности так называли Северную Африку, исключая Египет), где «подвергать себя воздействию холода» весьма затруднительно — средняя температура воздуха в Ливийской

пустыне в январе составляет 12–14°С. Впрочем, неподалеку, в Сахаре, в горных массивах зарегистрированы температуры до –18°С. Подобно остальным змеям, амфисбена время от времени сбрасывает старую кожу — Элиан пишет, что кожа эта, если ею обернуть дорожный посох, отгоняет всех змей, а также и других существ, которые убивают не укусами, а ударами.

Одной из самых знаменитых мифических змей, водившихся в Ливии, был *василиск*, которого Исидор называл «царем змей», а Солин — «пагубой, равной которой нет на земле». В те времена он еще не приобрел ни петушиной головы, ни жабьего тела, ни крыльев, ни ног (от четырех до восьми), которые позднее появятся у средневековых василисков. По описанию Плиния, это была небольшая змейка, около тридцати сантиметров длиной, с ярко-белой отметиной на голове, напоминающей диадему. Обитала она в Киренаике (северо-восток современной Ливии) и славилась исключительно сильным ядом. Плиний рассказывает, как однажды всадник пронзил василиска копьем и яд, поднявшись по древку, убил не только человека, но и лошадь. Подобную историю передает и Лукан: римский воин, ударивший василиска копьем, был вынужден немедленно отсечь себе руку возле плеча.

Солин писал о василиске: «Он несет с собой гибель не только человеку и другим животным, но и самой земле, которую это чудовище отравляет и сжигает повсюду, где обитает. Таким образом, василиск уничтожает траву, губит деревья, портит даже сам воздух, так что ни одна птица не может пролететь по воздуху, отравленному губительным дыханием. Когда василиск передвигается, половина его тела ползет по земле, а другая половина круто задрана вверх. Шипения василиска страшатся даже змеи, так что, услышав его, они поспешно скрываются. Зверь не касается, птица не клюет того животного, что погибло от укуса василиска. Однако над василисками все же берут верх ласки, которых приносят туда люди, запуская их прямо в трещины, в которых они скрываются. Но и мертвый василиск остается ядовитым. Поэтому жители Пергама (город в Малой Азии. — *О. И.*) покупали их за большие деньги, чтобы в храм... не проникали ни пауки, ни птицы».

Несмотря на свою сверхъестественную ядовитость, василиск уже в античные времена имел и другую, столь же опасную особенность: убивать взглядом. Лукан называл его «царь безграничных пустынь — василиск, и без яда губящий». Исидор писал: «Под его взглядом ни одна птица не пролетит невредимо, но как бы далеко она ни была, погибнет в его пасти».

Античные авторы не сообщают о способах борьбы с василисками (кроме использования ласок). Но позднее, в Средние века, было достоверно известно, что василиск погибает, увидев свое отражение в зеркале. Смертельным для него был также взгляд или крик петуха. Впрочем, как мы уже писали, средневековые василиски отличались другим строением тела, и сегодня уже трудно сказать, могли ли воины Катона, пересекавшие Ливийскую пустыню, спастись от василисков, если бы сообразили взять с собой петухов. Что же касается зеркал, то античные зеркала изготавливались из полированного металла, без использования стекла, и отличались низким качеством, поэтому они, возможно, и не оказали бы на животных никакого действия.

Первые ливийские василиски появились на свет, судя по сообщению Лукана, из крови Медузы. О размножении василисков античные авторы умалчивают. Средневековые василиски, насколько известно авторам настоящей книги, сами не размножались. На свет же они появлялись из яйца, снесенного петухом и высиженного жабой. Поскольку несение яиц петухами — явление крайне редкое, да и для жаб достаточно нетипично сидеть на яйцах, василиски в Средние века были большой редкостью. Что же касается ливийских василисков, то, поскольку в пустыне и петухи, и жабы встречаются редко, есть основания думать, что они размножались естественным для змей способом.

Следует отметить, что василиск был не единственным животным, чей взгляд представлял опасность для других существ. Помпоний Мела, римский географ первого века н.э., писал о верховьях Нила: «В этих местах водится *катаблепас* (глядевший вниз) — небольшое дикое животное с огромной головой. Катаблепас поднимает голову с большим трудом, и поэтому пасть его всегда обращена к земле. Животное обладает уди-

вительным свойством, о котором особенно следует сказать: подвергнуться нападению каталеписа или быть им укушенным — совершенно неопасно, но смертельно опасно встретиться с ним взглядом».

Впрочем, вся долина Нила была, по мнению Помпония, исполнена чудес биологического характера. Автор сообщает, что река Нил «вливает жизнь даже в комья земли и превращает их в живые существа. Доказательством этого может служить то, что, когда разлив прекращается и река возвращается в свое русло, на влажных полях остаются особые существа: они еще не оформились и только становятся живыми. Одна часть тела их уже успела сложиться, а другая состоит еще из земли».

Упоминает Помпоний и еще об одном экзотическом способе воспроизводства живых существ. Им пользовалась птица *феникс*, жившая, по разным сообщениям, в Аравии, Ассирии или Индии (а быть может, и по всей Южной Азии), но периодически прилетающая в Египет. Помпоний пишет: «Из пернатых нужно особо выделить феникса — однополую птицу, которая не совокупляется и не родит. Прожив пятьсот лет, птица ложится на кучу благовоний, которую она себе сооружает к этому времени, и начинает разлагаться. Затем жижа, получившаяся от разложения ее членов, затвердевает, птица беременеет собой и вновь родит себя самое. Когда птица подрастает, она покрывает миррой кости своего прежнего тела и несет их в Египет, в город, который называется городом Солнца, чтобы возложить их там в святилище на пылающий благовониями костер и освятить их этим обрядом».

Подобное сообщение о фениксе мы встречаем и у Тацита, младшего современника Помпония: «По истечении положенных ему лет, почувствовав приближение смерти, он у себя на родине строит гнездо и изливает в него детородную силу, от которой возникает птенец». Плиний, посвятивший фениксу целую главу своей «Естественной истории», пишет, что эта птица, состарившись, умирает в наполненном благовониями гнезде, после чего из ее останков появляется маленький червячок, который со временем превращается в птицу.

Таким образом, вопреки распространившемуся позднее мнению, фениксы, по крайней мере в далекой древности, совсем не обязательно совершали самосожжение, дабы возродиться из пепла, и предпочитали мирную смерть среди благовоний. Овидий пишет:

Только столетий он пять своего векованья исполнит,
Тотчас садится в ветвях иль на маковку трепетной пальмы.
Клювом кривым и когтями гнездо себе вить начинает.
Дикой корицы кладет с початками нежного нарда,
Мятый в гнездо киннамон с золотистою миррою стелет.
Сам он ложится поверх и кончает свой век в благовоньях.
И говорят, что назначенный жить век точно такой же,
Выйдя из праха отца, возрождается маленький Феникс.
Только лишь возраст ему даст сил для поднятия груза,
Сам он снимает гнездо с ветвей возвышенной пальмы,
Благочестиво свою колыбель и отцову могилу
Взяв и чрез вольный простор в Гипериона город донесшись,
Дар на священный порог в Гипериона храме слагает.

Версия о самосожжении феникса тоже существовала — ее придерживаются, например, Флавий Филострат и поэт рубежа четвертого—пятого веков Клавдий Клавдиан, уроженец Александрии Египетской. Филострат описывает, как феникс, прилетевший в Египет из Индии, «испепеляясь в своем гнезде, сам себе поет погребальную песнь». О том, как феникс рождается и умирает на «алтаре благовонном», «старость в огне меняя на молодость в солнечном свете», пишет Нонн. Солин рассказывает о погребальных кострах из корицы, которые сооружают для себя фениксы. Исидор пишет: «Птица эта живет более пятисот лет, когда же состарится, собирает ароматические ветви, возводит себе погребальный костер и, повернувшись к лучу солнца, хлопаньем крыльев сама раздувает для себя пламя, и таким способом возрождается из пепла».

Но, будь то для самосожжения или для погребения своих отцов, миграции фениксов из Азии в Египет подтверждаются большинством античных авторов. Геродот, побывавший в Египте в пятом веке до н. э., писал (правда, с чужих слов и высказав некоторое недоверие к источнику информации):

«Феникс прилетает будто бы из Аравии и несет с собой умащенное смирной тело отца в храм Гелиоса, где его и погребает. Несет же его вот как. Сначала готовится из смирны большое яйцо, какое только может унести, а потом пробует его поднять. После такой пробы феникс пробивает яйцо и кладет туда тело отца. Затем опять заклеивает смирной пробитое место в яйце, куда положил тело отца. Яйцо с телом отца становится теперь таким же тяжелым, как и прежде. Тогда феникс несет яйцо с собой в Египет в храм Гелиоса. Вот что, по рассказам, делает эта птица».

Тацит сообщает, что первой заботой феникса, достигшего зрелости, становится «погребение останков отца». «...Он не берется за это опрометчиво, но сначала, подняв мирру равного веса, испытывает себя в долгом полете, и когда станет способен справиться с таким грузом и с таким дальним путем, переносит тело отца на жертвенник солнца и предаст его там сожжению. Все это недостоверно и приукрашено вымыслом, но не подлежит сомнению, что время от времени эту птицу видят в Египте».

Подробное описание внешности прославленного пернатого оставили многие авторы. Геродот сообщал, что феникса ему увидеть не удалось, «так как он редко прилетает в Египет: в Гелиополе говорят, что только раз в 500 лет», но знаменитый путешественник видел здесь изображение крылатого мифозоя: «Его оперение частично золотистое, а отчасти красное. Видом и величиной он более всего похож на орла». Тацит отмечал, что феникс «отличается от других птиц головою и яркостью оперения». Плиний говорит о пурпурном оперении феникса, «блистательном золотистом плюмаже» вокруг шеи, о лазурном хвосте, длинные перья которого тронуты розовым, и о хохолке из перьев на голове. Подобное (возможно, заимствованное у Плиния) описание птицы феникс приводит Гай Юлий Солин: «Величиной она с орла, голова украшена стоячим хохолком, образующим конус. Клюв у феникса с гребнем, вокруг шеи — воротник золотистого оттенка, тело пурпурного цвета за исключением хвоста, перья которого — розового цвета с примесью лазурного оттенка». Клавдиан, посвятивший фениксу прочувствованное эссе, считает, что крылья у него голубые и богато укра-

шены золотом, при этом сами крылья «резвее, чем у Зефира». Кроме того, он уверяет, что из глаз феникса вырывается загадочный свет, а голову окружает пламенный ореол.

Сведения древних авторов о питании феникса вызывают некоторые сомнения. Плиний, ссылаясь на сенатора Манилия, который прославился изучением фениксов, сообщает, что эту птицу никто не видел за едой. Клавдиан прямо пишет: «Ему не нужна ни еда, чтобы утолить голод, ни питье, чтобы утолить жажду; чистые лучи солнца — его пища, морские брызги — его питье...»

Несмотря на столь скудный рацион, фениксы отличаются редким для птиц долгожительством. Разные авторы называют разные цифры, в основном от пятисот до тысячи лет. На этом вопросе подробно останавливается Тацит, сообщивший, что очередная птица феникс прилетела в Египет «в консульство Павла Фабия и Луция Вителлия», то есть в 34 году н.э., «и доставила ученым мужам из уроженцев этой страны и греков обильную пищу для рассуждений о столь поразительном чуде». В основном ученых мужей волновал срок жизни замечательной птицы. Им было известно, что каждая особь феникса прилетает в Египет один раз, для похорон своего отца. Поэтому по периодичности появления фениксов на берегах Нила можно судить о средней продолжительности их жизни. Тацит признает, что ученые мужи о возрасте последнего феникса «говорят различно». Он пишет: «Большинство определяет его в пятьсот лет, но есть и такие, которые утверждают, что этот феникс живет уже тысячу четырехста шестьдесят один год, так как ранее фениксы прилетали в город, носящий название Гелиополь, в первый раз — при владычестве Сесосиса, во второй — Амасиса и в последний — Птолемея».

Признаться, авторам настоящей книги не удалось постичь логику как ученых мужей Египта, так и самого римского историка. Сесосис, которого современная египтология отождествляет с Сенусертом III, фараоном XII династии, правил в девятнадцатом веке до н.э. Амасис, он же Яхмес II — в середине шестого века до н.э.; Птолемей — в начале третьего... Промежутки между их правлениями при всех условиях не дают ни одну из предложенных цифр. Впрочем, и сам Тацит

пишет: «Древность темна; но Тиберия от Птолемея отделяет менее двухсот пятидесяти лет. Поэтому некоторые считают, что последний феникс — не настоящий...»

Плиний, ссылаясь все на того же знатока фениксов, Манилия, пишет, что птица эта живет пятьсот сорок лет. А Солин даже считает это доказанным (но кто и как доказал — не сообщает). Впрочем, его строки, посвященные этому вопросу, еще более противоречивы, чем текст Тацита. Солин сообщает: «Доказано, что фениксы живут 540 лет. Они сами себе сооружают из корицы погребальные костры, причем возводят их по соседству с Панхеей в городе Солнца, кучей наваливая корицу на алтари. Все авторы сходятся в том, что время жизни феникса соответствует полному циклу великого года. Впрочем, многие считают, что феникс живет не 540 лет, а 12954 года».

«Великим годом» древние называли время, по истечении которого все в мире приходит в первоначальное состояние. Год этот длится, по разным мнениям, от двух с половиной тысяч до нескольких миллионов лет, поэтому трудно согласиться с Солином, что именно на этой продолжительности жизни феникса сходятся «все авторы». Но дальнейшие сообщения Солина носят уже вполне исторический характер и сомнений не вызывают. Римлянин пишет: «В Египте фениксы впервые появились при консулах Квинте Плавции и Сексте Папинии (36 год н. э. — *О. И.*). В 800 году от основания Рима (47 год н. э. — *О. И.*) пойманный феникс по распоряжению принцепса Августа был выставлен на комиции. Это событие, помимо записей цензоров, зафиксировано и в городских анналах».

Другой экзотической птицей, о которой часто пишут античные географы, был *грифон*, или гриф, что одно и то же (разница в написании возникает лишь при переводе на русский язык). Но назвать грифона птицей можно с очень большой натяжкой — он не имеет ничего общего со своим тезкой, грифом из семейства ястребиных. Исидор сообщает: «Грифами называются четвероногие животные, покрытые перьями. Этот род зверей обитает в Гиперборейских горах. Всеми частями тела они — львы; крыльями и лицом похожи на

орлов; чрезвычайно враждебны по отношению к лошадям. Увидев человека, разрывают его на части».

Гиперборейскими, или Рипейскими, горами в античном мире называли некие достаточно неопределенные горы, расположенные на севере, иногда — Урал. Впрочем, разные авторы помещали грифонов в разных регионах Евразии, от Северной Европы до Индии. Геродот считал, что они обитают в сравнительной близости от скифов, в земле неких одноглазых людей аримаспов. Знаменитый историк именуется их «стерегущие золото грифы», но что это за животные и почему они занимаются столь несвойственным для пернатых делом, не разъясняет.

Павсаний пишет, что грифы — «животные, похожие на львов», что «они имеют крылья и клюв орла» и «из-за золота сражаются с аримаспами», «золото же, которое берут грифы, выходит из самой земли».

Сервий Туллий, комментатор Вергилия, пишет о грифах, что это — «особый род животных», который водится в Гиперборейских горах. «По всей внешности они суть львы, но крыльями и головой подобны орлам, очень враждебны лошадям, посвящены Аполлону...»

Помпоний Мела, описывая местность, лежащую к югу от Рипейских гор вдоль реки Танаис (Дон либо Северский Донец, а после их слияния — нижнее течение Дона), сообщает: «Затем идет область, никем не населенная, несмотря на благодатный климат. Дело в том, что здесь водятся грифы, злые и жадные дикие животные. Они очень любят золото, которое извлекают из недр земли и с поразительным усердием оберегают, создавая угрозу тем, кто находится поблизости. Первые люди, которых мы здесь встретим, — скифы, а первое скифское племя — аримаспы. Говорят, что у них по одному глазу».

Индийские грифы мало чем отличались от восточноевропейских и питали столь же сильную склонность к золоту. Флавий Филострат писал: «Что же до золота, добываемого грифонами, то существуют скалы, усеянные золотыми каплями, словно искрами, и золото это упомянутые твари высекают из камня силою клюва». Кстати, страсть к блестящему металлу достаточно типична для некоторых птиц, например

сорок, ворон или галок, и это наводит на мысль, что, несмотря на свое львиное тело, грифоны были близки к птицам. Интересно, что Ктесий прямо называет индийских грифов птицами, приписывая им весьма незначительное сходство со львами. Правда, сам Ктесий, врач персидского царя, в Индии не бывал, но Персидское царство все же находилось к этой стране достаточно близко и поддерживало с ней регулярные контакты. Ктесий пишет: «Золото находится в многочисленных и высоких горах, на которых обитают грифы — четырехфутовые птицы размером с волков, с лапами и когтями, подобными львиным. Все их тело и крылья покрыты черными перьями, лишь грудь красная. Из-за них золото трудно добывать, несмотря на то что его чрезвычайно много».

Элиан в «Рассказах о животных» придерживается иного мнения, подчеркивая сходство грифонов с млекопитающими. Он сообщает: «О грифоне я слышал, что это индийское четвероногое, подобно львам, животное, и его когти, сильные сколь только возможно, также почти одинаковы со львиными. Поэты говорят, что спина у них крылатая, цвет их перьев черный, а спереди красный, сами же крылья уже не таковы, но белые. (...) Птенцов он выводит в горах; и взрослого невозможно захватить, а птенцов ловят. И бактрийцы, соседи индийцев, говорят, что грифоны сторожат имеющееся там золото, и говорят, что они его выкапывают и из него же вьют гнезда, а то, что просыпалось, забирают индийцы. Индийцы же говорят, что грифоны не охраняют вышеназванное золото, ибо они не нуждаются в золоте (...), но что индийцы сами приходят добывать золото, а те боятся за своих детенышей и сражаются с приходящими. Также они вступают в борьбу и с остальными животными и весьма легко их одолевают, но не противостоят ни льву, ни слону».

Флавий Филострат, в отличие от Элиана, считает грифонов сильнее львов и слонов. Но у него имеется совершенно особое мнение по поводу их крылатости. Впрочем, нельзя исключить, что он попросту описал животных другого вида. Филострат пишет: «Огромностью и мощью грифоны подобны львам и даже нападают на последних, ибо имеют преимущество в крыльях; превосходят они силою также слонов и драконов. А вот летать они — словно слабкрылые пти-

цы — не горазды, ибо нет у них подлинных крыльев, при-
сущих птичьей породе, но имеются лишь алые перепонки,
натянутые на лапах между пальцами: расправляя эти пере-
понки, они взлетают и бросаются с воздуха, так что неодо-
лим для них только тигр, проворством сродный ветрам».

Интересно, что в своей склонности к золоту грифоны
сходны с некоторыми видами муравьев — об этом сообща-
ют многие античные авторы. Например, Помпоний Мела
писал: «Индия богата людьми и разными видами живот-
ных. Здесь встречаются муравьи величиной с самую боль-
шую собаку. Говорят, что они, подобно грифам, извлекают
золото из недр земли и стерегут его, угрожая смертью всяко-
му, кто к нему прикоснется».

Менее известным, чем грифон, но тоже в своем роде замеча-
тельным животным был *таранд*, водившийся в степях Юго-
Восточной Европы. О нем говорится в книге «Рассказы
о диковинах», приписываемой Аристотелю, хотя и создан-
ной после его смерти: «У скифов, называемых гелонами,
как рассказывают, водится дикое животное, чрезвычайно
редкостное, и поймать его очень трудно, потому что вид его
очень переменчив; называется он “тарандом”: животное
это меняет цвет меха в зависимости от места, маскируясь
под цвет деревьев и травы, вообще под цвет любой местно-
сти. Всего удивительнее изменение окраски шкуры, дру-
гие животные сходным образом меняют лишь цвет кожи,
например хамелеон или полип. Величиной этот зверь с быка,
а голова напоминает оленю».

Ученик Аристотеля, Теофраст, тоже описал редкост-
ное животное в своей книге «О водах»: «Таранд величиною
с быка, а мордую похож на оленя, только шире, так что она
как бы сложена из двух оленьих морд. Животное это — дву-
копытное и рогатое. Рог имеет отростки, как олений, и весь
покрыт шерстью: кость его обтянута кожей, откуда и рас-
тет шерсть. Кожа толщиной в палец и очень крепка, поче-
му ее высушивают и делают из нее панцири. Перемена цвета
у таранда удивительна и почти невероятна: у других пере-
мена происходит в коже вследствие изменения внутрен-
ней влажности, или кровянистой, или какой-нибудь дру-

гой подобной, так что патологическая причина очевидна; изменение же волос, сухих, висящих и вовсе не обладающих свойством изменяться, поистине удивительно и невероятно, в особенности если разнообразится соответственно многим предметам».

Весьма интересными существами, обитавшими по самым разным окраинам Ойкумены с древности и по крайней мере по раннее Средневековье, были *кинокефалы* (*киноцефалы*), или люди с песьими головами. Признаться, авторы настоящей книги поначалу были в сомнениях, можно ли помещать их в книгу о животных и не обидно ли это будет для созданий, носящих, как бы то ни было, имя «люди». Подобные сомнения, кстати сказать, терзали в свое время и Блаженного Августина, который размышлял о том, что есть человек и можно ли возводить к Адаму разного рода биологические диковинки. «А что сказать о кинокефалах, собачья голова которых и лай скорее выдают их за животных, чем за людей?» — вопрошал великий богослов. Августин разрешил свои сомнения в плоскости богословской, но не биологической. Он пришел к неоспоримому выводу, что если носители столь необычных качеств, каковым, без сомнения, можно считать наличие собачьей головы, являются людьми, то они происходят от Адама, а если не являются людьми, то соответственно от Адама не происходят. Но вопрос о том, люди ли кинокефалы, остался у Августина открытым, и авторам настоящей книги пришлось прибегнуть к свидетельствам менее боговдохновенным, но более конкретным. Поскольку античные писатели часто относят этих существ именно к животным, отказывают им в человеческой речи, а иногда и наделяют их собачьим хвостом, по зрелом размышлении было решено посчитать кинокефалов животными и уделить им некоторое внимание на этих страницах.

Первым, кто упомянул замечательных обладателей собачьих голов, был Геродот, путешествовавший по Северной Африке в пятом веке до н.э. Он писал о землях, которые сегодня относятся к Тунису и Алжиру: «Там обитают огромные змеи, львы, слоны, медведи, ядовитые гадюки, рогатые ослы, люди-песьеглавы и совсем безголовые, звери с гла-

зами на груди (так, по крайней мере, рассказывают ливийцы), затем — дикие мужчины и женщины и еще много других уже не сказочных животных». Несмотря на то что «отец истории», видимо, относил песьеглазцев и безголовых людей к категории «сказочных животных», память о них, причем вполне материальная, в виде наскальных рисунков, сохранилась в Африке по сей день. Впрочем, некоторые скептически настроенные исследователи считают, что песьеглазцами, или кинокефалами, древние могли называть бабуинов, недаром их латинское название — *Pario cynocephalus*.

Полтора веками позже грамматик и поэт Симмий Родосский описал свои личные впечатления от встречи с кинокефалами у берегов Кавказа: «...Я прибыл на заросшие зелеными маслинами острова, осененные высокими тростниками. Я видел и странное племя мужей гемикинов [полупсов], у коих на красивых плечах собачья голова, снабженная крепкими челюстями; они лают, как собаки, и не понимают славной речи других смертных».

В начале третьего века до н.э. в Индии побывал греческий дипломат Мегасфен. Он засвидетельствовал, что там тоже живут кинокефалы. Труд самого Мегасфена до нас не дошел, но на него ссылается Солин, сообщая, что в «индийских горах живут люди с собачьими головами, которые вооружены когтями, а одеты в шкуры. Голос у них нечеловеческий, и объясняются они лишь лаем и рычанием».

С распространением христианства интерес к кинокефалам не исчез — вслед за Августином им уделяли внимание и другие христианские авторы. В девятом веке об индийских песьеглазцах писал константинопольский патриарх Фотий. Правда, сам Фотий в Индии не бывал и пользовался книгой Ктесия Книдского «Индика», созданной еще в начале четвертого века до н.э. и до наших дней не сохранившейся. Патриарх подробно пересказал книгу (за что историки ему по сей день благодарны), не обошел он вниманием и кинокефалов, о которых писал Ктесий. Причем наличие у этих существ не только собачьей головы, но и длинных пушистых хвостов несколько не смутило христианина. Он, не в пример многим другим авторам, признал за кинокефалами принадлежность к человеческой цивилизации и даже подчеркнул их «праведность»:

«Говорят, что в тех горах живут люди с собачьими головами. Одеваются они в шкуры диких зверей. Они не разговаривают, но воют, подобно псам, и так общаются. Клыки у них больше, чем у собак, а когти длиннее и острее; живут они в горах вплоть до реки Инд. Они черны и очень праведны, как и остальные индусы; они понимают речь индийцев, но не в состоянии разговаривать, а только воют и подают знаки руками и пальцами, словно глухонемые. Называют же их индийцы “калистры”, что по-гречески означает “собакоголовые”. Народ этот, между прочим, насчитывает сто двадцать тысяч человек. Эти кинокефалы не строят домов и живут в пещерах. Они с луком и стрелами охотятся на зверей и так проворны, что ловят их на ходу. Женщины моются только раз в месяц во время своего периода и ни в какое другое время. Мужчины же не моются, но ополаскивают руки; три раза в месяц они натираются маслом, взбитым из молока, и обтираются кожами. Все кинокефалы, и мужчины и женщины, носят одежду из стриженных шкур, как можно более тонко выделанных. Богатые носят льняную одежду. Но таких немного. У них нет кроватей, но они пользуются подстилками из листвы. Самыми богатыми считаются те, у кого больше овец; прочее же имущество одинаково распределено между всеми. У мужчин и у женщин сзади свисают хвосты, как у собак, но они более длинные и пушистые. Кинокефалы совокупаются со своими женщинами на четырех лапах, как собаки, сблизиться по-другому считается позором. Они праведны и живут дольше, чем люди, по сто шестьдесят два года, а некоторые из них и по две сотни лет».

Чтобы не возвращаться к этому виду мифозоев, авторы настоящей книги позволили себе привести в этой главе и сведения средневековых авторов.

Двумя веками после Фотия о кинокефалах писал Адам Бременский в своей книге «Деяния архиепископов Гамбургской церкви». Надо сказать, что ни к славному городу Гамбургу, ни к его архиепископам кинокефалы, судя по сообщению Адама, прямого отношения не имели. Но автор весьма подробно описывает не только те народы, которых гамбургские миссионеры уже обратили в христианство, но и тех, кого еще не коснулся свет истинного учения. Среди последних

оказались амазонки, жившие на берегах Балтийского моря. Именно от их связей с заезжими купцами, пленниками, а также чудовищами, «которые в этих землях не редкость», и рождались, по уверению Адама, кинокефалы. Интересно, что были они только мужского пола. Автор пишет об амазонках: «Когда же дело доходит до родов, то оказывается, что, если плод мужского пола, это циноцефал, а если женского, то совершенно особая женщина, которая будет жить вместе с другими такими же, презирая общение с мужчинами». О самих кинокефалах Адам сообщает, что «их часто берут в плен в России, а говорят они, мешая слова и лай».

Иоанн де Плано Карпини, глава первой европейской миссии, посланной к монголам папой Иннокентием IV в середине тринадцатого века, тоже сообщал о жившем в Центральной Азии, возможно в предгорьях Тянь-Шаня, народе, женщины которого имели обычный человеческий облик, а мужчины рождались даже не кинокефалами, а в полном смысле этого слова собаками. Кроме того, дипломат описывает «некую землю над Океаном», вероятно, Сибирь, где обитали чудовища, которые «имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо — как у собаки». Существа эти, по уверению Карпини, изъяснялись весьма странным способом. «...Два слова говорили они на человеческий лад, а при третьем лаяли, как собака, и таким образом в промежутке разговора они вставляли лай, но все же возвращались к своей мысли, и таким образом можно было понять, что они говорили».

Кинокефалы встречались на окраинах известных европейцам земель по крайней мере до самого конца пятнадцатого века. Одним из последних авторов, который их упоминает, был Христофор Колумб. В «Дневнике первого путешествия», прибыв на Кубу, он пишет о том, что «узнал также, что там имеются большие корабли и богатые товары, а земля эта лежит на юго-восток, а еще дальше живут одноглазые люди и люди с собачьими мордами, которые едят человеческое мясо; захватывая кого-нибудь в плен, они отрубают ему голову и детородные органы и высасывают из жил его кровь».

Особенно много замечательных — как вполне реальных, так и мифических — животных водилось в древние времена в Индии. Это не удивительно. С одной стороны, Индия еще со времен похода Александра Македонского была и грекам, и римлянам в достаточной мере известна. С другой стороны, побывали здесь в античные времена все-таки очень немногие, а уж географов или историков, которым довелось посетить столь отдаленные земли, и вовсе можно сосчитать по пальцам. Написать же о замечательных животных, обитавших на берегах Инда и Ганга, хотелось каждому (и авторы настоящей книги — не исключение). Впрочем, многих из этих животных трудно назвать в полной мере мифозоями. Например, воспетый Ктесием «*червь*», водившийся в водах Инда, скорее всего, имел прототипом какого-нибудь заурядного питона. Но в описании греческого врача (да еще и в пересказе Фотия) получилось достаточно примечательное существо:

«В реке Инд обитает червь, по виду напоминающий тех, что живут на смоковницах, длиной он около семи локтей; толщина же его такова, что десятилетний мальчик с трудом может обхватить этого червя. На верхней и нижней челюсти у него по зубу, ими он ловит добычу. В дневное время он укрывается в речном иле, ночью же выползает, и, если ему попадается какое-либо животное, будь то бык или верблюд, он хватает его и тащит в реку, где пожирает целиком, оставляя только чрево. Ловят его с помощью большого крюка на железной цепи, привязав к нему козленка или ягненка. После этого червя на тридцать дней подвешивают, предварительно подставив сосуды. За этот срок из него вытекает столько масла, что оно могло бы наполнить десять аттических чаш. По истечении тридцати дней червя выбрасывают, а масло доставляют царю индийцев, и только ему одному, ибо никому другому не дозволено брать ни капли. Это масло сжигает все, на что попадает, будь то дерево или животное. И невозможно ничем унять этот огонь, лишь только большим количеством глины, причем густой».

Подобных «червей», но только обитающих в водах Ганга описывает Солин. Он сообщает: «У этих червей два щупальца каждое семи локтей в длину. Червь этот настолько силен,

что мертвой хваткой вцепляется в хобот слона, пришедшего на водопой, и увлекает его в пучину».

В «Собрании достопамятных сведений» Солин уделил животным Индии небольшую главу. Он описывает гигантских змей, попугаев, единорога (так он, вероятно, называет носорога), угрей, достигающих трехсот футов (около 90 м) в длину... Солин пишет: «Водится здесь животное *зал*, похожее на лошадь. Хвост у него, как у слона, цвет черный, челюсти кабаньи. Рога у него больше локтя длиной, причем они подвижны, так что ими можно управлять в зависимости от избранной залом тактики боя. В бою зал один свой рог выдвигает вперед, а другой отодвигает назад, поэтому, если при ударе первый рог на что-нибудь наткнется, острие второго довершит дело. Его сравнивают с гиппопотамом: действительно, он очень любит плескаться в речной воде».

Не исключено, что прототипом зала тоже послужил носорог. Более загадочным животным выглядит описанная Солином *левкрокота*: «Левкрокота всех животных превосходит быстротой. Величиной она с дикого осла, круп — как у оленя, грудь и голени — как у льва, голова куницы, копыта раздвоенные, пасть разверста до самых ушей, вместо зубов — сплошная кость. Таков ее внешний вид, голосом же она подражает человеческой речи».

Но самым, наверное, интересным из мифозоев Индии, о которых рассказывается в книге Солина, была *мантикора* (некоторые называют ее мантихорой или мартихорой): «Водится здесь и зверь, называемый мантихора. У него три ряда зубов, которые при смыкании челюстей заходят друг за друга. У мантихоры человеческое лицо, глаза серые, схожее со львом тело кроваво-красного цвета, а хвост с жалом, словно у скорпиона. Он издает свист, напоминающий звучание согласно играющих свирелей и труб. Мантихора обожает человеческое мясо. Ноги у него так мощны, прыжок так далек, что его не может остановить никакое удаление, никакое препятствие».

О мантикоре писали очень многие античные авторы. Первым, чье воображение поразил этот замечательный зверь, был, вероятно, Ктесий — именно на него очень часто ссылаются более поздние авторы. И описания мантикоры у них —

и у Аристотеля, и у Плиния, и у Элиана — очень похожи на описание Ктесия. Правда, некоторые, наиболее скептически настроенные, авторы не рискнули повторить рассказ Ктесия о том, что мантикора «поднимает хвост и мечет свои жала подобно стрелам», но в остальном их сообщения почти совпадают. Сам же Ктесий, в пересказе все того же Фотия, сообщает об этом хищнике:

«Лицо его подобно человеческому. Это животное размером со льва, а цветом красное, как киноварь. У него три ряда зубов, уши как у человека. Хвост скорпионий, на его конце находится жало размером более локтя. По обеим сторонам хвоста расположены боковые жала, и, как у скорпиона, имеется жало и на голове. Итак, любого, кто к нему ни приблизится, он убивает своим смертоносным ядом. Если кто-либо издали угрожает ему, то это животное защищает себя и спереди — поднимает хвост и мечет свои жала подобно стрелам, — и сзади, вытянув хвост. Жала же его летят на расстояние одного плетра (более тридцати метров. — *О. И.*), и все, кого оно таким образом ранит, умирают, за исключением слонов. Жало мартихоры длиной около одного фута, а толщиной с тончайшую тростинку... Мартихора в переводе на греческий означает “антропофаг” (человекоядное), поскольку оно чаще всего убивает и пожирает людей; однако питается оно и другими живыми существами. Сражается мартихора и когтями, и при помощи жал. На месте тех жал, которыми оно выстрелило, вырастают новые. Эти животные многочисленны в Индии. Убивают же их, метая в них копья со спин слонов».

Эдвард Топселл, автор знаменитых бестиариев начала семнадцатого века, предположил, что мантикора Ктесия — это то самое существо, которое Авиценна зовет «марион», или «марикоморион». Топселл, ссылаясь на Авиценну, сообщает, что, когда индийцы ловят детенышей этого замечательного животного, они бьют их по заду и хвосту, с тем чтобы прекратить рост ядовитых жал. Только после этого зверей можно приручать без опасности для себя. Кроме того, Топселл высказывает неожиданное предположение, что мантикора и левкрокота — одно и то же животное. Впрочем, авторы настоящей книги не разделяют этой точки зрения.

Мифозои земные и райские

Если во времена поздней Античности мифические животные населяли в основном окраины Ойкумены, то с наступлением Средневековья многих из них стали видеть (и даже специально выводить) непосредственно в густонаселенных районах Европы. Конечно, в далеких и малоизученных землях по-прежнему во множестве обитали разнообразные диковинные существа; об этом свидетельствовали ученые, путешественники, а прежде всего — паломники и миссионеры, которые с благочестивыми целями отправлялись в неведомые края. Известен, например, документ пятого — шестого веков, озаглавленный «Жизнь, деяния и предивное сказание о святом отце нашем Макарии Римском, поселившемся у крайних пределов земли, никем не обитаемых». В нем, в частности, рассказывается о трех монахах, которые однажды решили совершить духовный подвиг, а именно: идти до тех пор, пока они не увидят, «где кончается небо, ибо говорят, что оно кончается у железного столпа». Монахи отправились в путь; места, где кончается небо, они не увидели, зато наблюдали много других диковин, в частности, посетили страну песиглавцев, а также слышали «скрежет зубовой аспидов, змей и ехидн,

ярящихся друг на друга, и буйволов, и василисков». Кроме того, они «видели единорогов, *онокентавров*, леопардов и всех прочих, сколько их есть на земле». Онокентаврами называются кентавры, у которых человеческий торс соединен не с конским, а с ослиным, — это большая редкость, и можно только позавидовать монахам, которым в их странствии открылись не только духовные радости, но и радости научного познания мира.

И все же теперь для изучения мифических животных не обязательно было отправляться туда, «где кончается небо». Наука не стояла на месте, и того же василиска можно было без особых проблем вырастить у себя дома. Позднее, в семнадцатом веке, Эдвард Топселл, отдавший немало сил исследованию мифических животных и обобщивший опыт своих предшественников, сообщил, что многие авторы, в том числе весьма высокоученые, считали, что *василиск* рождается из яйца, отложенного петухом. Старейший петух откладывает единственное яйцо без скорлупы, но покрытое очень толстой кожей, способной выдержать удар или падение. Яйцо это и формой, и цветом тоже отличается от обычного куриного яйца — оно не вытянутое, а круглое и обязательно рыжее или грязно-желтое. Откладывает его петух в самую жаркую пору лета, причем для получения полноценного василиска высиживать яйцо должна змея или жаба (некоторые авторы настаивают именно на жабе). По прошествии положенного времени из яйца появляется василиск, примерно в полфута длиной, нижняя часть у него, как у змеи, а верхняя, как у петуха.

Интересно, что василиски в принципе были способны к производству потомства, — у западных славян существовало поверье, что они откладывают яйца, из которых появляются на свет гадюки. Правда, обязательным условием для выхода гадюки из яйца было то, что на него должен наступить человек.

Вопреки сообщению Топселла на средневековых изображениях часто можно видеть василисков, имеющих не только голову (а иногда и крылья) петуха и хвост змеи, но и тело жабы. Возможно, разночтения вызваны тем, что жабе тело появлялось именно у василисков, высиженных жаба-

ми (почему некоторые естествоиспытатели и настаивали именно на таком варианте воспроизводства этих редких животных). Тогда вполне понятно, почему у василисков, описанных античными авторами, жабьих черт отмечено не было — ведь греки и римляне наблюдали василисков преимущественно в песчаных пустынях, где жабы достаточно редки.

В тринадцатом веке энциклопедист Бартоломей Английский в своем труде «О свойствах вещей», подчеркивая змеиную сущность василиска, назвал его «королем змей». Он именовал это существо кокатриксом (вероятно, производное от английского «cock» — петух), но сообщил, что греки называли его василиском, а римляне — регулом. Эти же имена позднее подтверждает и Топселл. Но, как бы ни называли замечательное животное, в течение многих веков сам факт его существования ни у кого сомнений не вызывал. Дело в том, что, когда Блаженный Иероним в пятом веке переводил Библию на латинский язык, он ошибочно назвал змей, упомянутых в Книге пророка Исаии, василисками — позднее эту ошибку исправили. Впрочем, в русском синодальном переводе Библии василиски упомянуты по крайней мере дважды: в Книге пророка Иеремии (VIII, 17) и в Псалмах (XC, 13)...

Но даже если считать эти упоминания поэтическими иносказаниями, существуют вполне достоверные сведения о василиске, который в девятом веке, в правление папы Льва IV, поселился в Риме в подвале часовни Святой Лючии. Топселл, опираясь на заслуживающие доверия источники, сообщает, что кокатрикс этот так отравил воздух в городе, что в Риме начался мор. Высказывалось мнение, что чудовище было послано Богом, чтобы наказать римлян за грехи. Но приближенные к папе святые отцы уничтожили зловонного кокатрикса — Топселл считает это подтверждением гипотезы о божественном происхождении животного. Авторам настоящей книги такое предположение представляется несколько странным, ибо святым отцам не следовало вступать в противоречие с Божественным промыслом, да и зверь, посланный Богом, не мог быть так просто уничтожен людьми, даже и близкими к папскому престолу. Впрочем, авто-

ры не сильны в богословии, и могут лишь отметить, что чудо это было зафиксировано и вошло в анналы.

В двенадцатом веке монах-бенедиктинец, известный как пресвитер Теофил, составил подробную инструкцию по выращиванию василисков для того, чтобы с их помощью превращать медь в золото. Конечно, занятие это было небезопасным, так как повышенная ядовитость животного и его способность убивать взглядом не способствовали разведению василисков в домашних условиях. Впрочем, от них существовал надежный способ защиты — василиск погибал, увидев себя в зеркале.

Разводили василисков и славяне. Простые крестьяне считали это достаточно опасным и поэтому остерегались держать в своем хозяйстве петухов старше семи лет, чтобы те ненароком не снесли яйцо, из которого может вылупиться диковинное животное. Но колдуны, умевшие обращаться с василисками, такие яйца собирали и искусственно высиживали — носили за пазухой или зарывали в навоз. Вылупившийся через шесть недель змей оказывался существом хотя и опасным, но не чуждым благодарности — он приносил своему хозяину серебро и золото. Происходя от петуха, василиск от него мог и погибнуть: он умирал, услышав кукареканье.

Другим животным, известным еще в Античности, но получившим широкое распространение в Средние века, была *саламандра*. У античных авторов саламандры упоминаются крайне редко. В «Истории животных» Аристотеля им посвящены несколько строк, но современные исследователи считают их позднейшей вставкой. Впрочем, так или иначе, вставка эта относится если и не ко времени жизни великого философа, то, во всяком случае, ко временам в достаточной мере отдаленным, чтобы стоило обратить на нее некоторое внимание. Тем более что здесь же упоминаются и другие, тоже весьма необычные, существа. В пятой книге «Истории» говорится, что на Кипре, при переработке медной руды, в плавильных печах «в огне возникают зверьки, по величине немногим крупнее, чем большие мухи». Они крылаты, причем огонь не причиняет им никакого вреда: они «прыга-

ют и ходят по огню». Автор сообщает, что зверьки эти умирают, если их «отделить от огня». «А что некоторым животным по их прочному составу возможно не сгорать в огне, это с очевидностью показывает саламандра: она, как утверждают, проходя по огню, гасит его».

О саламандрах, напоминающих по форме ящериц и покрытых пятнами, пишет Плиний в «Естественной истории». Он сообщает, что эти животные так холодны, что своим прикосновением гасят пламя. Он же пишет и об исключительной ядовитости саламандр: мясо животного, съевшего саламандру, становится отравой для человека (впрочем, опасность невелика, поскольку это мясо приобретает неприятный запах и вкус); ядовитыми становятся вода и вино, в которых утонула саламандра; более того, ей достаточно пригубить их, чтобы напитки стали опасными.

Исидор писал об этих животных: «Саламандра так названа, потому что противостоит огню. Ее яд из всех имеет наибольшую силу. Другие гады убивают по одному, а она сразу многих. Ведь если она проникнет на дерево и напитает плоды ядом, то убьет всех, кто их съест, и даже если в колодец упадет, сила ее яда убивает всех, кто выпьет воды из колодца. Она сопротивляется пламени, одна из всех животных лишает огонь силы. Поэтому она без страдания и вреда остается живой посреди огня и не только не сгорает, но и гасит пламя».

Блаженный Августин, доказывая способность человека существовать в адском пламени, приводит в пример саламандру. Он считает, что «если саламандра живет в огне, как пишут любознательные исследователи природы животных», то «нет ничего невероятного, если тела людей, осужденных на вечное мучение, будут сохранять душу и в огне, будут гореть, не сгорая, и страдать, не погибая».

Со столь же душеспасительными целями описывает саламандру и «Физиолог» — текст, созданный, предположительно в Александрии в период со второго по четвертый век н.э. Анонимный автор «Физиолога» рассматривает свойства и нравы разнообразных животных и делает из этих описаний самые поучительные для христиан выводы. О саламандре он, в частности, пишет: «...Когда влезает она в огнен-

ную печь, угасает вся печь, а когда влезает в банную печь, то угасает банную печь. И если ящерица саламандра гасит огонь своим естеством, то как до сих пор не верят некоторые, что три отрока, ввергнутые в печь, ничуть не пострадали, но напротив, остудили печь?» Признаться, авторам настоящей книги представляется несколько странным сравнение трех праведных отроков, брошенных в огненную печь за отказ поклониться идолам, с ядовитой ящерицей. Но, как уже говорилось, авторы не сильны в богословии. А стойкие отроки действительно не сгорели в огне «и ходили посреди пламени, воспевая Бога», в результате какого-то чуда сам нечестивый царь Навуходоносор склонился к единобожию.

Марко Поло писал, что саламандры сделаны из асбеста. Алхимики называли это существо символом философского камня. Парацельс, провозгласивший в шестнадцатом веке концепцию элементарей — созданий, состоящих полностью из одной из четырех стихий, — считал саламандру элементарью огня. Он допускал, что их можно видеть в форме огненных шаров, бегущих над полями или проникающих в дом.

Топселл, обобщив сведения более ранних авторов, сообщает, что саламандры имеют по четыре лапки, как и ящерицы, что они покрыты черными и желтыми пятнами и что вид их вселяет в людей страх. Впрочем, последнее сообщение опровергается таким заслуживающим уважения свидетелем, как великий скульптор Бенвенуто Челлини, которому довелось, вместе со своей семьей, без всякого страха наблюдать саламандру в очаге собственного дома.

Челлини писал, как однажды его отец сидел возле камина, в котором горело дубовое полено, играл на виоле и пел и вдруг увидел в огне саламандру (вероятно, привлеченную музыкой). Челлини-старший позвал своих детей (будущему скульптору было тогда около пяти лет) и показал им «маленькое существо, вроде ящерицы», резвившееся среди раскаленных углей. Потом предусмотрительный отец дал сыну увесистую пощечину и объяснил, что сделал это для того, чтобы тот навеки запомнил этот примечательный случай. А чтобы ребенок не обижался, он дал ему несколько монеток. Саламандра ли произвела на мальчика такое впечатление, пощечина или неожиданно полученные деньги,

но Челлини действительно не забыл редкостное зрелище и, став знаменитым скульптором, описал его в своей автобиографии.

Впрочем, разглядывание саламандр не всегда было безопасным занятием: у сербов считалось, что беременным женщинам нельзя смотреть на этих животных.

На Востоке саламандр использовали в хозяйственных целях. Персидский трактат «Чудеса мира», написанный в тринадцатом веке (но восходящий, вероятно, к десятому), сообщает:

«Саламандра живет и спит в огне, и огонь не сжигает ее. Из ее перьев шьют головные уборы для государей и делают фитили для светильников. Фитили держат в масле, и они горят. И сколько бы ты ни жег светильник, фитиль не сгорит. В Мекке я видел четыре шапки из перьев саламандры. Когда шапка становилась грязной, ее бросали в огонь, и она выходила из огня чистой».

Другим примечательным животным, широко известным в Европе по крайней мере до семнадцатого века включительно, был *единорог*. В древности он водился преимущественно на окраинах Ойкумены. Ктесий на рубеже пятого и четвертого веков до н. э. подробно описал индийских единорогов: «...В Индии обитают дикие ослы, размером с лошадой и даже больше. У них белое туловище, а голова красная, глаза же голубые. На лбу у них красуется рог, в один локоть длиной. На расстоянии восьми пальцев от своего основания рог имеет совершенно белый цвет, на острие он багряно-красный, остальная же, средняя, его часть — черная. Из этих рогов изготавливаются кубки. Говорят, что те, кто пьют из них, избавляются и от судорог, и от падучей; и даже яд не действует, если до его принятия или после выпить из такого кубка вина, воды или чего-нибудь другого».

Позднее Солин писал о животных Индии: «Но всех ужаснее единорог — чудовище, издающее страшный рев, с лошадиным телом, слоновьими ногами, свиным хвостом и головой оленя. Из середины его лба торчит сверкающий ослепительным блеском рог в четыре фута (примерно 1,2 метра. — *О. И.*) длиной. Он такой острый, что легко проты-

кает все, что ни попадается. Единорог не дается человеку в руки, так что его можно убить, но поймать нельзя».

Плиний описывает не только индийских, но и африканских единорогов, имеющих голову оленя, ноги слона, хвост кабана, общую форму лошади и прямой черный рог посреди лба в 2 локтя длиной.

Единороги встречались и в Европе — Цезарь пишет о них в своих «Записках о галльской войне»: «Здесь водится бык с видом оленя; у него на лбу между ушами выдается один рог, более высокий и прямой, чем у известных нам рогатых животных. В своей верхней части он широко разветвляется наподобие ладони и ветвей. У самки такое же сложение как у самца: ее рога имеют такую же форму и такую же величину».

Возможно, эти, европейские, единороги не обладали теми замечательными свойствами, которые были присущи индийской популяции. Во всяком случае, если бы их рога могли исцелять от судорог и падучей, Цезарь, страдавший эпилептическими припадками, непременно заинтересовался бы редкостным животным. Впрочем, не исключено, что будущий диктатор не был знаком с сочинениями Ктесия, а жители Галлии не пожелали провоцировать массовое истребление единорогов, каковое, безусловно, произошло бы, если бы римляне узнали о целебных свойствах их рогов.

Но предосторожность осмотрительных галлов помогла лишь ненадолго. Уже в александрийском «Физиологе» дается не только описание единорога, но и рекомендации по его поимке. В тексте книге о нем говорится: «...Небольшое животное, подобное козленку, молчалив и кроток весьма; и не может охотник приблизиться к нему из-за того, что сила его велика. Один рог имеет в середине головы его. Как же ловится? Девицу чистую бросают перед ним, животное устремляется к груди ее и сосет. И берут его к царю во дворец».

Других вариантов поимки единорога не существовало. Византийский купец Козьма Индикоплов, написавший в шестом веке богословско-космографический трактат «Христианская топография», сообщает, что единорог никогда не дается живым в руки охотников и, если ему грозит поимка, бросается в пропасть. Козьма был человеком весьма образованным; правда, Земля была в его представлении плоской

и прямоугольной, вытянутой с востока на запад и омываемой со всех сторон океаном. Но если отрешиться от этого, не слишком оригинального для тех времен, взгляда на географию, в книге Индикоплова есть немало ценных научных сведений — он объездил чуть не весь известный европейцам мир, в том числе Эфиопию и Индию, и с редкостными животными был знаком не понаслышке. На Руси бытовало немало списков его книги, обычно богато иллюстрированных; примерно до шестнадцатого века единорог в них нередко изображался как животное, по строению лап, головы и хвоста явно тяготеющее к семейству кошачьих.

Впрочем, на Руси вообще бытовало свое представление о единороге. Так, когда в шестнадцатом веке на древнерусский язык с немецкого было переведено энциклопедическое произведение «Луцидариус», переводчик дополнил описание этого замечательного зверя собственной вставкой «Единорог таковъ есть оутварию, яко лисица».

На Западе таких единорогов не знали — в тринадцатом веке их изображали похожими на медвежат с небольшим рогом, отогнутым назад. Единороги четырнадцатого века были похожи на оленей, только вместо копыт у них были раздельнопалые лапы. И лишь позднее это животное приобретает черты небольшой лошадки с витым рогом на лбу. Уже упомянутый «Луцидариус» сообщает, что рог этот был «светел иако карбункс камень». Живший в шестнадцатом веке греческий писатель и богослов Дамаскин Студит сообщает, что рог единорога «твердь иако железо. И правъ иако стрела, и черный». Студит также пишет, что у единорога желтая шерсть, хвост, как у вепря, и пасть, как у льва. Он любит одиночество; отбиваясь от охотников, наносит удары ногами. Самцов своего пола самец-единорог не переносит и, видя их, «свирипеет зело. Токмо к женскому полу тихии есть».

Отметим, что данные по поводу разнополости этих животных противоречивы. Имеются весьма веские свидетельства того, что единороги были существами однополыми и размножались вегетативно. О продолжительности жизни единорога и о способе его размножения, со ссылкой на русские азбуковники (толковые словари) шестнадцатого — семнадцатого веков сообщается в энциклопедии Брокгауза и Ефро-

на: «...Зверь подобен есть коню, страшен и непобедим, промеж ушию имать рог велик, тело его медяно, в розе имать всю силу. И внегда гоним, возбегнет на высоту и ввержет себя долу, без накости пребывает. Подружия себе не имать, живет 532 лета. И егда скидает свой рог вскрай моря и от него возрастает червь; а от того бывает зверь единорог. А старый зверь без рога бывает не силен, сиротеет и умирает».

Авторы настоящей книги истратили немало сил, пытаюсь выяснить, что такое «накость», без которой, согласно азбуковникам, пребывает единорог. Слова этого они в словарях не наши, но зато обнаружили глагол «накашивать», что может означать «намарать» или «нагадить». Далее мнения авторов разделились: один из них считал, что слово «накость» использовано в смысле сугубо телесном — единорог не производит физиологических выделений. Второй же автор полагал, что отсутствие пресловутой «накости» следует понимать скорее в духовном смысле — как праведность жизни, тем более что единорог и «подружия себе не имать». Вопрос этот так и остался открытым.

Христиане очень часто ассоциировали единорога с образом Христа. Был он связан и с образом Девы Марии, поскольку смирать его могли лишь девственницы. Еще во втором—третьем веке автор александрийского «Физиолога» предлагает: «Сравните это животное с образом Спаса, “ибо воздвиг рог в доме Давида, отца нашего”, и “рогом спасения стал нам”». Позднее государства, города и дворяне Европы охотно помещали единорогов на своих гербах, что нисколько не помешало массовому истреблению этих животных.

То ли европейцы начитались Ктесия, то ли они каким-то образом сами прознали о замечательных свойствах единорожьего рога, но только теперь им лечили разнообразные заболевания, очищали отравленную воду, спасали от ядов и от порчи и даже отбеливали зубы; из него вырезали кубки и навершия посохов, его измельчали и добавляли в лекарства... Торговля рогами процветала, особенно активно их ввозили в Центральную и Южную Европу из Скандинавских стран. Тот факт, что редкостное животное водилось одновременно в жаркой Индии и Скандинавии, вызывает некоторое удивление. Но этому существуют два объяснения: либо

в Европе обитал особый, приспособившийся к холодному климату, подвид этого замечательного животного (не случайно европейские единороги и внешне отличаются от описанных Солином и Плинием индийских и африканских), либо коварные норманны попросту сбывали своим покупателям клыки нарвала.

Джон Эштон со ссылкой на Топселла, который, в свою очередь, ссылается на немецкого путешественника Пауля Хенцнера, оставившего путевые заметки об Англии шестнадцатого века, сообщает, что в сокровищнице королевы Елизаветы I хранился рог единорога длиной восемь с половиной спэнов, что Эштон приравнивает к 62 футам (около 200 метров). Признаться, авторам настоящей книги, несмотря на то что речь идет о животном мифическом и во всех отношениях замечательном, эта цифра показалась несколько несоразмерной хотя бы потому, что для уравнивания такого рога понадобилась бы огромная голова, а единорог традиционно укладывал свою голову на колени девицам, да и «Физиолог» называет его «небольшим животным». Слово «спэн» имеет в английском языке несколько разных значений: и пядь, и размах рук, и ширина пролета моста... Как бы ни понимали его Топселл и Эштон, нам представляется, что Хенцнер имел в виду все-таки восемь с половиной пядей, что, впрочем, тоже немало и равно примерно двум метрам. Но какой бы длины ни был драгоценный рог, цена его в те времена равнялась 10 000 фунтам — в переводе на современные деньги это будет около двух миллионов евро.

Веком позже русский царь Алексей Михайлович согласился за три рога заплатить 10 тысяч рублей соболями и «мягкой рухлядью» — мехами. В тогдашних серебряных рублях это составляло около 260 килограммов (примерно 250 000 евро в ценах 2011 года).

Не все славяне верили в то, что единорог дожил до их дней; особо скептически были на этот счет украинцы — у них бытовало немало легенд о том, что единорог погиб еще во время Великого потопа: либо отказался садиться в ковчег, либо был изгнан из него за неподобающее поведение. Впрочем, на торговле рогами этот скептицизм не сказывался, так

как было известно, что рога потопом разнесены по всему миру и целебные свойства их с годами не изменились.

Кроме того, на Руси обитал свой подвид единорога, известный как «зверь *Индрик*». Он описан в «Голубиной книге» — русских духовных стихах, восходящих к пятнадцатому—шестнадцатому векам.

Уж и Индрик зверь всем зверьям мати:
 Что живет тот зверь во святой горы,
 Он и пьет и ест из святой горы,
 И он ходит зверь по подземелью,
 Яко солнышко по поднебесью.
 Когда Индрик зверь разыграется,
 Вся вселенная всколыбает,
 Куды звирь пройдет,
 Тута ключ кипит;
 Куда звирь тот поворотится,
 Все звири звирию поклоняются.

Несмотря на такие исключительные достоинства Индрика и поклонение ему других зверей, в некоторых вариантах «Голубиной книги» он, после битвы, сам покоряется льву. Кроме того, про Индрика известно, что он своим знаменитым рогом «прочищает все ручьи и проточкины, пропускает реки, кладязи студенья». Местами обитания Индрика часто называют горы Сион и Фавор (на территории нынешнего Израиля) или гору Афон (Греция). Но есть основания думать, что он во время своих миграций навещал Русь и даже Сибирь — некоторые исследователи, несмотря на разночтение в количестве рогов, отождествляют его с мамонтом.

Заметим попутно, что если Индрик в русской традиции был «всем зверьям мати», то такие же функции у рыб исполняла *кит-рыба*, на которой держался мир, а у птиц — гораздо менее понятная *Страфиль-птица*, которую, несмотря на все ее могущество, некоторые исследователи отождествляют с банальным страусом.

- Кит-рыба всем рыбам мать.
 — Пачаму кит-рыба всем рыбам мать?
 — Што на кити-рыбы основался весь белый свет,

Твержина, мать сыра земля,
 Мать сыра земля, вся всиленная.
 Страфиль-птица — всем птицам мать.
 — Пачаму Страфиль-птица — всем птицам мать?
 — Што живеть она на синем мори,
 Держить белый свет под правым крылом;
 Страфиль-птица вострипешитца, —
 Вся синия моря воскалыбаитса,
 Затапляить судны гостиныя
 Сы таварами сы заморскими,
 Сы теми людьми сы масковскими.

Другим животным, которое попало на Русь из Европы, был кентавр, претерпевший здесь немало чудесных метаморфоз. Одним из его воплощений стал *Китоврас*, который, впрочем, на Руси встречался преимущественно не в лесах и полях, а в апокрифических сказаниях, посвященных царю Соломону. Царь этот, согласно сказаниям, жил, как ему и положено, в Иерусалиме, поэтому Китоврас тоже обитал в Святой земле. Тем не менее он был существом в определенной мере славянского происхождения. Русские апокрифы о Соломоне были переведены (или пересказаны) либо с греческого, либо, как сегодня считают, с еврейского оригинала. Но и у греков, и у евреев знакомец выдающегося царя был демоном или же просто человеком. На Руси же он, по непонятному стечению обстоятельств, приобрел конский круп и даже крылья.

В «Сказании о том, как был взят Китоврас Соломоном» говорится, что царь не мог построить Иерусалимский храм без помощи мудрого животного. Для того чтобы поймать Китовраса, Соломон приказал налить мед и вино в колодцы, из которых тот пил. Животное опьянело, после чего «боярин» иудейского царя «крепко сковал его по шее, по рукам и по ногам». Приведенный к Соломону Китоврас дал ценные указания по строительству храма и проявил недюжинный дар пророчества — ему достаточно было взглянуть на человека, чтобы предвидеть его судьбу. Из уникальных особенностей животного можно отметить его стремление ходить только по прямой: «Нрав же его был такой. Не ходил он путем кривым, но — только прямым. И когда пришли в Иерусалим,

расчищали перед ним путь и дома рушили, ибо не ходил он в обход. И подошли к дому вдовы. И, выбежав, вдова закричала, умоляя Китовраса: “Господин, я вдова убогая. Не обижай меня!” Он же изогнулся около угла, не соступясь с пути, и сломал себе ребро».

Отмечает «Сказание» и феноменальную силу животного: «Однажды сказал Соломон Китоврасу: “Теперь я видел, что ваша сила — как и человеческая, и не больше нашей силы, но такая же”. И сказал ему Китоврас: “Царь, если хочешь увидеть, какая у меня сила, сними с меня цепи и дай мне свой перстень с руки, тогда увидишь мою силу”. Соломон же снял с него железную цепь и дал ему перстень. А тот проглотил перстень, простер крыло свое, размахнулся и ударил Соломона, и забросил его на край земли обетованной». Впрочем, «мудрецы и книжники» разыскали Соломона и вернули его в Иерусалим. Но с тех пор «всегда охватывал Соломона страх к Китоврасу по ночам. И царь соорудил ложе и повелел шестидесяти сильным юношам стоять кругом с мечами».

Созданное в четырнадцатом веке изображение Китовраса с человеческим торсом, конским крупом, пышным хвостом и длинными ангельскими крыльями можно и по сей день видеть в музее-заповеднике «Александровская слобода» (город Александровск), где он украшает южный вход Троицкого собора.

Другим славянским воплощением кентавра стал *Полкан*. Впрочем, Полканы на Руси бывали разные — у некоторых из них человеческий корпус был соединен с лошадиным, а у некоторых — с собачьим. Самый первый Полкан был, безусловно, наполовину собакой, причем итало-французского происхождения. Не позднее шестнадцатого века на Руси становится популярна итальянская рыцарская поэма «Французские короли», в которой в числе прочего рассказывается о приключениях некоего Бово д’Антоно. На русской почве герой превратился в Бову, а поэма — в «Повесть о Бове Королевиче». Другим героем поэмы был некто Pulicane, родившийся от связи знатной сеньоры и пса. В России он стал богатырем Полканом — излюбленным персонажем лубочных картинок. Поначалу его действительно изображали получеловеком-полупсом, что не мешало герою исправно

вступать в богатырские поединки, в которых он имел определенное преимущество перед противниками, поскольку действовал не только руками, но и хвостом. Сохранился изразец семнадцатого века, на котором Полкан, сражающийся с Бовой, использует хвост в качестве пращи для метания камней.

В конце восемнадцатого века Екатерина II издает указ о «вольных типографиях», и лубочные картинки становятся в России очень популярны. Теперь их издают массовыми тиражами, и Полкан начинает терять свои собачьи черты. Имя его напоминало слово «полуконь», и образованным издателям, знакомым с античной мифологией, богатырь, сражающийся с кентавром, казался понятнее (а быть может, и пристойнее), чем тот же богатырь, сражающийся с существом, который «от пся и жоны рожон есть...». Теперь Полкана все чаще изображают в виде обычного греческого кентавра. Иногда его человеческий корпус одет в славянскую кольчугу, а в руках он держит лук; иногда он сражается булавой или простой дубиной. Во всяком случае, Полкан на этом перевоплощении потерял возможность использовать в бою хвост, что, впрочем, не помешало его огромной популярности. Но вот само имя Полкан тем не менее прижилось именно у собак.

Известна на Руси и своя *медуза* — с ней произошел обратный случай, имя у нее сохранилось античное, а вот строение оказалось весьма оригинальным и не имеющим к славному семейству горгон никакого отношения. Существует лубочная картинка восемнадцатого века с подписью: «Рыба медуза в окияне-море живет близ эфиопской пучины». Изображенная здесь же медуза действительно имеет рыбе туловище, но хвост у нее змеиный, а лапы оканчиваются зубастыми пастями. Женская голова замечательной «рыбы» увенчана короной.

В традиции русской лубочной картинки вполне мифическим животным можно считать и *крокодила*. Известна отпечатанная в 1766 году гравюра на дереве, озаглавленная «Баба-Яга дерется с крокодилом». Баба-Яга здесь соответствует своему традиционному облику — это почтенная, хотя

и несколько воинственная, старушка с клюкой в руке и боевым топориком за поясом, едущая верхом на волке. Что же касается «крокодила», то это существо с длинной патриархальной бородой и толстыми ляжками. Оно сидит на ягодицах, согнув ноги в коленях, и его можно было бы посчитать гуманоидом, если бы не рыба морда и плотный собачий хвост. Вероятно, его можно ассоциировать с драконами-оборотнями, известными на Руси под именем змеев (Змей-Горыныч, Змей-Тугарин...). Но о драконах, в том числе и славянских, речь пойдет в соответствующей главе.

Впрочем, для русского человека, жившего в восемнадцатом веке, даже и обычный крокодил мог считаться существом неведомым и вполне мифическим. Быть может, еще более неведомым, чем верблюдопардус, или *камелопард*, о котором, по крайней мере, было известно, что это сочетание барса и верблюда. Об этом животном сообщал еще Исидор: «Верблюдобарс назван так, потому что, хотя, подобно барсу, он испещрен белыми пятнами, шеей скорее походит на коня, ноги у него бычьи, голова же верблюжья. Он водится в Эфиопии». Но позднее камелопард не ограничился Эфиопией и проник в геральдику. На Руси его происхождению было дано вполне рационалистическое объяснение: когда все звери собрались в одно место в ожидании единорога, они стали совокупляться друг с другом, невзирая на разницу видов. От связи верблюда и пардуса (так могли называть пантеру, леопарда или рысь) и произошел пресловутый камелопардус. Назван он был зверем лютым, но пригожим, а в геральдике символизировал отвагу и рвение.

Существовали на Руси и свои собственные мифические животные, не имеющие близких родственников в Европе и в странах Средиземноморья, — среди них можно отметить *Симаргла* (или Семаргла). Впрочем, о том, что это было за существо, доподлинно не известно. В 980 году, незадолго до принятия христианства, князь Владимир установил в Киеве нескольких идолов, среди которых был и Симаргл. «Повесть временных лет» сообщает: «И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми уса-

ми, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Смаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими». Но кровожадный Смаргл просуществовал в Киеве около десяти лет, после чего князь «повелел опрокинуть идола — одних изрубить, а других сжечь». Такая участь постигла и злосчастного Смаргла.

Если руководствоваться одной лишь летописью, то Смарглу, как богу, в настоящей книге места быть не должно. Но есть основания думать, что Смаргл был если и божеством, то низшим, зато, по мнению некоторых ученых, он имел облик крылатой собаки, что дает ему основания появиться на этих страницах. Польза от замечательного пса, по мнению академика Б. А. Рыбакова, была несомненной — он охранял посева. Существует версия, что он приходился дальним родственником персидскому Сенмурву — крылатой собаке, покрытой чешуей, что символизировало ее господство на земле, в воздухе и в воде. Славянский Смаргл непосредственно в воде, видимо, не господствовал, но его культ был связан с культом вил-русалок, имевших к воде некоторое отношение. Кстати, славянские русалки далеко не всегда жили в реках, и только некоторые их локальные популяции имели рыбы хвосты. Чаще у них был облик обычных девушек или женщин, иногда прекрасных, а порой и уродливых. Одна из разновидностей русалок называлась «вилы» — эти девушки могли иметь птичьи крылья и часто ведали тучами, дождями и туманами. Смаргл, как покровитель посевов, имел с вилами самую тесную связь...

Впрочем, все сказанное выше об этом примечательном животном — лишь допущение. Существует достаточно основательная версия о том, что никакого Смаргла на Руси не существовало и на свет он появился лишь благодаря ошибке переписчиков. Например, в древнерусском тексте «Слово Христороубца», известном по списку четырнадцатого века, говорится, что на Руси «веруют в Перуна, и в Хорса, и в Мокошь, и в Сима, и в Рьгла...», — здесь Смаргл превратился в двух загадочных богов, Сима и Рьгла. Кроме того, разные источники упоминают Смарьгла, Семаргла,

Сима Ръгла, Сима Регла, Симаергля, Simaergla и т. п. Известный исследователь русского фольклора А. С. Фаминцын еще в девятнадцатом веке предположил, что когда-то древний переписчик по ошибке заменил в слове «Ерыло» букву «ы» двумя буквами «ьг», после чего его растерянные последователи стали исправлять ошибку каждый по своему разумению; на самом же деле имелся в виду некий Сим Ерыло, известный нам сегодня как Ярыло — славянское божество или персонаж, связанный с плодородием. Что же касается загадочного слова Сим, то некоторые исследователи считают, что оно переводится как «гений», «полубог», а в многочисленных изображениях «крылатого пса» видят одну из разновидностей одноглавых драконов — в существовании на Руси таких драконов, во всяком случае, сомневаться не приходится.

Присутствует в русском бестиарии и еще одно существо, которое, по мнению исследователей, появилось на свет благодаря небрежному писцу. Это — замечательная райская птица *Алконост*. Впрочем, нельзя сказать, что до появления на Руси письменности и неизбежно связанных с ней ошибок птицы этой не существовало вовсе. Птица была, но называлась она зимородок, а по-гречески — алкион. Происхождение ее подробно описано у Овидия: Алкиона, жена фессалийского царя Кеика, увидев в штормовом море тело утонувшего мужа, кинулась в воду и превратилась в зимородка. Видя такую любовь, сердобольные античные боги оживили ее супруга.

В птиц превратились они; меж ними такой же осталась,
Року покорна, любовь; у птиц не расторгся их прежний
Брачный союз: сочетают тела и детей производят.

Поскольку Алкиона была дочерью бога ветров Эола, отец обеспечил ей благоприятный режим для высживания птенцов:

Зимней порою семь дней безмятежных сидит Алкиона
Смирно на яйцах в гнезде, над волнами витающем моря.
По морю путь безопасен тогда: сторожит свои ветры,
Не выпуская, Эол, предоставивши море внучатам.

Греки считали, что Алкиона сидит на яйцах в течение двух недель — по неделе до и после зимнего солнцестояния — и что в это время на море устанавливается тихая погода. Аристотель в «Истории животных» писал: «Зимородок порождает во время зимнего поворота, потому и зовутся (когда поворот происходит при спокойной погоде) семь дней до поворота и семь после “зимородковыми днями”».

Естественно, что птица, имевшая столь замечательное происхождение и столь высокое покровительство, причем птица, способствующая безопасности мореплавания, упоминалась многими авторами. Сообщил о ней в своем «Шестодневе» — своего рода энциклопедии — и болгарский писатель десятого века Иоанн Экзарх. Книга его попала на Русь, здесь ее стали копировать, и в дошедшем до нас списке тринадцатого века, в предложении «Алкионъ есть птица морская», первые два слова написали слитно. Так родилась замечательная птица «Алконост».

Со временем привычки ее изменились. В азбуковнике семнадцатого века уже сообщается, что, почувствовав скорое вылупление птенцов, Алконост «взимает въ яйцах чада своя и носит на среду моря и пушает во глубину», после чего «алконостова яйца излупятся в воде, во глубине, вышед же, познают родителя своя...». Особая ценность яиц Алконоста заключалась в том, что они не портились, поэтому их вешали в церквях под паникадиллом.

Постепенно произошла миграция алконостов с морского побережья в окрестности рая и в сам рай. Кроме того, претерпел изменение и их внешний вид. Теперь у Алконоста имелась женская голова и женские же руки, в которых нередко был зажат свиток с душеспасительными изречениями. Существует, например, изображение Алконоста со свитком следующего содержания: «Праведницы во веки живут и от Господа мзда им и попечение их пред Вышним сего ради примут». Очень любимо это животное было у старообрядцев. Первое известное изображение Алконоста встречается в книжной миниатюре XII века, но подлинный расцвет популярности этой замечательной птицы относится к восемнадцатому — девятнадцатому векам, времени расцвета лубочных картинок. Как правило, картинки изобра-

жают Алконоста в раю, а сопроводительный текст разъясняет подробности его образа жизни:

Птица райская алконость:
 Близ рая пребываеть.
 Некогда и на Ефрате реце бываеть.
 Егда же в пении гласъ испущаеть
 тогда и сама себе неощущаеть.
 А кто во близости ея будеть,
 той все в мире семь позабудеть.
 Тогда умъ от него отходить и душа его ис тела исходить.
 Таковыми песньми святыхъ оутешаеть
 и будущую им радость возвешаеть.
 И многая благая темъ сказуеть
 то и яве перстомъ оуказуеть.

Алконост тесно связан с другой замечательной райской птицей — *Сирином*; они во многом были похожи. Птица Сирин тоже обитала в раю и обычно сидела на дереве познания добра и зла, — по крайней мере, лубки изображают это дерево усыпанным яблоками. История этой птицы также уходит корнями в глубокую Античность — ее предками были *сирены*, те самые, которые заманивали мореходов своим пением. Впрочем, как мы уже писали, ко временам Платона сирены осознали порочность своей прежней жизни и переселились в небесные сферы, где продолжали петь, но уже без всякого вреда для людей, во благо гармонии космоса. Наиболее вероятным представляется, что именно эти существа и стали предками славянских райских Сиринов.

Хотя надо отметить, что раскаялись далеко не все сирены, — некоторые из них, изменившись физически, сохранили нравы, идущие из ранней Античности: в Средние века в Европе появились существа с тем же названием и теми же повадками. Верхняя часть туловища у них была женская, а нижняя напоминала рыбий хвост. Позднее они получили название *русалок*, но слово «сирены» применительно к ним и до сих пор бытует в некоторых языках. Но именно в славянском раю обитали и существа, сохранившие физическую преемственность с античными сиренами и сочетающие черты женщин и птиц. Правда, с некоторыми из них на Руси

произошла странная метаморфоза — теперь это были жены, которые «от пояса до верху обличие лица струсова имут, струс бо птица и пером красна... а от полу к ногам женский стан».

Но главной наследницей платоновских сирен, певших на небесных сферах, стала, конечно же, райская птица Сириин. По своему строению она полностью совпадала с античными сиренами — имела женскую голову, птичье туловище (на котором могли быть обозначены женские груди), птичьи крылья, лапы и хвост. Протопоп Аввакум называл Сирина «краснопеснивой» птицей, он сообщал, что она обитает «к востоку близ рая, во аравитских странах, в райских селениях живет и, егда излетает из рая, поет песни красныя и зело неизреченны и невместимую человеку уму; егда же обрящет ея человек и она узрит его, тогда и паче прилагает сладость пения своего. Человек же слышавше забывает от радости вся видимая и настоящая века сего и вне бывает себя, мнози же и умирают слушавше, шествуя по ней, понеже красно и сладко пение, и есть не захочет горюю, от желания своего».

Авторам настоящей книги не вполне понятно, почему райская птица, по сообщению Аввакума, ведет себя примерно так же злокозненно, как и сугубо языческие сирены. Но примерно то же самое сообщают о ней и азбуковники, и многочисленные лубочные картинки: люди, услышавшие пение Сирина, забывают все на свете и «отходити в пустыня по ней в горах заблуждышу умирати». Для того чтобы избежать столь печального конца, птицу Сириин рекомендовалось отпугивать любыми громкими звуками — известно, что она очень боится шума. На одном из старообрядческих лубков представлен развернутый сюжет: сначала человек слушает пение Сирина, а потом он же лежит мертвым. Тут же изображены и люди более предусмотрительные: они стреляют из ружей и пушек, бьют в барабаны, трубят в трубы и бьют в колокола, стараясь изгнать вестницу рая куда-нибудь подальше.

Впрочем, некоторые лубки делают акцент на иных качествах замечательной птицы: «Птица райская Сириин, в пении глас ея зело силен. На востоке во едемском раю пребывает, непрестанно красно воспевает, праведным будущую радость возвещает».

Сегодня у многих людей, в том числе и у некоторых исследователей, сложилось устойчивое представление о том, что Сирин — это птица радости, в отличие от Алконоста, который, несмотря на свое пребывание в раю, преимущественно поет песни печали. Кандидат искусствоведения Е. И. Иткина, изучившая проблему радости и печали у райских птиц, считает, что представление это не соответствует действительности и распространилось уже в двадцатом веке — оно навеяно картиной В. М. Васнецова «Сирин и Алконост. Песня радости и печали». Картина была создана в 1896 году и, по мнению исследовательницы, является первым образцом «противопоставления символики Сирина и Алконоста», а значит, «можно считать, что оно пошло не от народного, а от профессионального искусства...».

Вероятно, птица Алконост была как по своим функциям, так и по степени жизнелюбия близка птице Сирин, и главное отличие между пернатыми состояло в том, что Алконост являлась более «гуманоидной» — на многочисленных изображениях она обычно показана с руками. У Сирина, в отличие от Алконоста, рук, как правило, не было. Кроме того, хотя это и не вяжется с райским имиджем Сирина, сохранились его немногочисленные изображения со змеиным хвостом или же с острым хвостом, напоминающим гусиный, и перепончатыми лапами.

Третьей знаменитой птицей славянского рая была птица *Гамаюн*. Она приходилась родственницей персидской птице Хума (древнеиранская Хумайя), которая в Средние века была популярна в Иране, а позднее и в Турции. На Востоке это была птица радости, имевшая женскую голову и грудь. Несомненная принадлежность к слабому полу не помешала замечательной птице стать частью титулов многих восточных властителей, которые именовали себя «подражателями Гамаюна». Вернее, так они именовались в русскоязычной дипломатической переписке, — вероятно, сами они называли себя «подражателями Хумы». Известна, например, грамота, которую Иван Грозный отправил «Гамаюна подражателю Селим салтану, государю константинопольскому...».

Несмотря на то что Гамаюну уподоблялись «неверные», с точки зрения христиан, властители, птица эта устойчиво

обитала именно в христианском раю. В одной из русских космографий (так назывались тексты, посвященные описанию мира) шестнадцатого или начала семнадцатого века упоминались «райския птицы Гамаюн и Финиксъ», залетавшие на расположенный на Дальнем Востоке, «близь блаженнаго рая», остров Макарицкий. Подробностей о жизни замечательных птиц автор космографии не сообщает, ограничившись упоминанием, что они «благоухания износят чюдная».

Известно, что персидская птица Хума никогда не садится отдохнуть — она всю жизнь летает, причем на такой высоте, что ее не видно с поверхности земли. По этому поводу в некоторых восточных сказаниях выдвигалось предположение, что у Хумы нет ног. Не было ног и у славянской птицы Гамаюн; более того, заслуживающие уважение авторы сообщают, что у нее нет и крыльев и она летает исключительно посредством хвоста. В «Книге Естествословной», приписываемой российскому ученому и дипломату Николаю Спафарию, жившему в семнадцатом — начале восемнадцатого века, об этой птице говорится, что она «величеством поболее врабья, хвостъ имать семи пядей, ногу и крыль у себе неимати, обаче выну непрестанно по воздуху хвостомъ своимъ летаетъ, и никогда почиваетъ, цветже перия ея велми прекрасенъ есть, и пожелатенъ видению человеческому...».

Птица Гамаюн украсила собой гербы нескольких российских населенных пунктов, но изображать ее без ног и уж тем более без крыльев художники-геральдисты, как правило, не рисковали. На гербе Смоленска (рисунок которого неоднократно менялся) ноги у птицы то есть, то нет, но крылья присутствуют обязательно. Гамаюн сидит на стволе пушки, и это не случайно. Несмотря на райскую принадлежность замечательной птицы, ее именем в России по крайней мере дважды называли артиллерийские орудия. В актах Московского уезда семнадцатого века числилась полковая пищаль «гамаюнь... весом 25 пуд 30 гривенокъ на турецкомъ стану». Известна и другая пищаль, с тем же названием и с изображением птицы Гамаюн, но другого веса (102 пуда), отлитая в 1690 году и хранившаяся в Московском Кремле.

Гамаюн считалась вещей птицей. Этим своим прозвищем она была, вероятно, обязана уже упоминавшейся «Книге Естествословной», в которой на сей счет про нее сказано: «...а егдаже падеть на землю, тогда падениемъ своим провозвещаетъ смерть царей или королей, или коего князя самодержавна». Поскольку вестники печальных событий никогда и нигде не пользовались популярностью, то и птица Гамаюн в популярности сильно проигрывала и Сирину, и Алконосту, — например, ее не было принято изображать на лубочных картинках.

И наконец, говоря о замечательных славянских птицах, нельзя не упомянуть *Жар-птицу* — существо, в отличие от ранее описанных, не райское, но зато очень красивое и популярное.

Отметим попутно, что подобные птицы водились не только на Руси. Действительно, в индийской мифологии известен «обладающий огромным телом» Гаруда, «сверкающий, как масса огня, и наводящий ужас». «Махабхарата» называет Гаруду «владыкой птиц», к которому другие пернатые обращаются со следующими словами: «Ты видом кудрявый, ты благочестив и не опечален духом; ты блажен, ты непреодолим... Превосходнейший, ты освещаешь, как солнце, своими лучами, все, что движется и неподвижно. Затмевая поминутно блеск солнца, ты являешься разрушителем всего существующего... Как солнце, разгневавшись, может сжечь все твари, так и ты, сияющий как пожиратель жертв, сжигаешь все...»

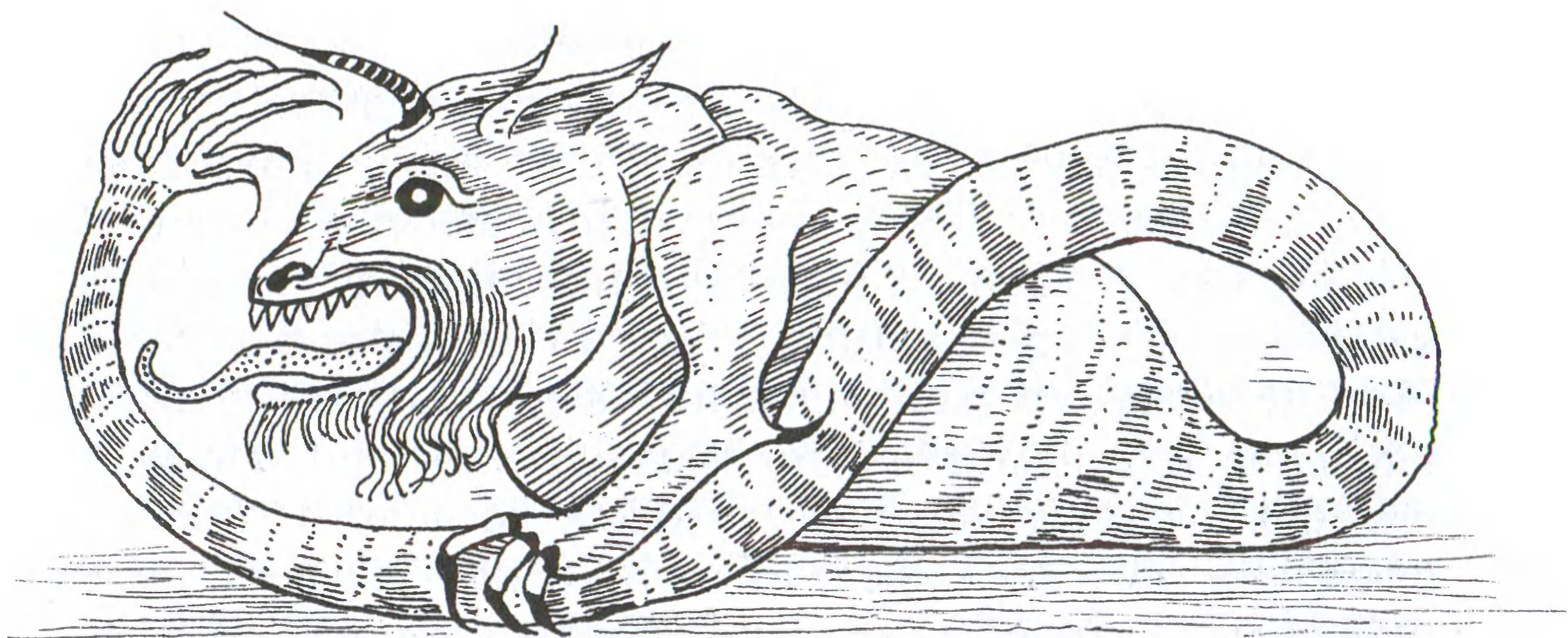
У чехов и словаков имелась пламенная птица Огнивак, которая, кстати, исцеляла болезни. Немцы знали свою «золотую» птицу; еще Солин писал: «В Герцинском лесу водятся птицы, оперение которых светится в темноте и дает свет, разгоняющий царящую в чаще ночь. Поэтому местные жители стараются так направить свои ночные вылазки, чтобы можно было ориентироваться при этом свете. Также они отыскивают дорогу, бросая сверкающие перья во тьму впереди себя». Позднее о птицах этого леса, которые, «летя впереди, освещают идущему путь и сиянием блистающих крыл указывают дорогу», сообщал Исидор.

На Руси Жар-птица появилась сравнительно поздно; первые письменные свидетельства о ее существовании относятся к началу восемнадцатого века — именно тогда была издана лубочная «Сказка о Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке». Впрочем, устные предания о Жар-птице, вероятно, бытовали и раньше. А в девятнадцатом веке знаменитый исследователь фольклора А. Н. Афанасьев собрал немало информации об этом редкостном пернатом. Жар-птица, в отличие от птиц Сирина, Алконоста и Гамаюна, женской головой не отличалась, а имела обычную, птичью — об этом свидетельствуют и ее изображения, и упомянутый А. Н. Афанасьевым клюв. Исследователь пишет:

«Перья Жар-птицы блистают серебром и золотом, глаза светятся как кристалл, а сидит она в золотой клетке. В глубокую полночь прилетает она в сад и освещает его собою так ярко, как тысячи зажженных огней; одно перо из ее хвоста, внесенное в темную комнату, может заменить самое богатое освещение; такому перу, говорит сказка, цена ни мало ни много — побольше целого царства, а самой птице и цены нет! Она питается золотыми яблоками, дающими вечную молодость, красоту и бессмертие и по значению своему совершенно тождественными с живою водою... Когда поет Жар-птица, из ее раскрытого клюва сыплются перлы...»

Но, несмотря на то что сама Жар-птица — существо, вполне благорасположенное к людям, перья ее могут доставлять им много неприятностей. Недаром в записанной А. Н. Афанасьевым сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» богатырский конь сказал своему хозяину, нашедшему такое перо: «Не бери золотого пера; возьмешь — горе узнаешь!» Стрелец-молодец не внял мудрому животному, после чего ему не раз пришлось каяться: «Ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы? Зачем коня не послушался?» Впрочем, после многих испытаний дело кончилось женитьбой на Василисе-царевне и венчанием на царство, так что в конечном итоге находка пошла своевольному стрельцу на пользу.

У кельтов и норманнов

Среди мифозоев Европы отдельную группу составляют животные, обитавшие на островах Великобритании и Ирландия. Кроме того, многочисленные ирландские путешественники древности встречали немало замечательных существ во время своих плаваний по северным морям. Многие из этих существ населяли маленькие острова, которые трудно сопоставить с современной географической картой. Тем ценнее свидетельства древних мореходов, описавших и сами острова, и их уникальную фауну, а также тех животных, которых им довелось встретить в открытом море.

Совершенно исключительное чудовище, напоминающее давно ушедших в небытие потомков греческой Геи, повстречалось в море целой группе знаменитых ирландцев, среди которых были святой Аббан, святой епископ Ибар и святой Патрик. Случилось это в пятом веке, причем у самых берегов Ирландии. Когда благочестивые мужи плыли мимо Лох-Гармана, перед ними из пучины появился «ужасный и чудовищный зверь со ста головами, на каждой из которых было по два глаза и два уха, и вздымались они до самых облаков, а из пасти той головы зверя, которая была больше других, на облака извергалась вода». Опасность, которой подверга-

лись мореплаватели, усугублялась тем, что на море поднялась страшная буря. Епископ Ибар и святой Патрик стали молиться, что же касается святого Аббана, то он «из смирения сохранял молчание». Вскоре выяснилось, что молчал он зря, ибо молитвы высокочтимых святых не помогли, с небес же раздался глас, сообщивший, что именно Аббану надлежит усмирить и бурю, и чудовище, что тот и исполнил.

Столетием позже некто Кормака, тоже весьма праведный муж, который «не менее трех раз отправлялся искать по Океану место своего отшельничества», повстречал в море животных не столь величественных, но почти столь же опасных. Во время третьего плавания Кормака южный ветер в течение четырнадцати суток гнал его судно «по направлению прямо к северному пределу неба». После того как мореплаватели «пресекли пределы, дозволенные людям», на их судно напали «безобразные и невероятно свирепые зверушки, кишмя кишашие в море». По свидетельству самих мореплавателей, «оныя твари были размером с лягушку, жалили очень больно, однако летать по воздуху не могли и плавали по морю, жаля кисти опущенных в воду рук». Можно было бы подумать, что судно паломников попросту попало в стаю медуз, но оказалось, что Кормаку и его спутникам грозила гораздо более серьезная опасность. Неведомые зверушки стали кусать днище и борта корабля (по ирландской традиции — кожаные, натянутые на деревянный каркас), «причем делали это столь свирепо, что казалось, будто они могут проникнуть сквозь кожаную обшивку судна». Гибель казалась неминуемой, но оставшиеся на берегу ирландские монахи, под предводительством святого Колумбана, почувствовали, что их братья в опасности, ударили в колокол и вознесли молитвы о спасении странников. После этого ветер переменялся, и к посрамлению хищных зверушек корабль отплыл в безопасные воды.

Примерно в те же годы два ученика святого Колумбана совершили большое морское путешествие и наблюдали замечательных животных на островах северных морей. Надо особо отметить, что во время этого путешествия клирикам довелось пережить и еще одно, совершенно особенное, приключение: души их были временно разлучены с телами,

«чтобы узреть Небеса и Преисподнюю». Естественно, что и на Небесах, и в особенности в Преисподней монахи повидали множество как райских, так и демонических существ, но, поскольку материальность оных существ, встреченных во время духовных странствий, является вопросом спорным, авторы не сочли возможным включить их в настоящую книгу и ограничились лишь теми замечательными животными, которых монахи встретили во время странствий сугубо физических. Среди них можно назвать обитателей одного из островов, у которых были «человеческие тела и кошачьи головы»; населявших другой остров «огромных уродливых людей с лошадиными гривами, собачьими головами и человеческими телами»; и, наконец, жителей третьего острова — «ужасных людей с головами свиней и человеческими телами». Впрочем, вопрос о том, можно ли отнести этих последних к «животным», остается спорным, ибо они, несмотря на свиные головы, обладали несомненным человеческим разумом и сообщили испуганным клирикам, что происходят из рода Каина.

Одним из наиболее подробных отчетов о дальних морских путешествиях ирландцев было «Плавание святого Брендана». Этот замечательный (и вполне исторический) святой жил в шестом веке и немало поездил по свету с богоугодными целями. Рассказ о его странствиях неоднократно переписывался, древнейшая дошедшая до наших дней рукопись датируется десятым веком, но, судя по орфографии, это копия с более раннего оригинала. Таким образом, не исключено, что текст этот восходит если не к самому Брендану, то к людям, которые записали его непосредственно со слов святого, а следовательно, и сомневаться в аутентичности информации не приходится.

Самым, наверное, примечательным существом, с которыми довелось встретиться святому Брендану и сопровождающим его монахам, была рыба такой величины, что мореплаватели приняли ее за остров. Ошибиться было тем легче, что поверхность рыбы оказалась «весьма камениста» и на ней даже росли деревья. Единственным, что отличало рыбу от обычного острова, было отсутствие песка и травы. Монахи пришвартовались к берегу, разожгли на нем костер и даже

поставили на огонь котелок, дабы справить ночь перед Пасхой, после чего «остров начал двигаться, словно колеблемый волнами». Испуганные монахи вернулись на корабль и отплыли прочь, бросив стоящий на огне котелок, после чего святой Брендан успокоил их и разъяснил ситуацию: «Сыновья, не надо пугаться... То, на чем мы были, — это не остров, а рыба. Самое большое из всех существ в Океане. Она постоянно пытается достать своим носом до хвоста, но не может из-за огромной длины. А имя ей *Ясконтий*».

Объяснение это полностью удовлетворило монахов, которые не стали допытываться, зачем рыба совершает столь странные и бесцельные попытки. Более того, когда они из заслуживающих доверия источников узнали, что на спине уникального животного им предстоит провести следующую пасхальную ночь, монахи не испугались и по прошествии года вернулись на прежнее место. Ясконтий никуда не уплыл, и даже котелок на его спине стоял, как и прежде. С тех пор и далее, во все семь лет своих странствий, святой Брендан и его товарищи встречали Пасху на спине редкостной рыбы.

Довелось монахам увидеть и других замечательных животных. Так, на островах (настоящих) они наблюдали овец, «которые были крупнее быков», и птиц, поющих псалмы (этих птиц, пожалуй, нельзя отнести к царству животных, поскольку по происхождению они были падшими ангелами). В открытом море им довелось видеть рыбу, извергавшую из ноздрей пену, и столь крупную, что она намеревалась проглотить их корабль (но на счастье монахов и по их молитве она была растерзана другой рыбой, не менее крупной и извергавшей пламя). Угрожал паломникам и гриф такого размера, что представлял серьезную опасность даже для большой группы мужчин, — впрочем, он тоже был побежден себе подобным, но благочестиво настроенным пернатым.

Дальнее плавание с посещением множества небольших островов совершил не позднее седьмого века некто Майль-Дуйн. Правда, он преследовал не столь душеспасительные цели, как предшествующие мореплаватели, — юный ирландец стремился найти убийцу своего отца и, отправляясь в путь, советовался не со священником, а с друидом. Тем не менее плавание Майль-Дуйна и его спутников сопровожда-

лось не меньшим количеством чудес, а на многих островах они видели волшебных животных, которые ничем не уступали ранее описанным.

Так, на одном из островов Майль-Дуйн наблюдал «громадную стаю муравьев, величиной с жеребенка каждый». Чудовищные насекомые хотели съесть путников вместе с кораблем, но те успели вовремя отчалить от берега. На другом острове ирландцам встретились птицы столь огромные, что они показались им опасными для жизни. И уж безусловную опасность представляло животное, «похожее на коня», имевшее «лапы как у пса», но «с твердыми и острыми копытами». Увидев мореплавателей, зверь «проявил большую радость, ибо он хотел съесть их вместе с кораблем», но надежды его не оправдались. Еще более опасен оказался сторожевой кот, встреченный путниками в пустом замке на очередном острове. Кот был невелик по размеру, но он обратил в пепел нечестивца, попытавшегося украсть золотое ожерелье. Сделал он это без помощи каких бы то ни было горючих материалов, используя собственное тело, уподобившееся «огненной стреле».

Другой весьма опасный зверь обнаружился Майль-Дуйном и его спутниками на дне моря. Море это было не вполне обычное — оно напоминало облако, вода казалась «рыхлой» и мореплаватели даже боялись, что она не выдержит их корабль. Опасения эти, впрочем, оказались напрасными, зато исключительная прозрачность воды позволила ирландцам наблюдать очередное чудовище. Огромный зверь сидел на дереве, растущем прямо на морском дне, и следил за пастухами, которые пасли свои стада, нимало не смущаясь тем, что находятся под водой. Потом зверь, «не слезая с дерева, вытянул шею, достал головой до спины ближайшего быка, втащил его к себе на дерево и пожрал в одно мгновение». Конечно, анализируя этот случай, нельзя не сделать скидку на то, что бык, находясь в воде, практически ничего не весит. Но тем не менее чудовище, которое смогло втащить его на дерево даже и в таких, облегченных, условиях, должно представляться невероятно огромным и мощным.

Но самым удивительным животным, с точки зрения авторов настоящей книги, был зверь, обитавший на острове

с каменной оградой. Когда корабль Майль-Дуйна приблизился к берегу, животное это стало бегать по периметру острова «быстрее ветра». Потом зверь «устремился на самое высокое место острова и стал там, вытянувшись, головой вниз, ногами вверх». При этом он совершал весьма необычные для любого существа действия: «он то вращался сам внутри своей кожи, то есть его тело и кости вращались, а кожа оставалась неподвижной; то, наоборот, кожа его вращалась снаружи как мельница, в то время как тело и кости его оставались неподвижными». Завершив эти гимнастические упражнения, зверь снова принялся описывать круги по периметру острова. «Затем он возвратился на прежнее место и стал делать то же самое, но так, что теперь нижняя половина кожи оставалась неподвижной, а верхняя вращалась как мельничный жернов. Таким упражнениям предавался он всякий раз в промежутке между бегом по острову». Надо отметить, что зверь этот не ограничился гимнастикой, но, заметив наблюдателей, «помчался к берегу, чтобы схватить их», когда же мореплаватели спешно отчалили, принялся швырять в них камнями. Сага не разъясняет, как были устроены лапы у редкостного животного, но, судя по всему, они были прекрасно приспособлены для бросков: один камень «попал в корабль, пробил насквозь щит Майль-Дуйна и упал на корму...».

В омывающих Северную Европу морях и на разбросанных по этим морям мелких островах, безусловно, водилось, да и по сей день может водиться множество замечательных мифозоев. Но огромное количество самых удивительных существ можно встретить и непосредственно на больших островах — Британии и Ирландии. Интересным отличием этих животных от континентальных является то, что они очень часто привязаны к конкретной местности. Если, например, про единорогов мы знаем, что они водятся «вообще в Индии» или «вообще в Европе», если славянские птицы Сирин и Алконост пребывают в некоем не вполне географически локализуемом раю, то о многих ирландских, шотландских, валлийских мифозоях мы совершенно точно можем сказать, в какой именно местности, долине, реке, озере они обитали или же обитают до сих пор.

Например, чудовище под именем *Афанк* (или *Аванк*) некогда жило в омуте Лин-ир-Афанк на реке Конви в Северном Уэльсе. По поводу его внешнего вида имелись некоторые разногласия: в основном очевидцы сходились в том, что это был огромный бобер, но некоторые утверждали, что оно напоминает крокодила. Эти разногласия тем более удивительны, что Афанк был пойман на суше, причем при большом стечении народа. Впрочем, произошло это достаточно давно, поскольку информация о его поимке была опубликована еще в семнадцатом веке. Злокозненный Афанк утаскивал в омут людей и животных, и его было решено поймать по тому же методу, каким в Средние века ловили единорогов. На берег омута была отправлена девственница, которая выманила и усыпила чудовище, положив его голову себе на колени. Афанк в точности повторил действия единорога в аналогичной ситуации — засыпая, он сжал в зубах грудь девушки. Несчастливая жестоко поплатилась за свое участие в охоте: спящего зверя заковали в цепи и стали тянуть быками и он, сопротивляясь, оторвал девичью грудь. Впрочем, до родного омута он так и не добрался и признал себя побежденным. Его дальнейшая судьба авторам настоящей книги не известна.

На пустоши между Регхорном и Хедингли-Хиллом близ Лидса некогда водился *баргест* — существо, которое принимает разные облики, но чаще всего является в виде лохматого черного пса с горящими глазами и мощными клыками и когтями (по некоторым данным баргест может быть рогат). Очевидцы утверждали, что лидский баргест появлялся на людях перед смертью каждого значимого человека округи. Его обычно сопровождали местные псы, бежавшие за ним с лаем и воем. Другое животное с аналогичными функциями и тоже водившееся в северных графствах Англии — это *Гайтраш*. Он тоже предвещал смерть, но принимал облик злой коровы.

Волшебные собаки Британии и Ирландии вообще имеют свои местные особенности. Английская исследовательница Катарина Бриггс, автор «Эльфийского словаря», отмечает, что в Англии сверхъестественные собаки чаще бывают черными. Таковы, например, церковные *гримы* — духи,

имеющие облик собак (реже — темнокожих человечков) и присматривающие каждый за одной церковью. Собаки, принадлежащие кельтским эльфам и живущие в Ирландии, Шотландии и Уэльсе, — обычно белые с рыжими ушами; и только шотландский *Ку-Ши* (буквально «Пес эльфов») имеет темно-зеленую масть. Это гигантский пес, величиной в двухгодовалого теленка, косматый, с длинным хвостом, который заплетен в косичку или свернут в кольцо, лежащее на спине. Ходит он всегда по прямой линии, и его следы часто можно видеть на снегу или грязи. Ку-ши имеет громкий голос (он слышен даже на кораблях далеко в море), но лает редко, обычно издавая три мощных лая во время охоты. Охотится же он на кормящих женщин — зверь затаскивает их в холмы, где живут эльфы, и пленницы вынуждены кормить своим молоком эльфийских детей.

Эльфы вообще не чуждаются животноводства и в недрах своих зеленых холмов держат разнообразную живность. Так, они издавна славились конями — обычно небольшими, соразмерно наездникам. Эльфы Шотландии разводят волшебных коров — это безрогие буренки, чаще бурые, хотя на острове Скай замечены и рыжие, и пегие, и черные. Когда эльфийская корова встречается с обычным стадом, то ее земные подруги начинают ходить за ней по пятам, она же заводит их в холм, где живут ее хозяева-эльфы. Если пастух вовремя не спохватится, то распахнувшийся холм закроется и владелец навсегда простится со своим стадом.

Эльфийские быки невелики ростом, мышинной масти, коротконогие и короткоухие, с короткими же рогами. Катарина Бриггс сообщает, что корпус у эльфийского быка «длинный, круглый и податливый, как у дикого зверя; шкура его коротка, гладка и лоснится, как у выдры; он сверхъестественно боек и силен». Эти быки часто появляются на берегах рек и по ночам едят много зеленого зерна. Известны случаи, когда они спаривались с обычными коровами, после чего те приносили прекрасных, причем достаточно крупных, телят. Однажды фермер, чья корова много лет рожала от эльфийского быка, собрался зарезать ее. Тогда буренка со всеми своими детьми прошла сквозь стену хлева, «как сквозь бумагу», и удалась в неизвестном направлении. Возможно,

«эльфийскими быками» называют и волшебных, но диких быков, обитающих в реках и озерах, — авторы настоящей книги не смогли до конца разобраться в тонкостях кельтского мифического скотоводства.

На территориях, населенных кельтами, часто обитают так называемые «водяные кони». В Ирландии они называются *агишки*, поддаются приручению и не представляют серьезной опасности для человека. Агишки имеют облик обычных коней, но они плотоядны и часто воруют скот. Живут они в воде, обычно в реках или озерах, но иногда, особенно в ноябре, выходят на сушу, и если человеку удастся оседлать и взнуздать агишки, то он становится великолепным домашним животным. Единственная проблема, с которой сталкивается его хозяин, состоит в том, что агишки теряют голову, почуяв морскую воду. Оказавшись возле моря, он кидается в пучину, увлекая за собой всадника, и там пожирает его. Поэтому на агишки можно ездить только достаточно далеко от побережья.

На острове Мэн, расположенном в проливе между Ирландией и Великобританией, водится своя разновидность морского коня, под названием *кабилл-ушти*. Эти животные более опасны, чем агишки, они не только нападают на скот, но могут утащить в воду и человека, причем для этого им вовсе не обязательно оказываться на берегу моря. Известен кабилл-ушти, обитавший в Керру-Клох на Черной Реке и регулярно воровавший телят у некоего фермера. Когда возмущенный фермер перегнал скотину в безопасное место, оголодавшее животное сожрало его дочь.

Самым свирепым и опасным из водяных коней считается *эх-ушге*, обитающий в Шотландии. В проточной воде он не живет и предпочитает либо море, либо озера. Он очень часто нападает на людей, съедая у них все, кроме печени, которая обычно всплывает на поверхность. Именно по печенке, появляющейся на поверхности воды, можно догадаться, что в озере обитает эх-ушге. Защититься от чудовища достаточно трудно: кожа у него такая липкая, что человек, коснувшийся этого страшного зверя, остается приклеенным к нему и вынужден вслед за ним погрузиться в пучину.

Эх-ушге может принимать облик человека, а также умеет произвольно менять конфигурацию своего тела. Известна

трагедия, происшедшая близ города Аберфелди: семь девочек и мальчик отправились на прогулку и увидели на берегу озера маленького пони. Каждой из девочек захотелось покататься верхом, и они стали карабкаться на него. Мальчик, наблюдавший эту сцену, заметил, что спина животного становится длиннее с каждой наездницей. Ребенок хотел спрятаться, но эх-ушге (а это был именно он) обратился к нему с человеческой речью и потребовал, чтобы мальчик тоже влез к нему на спину. Чудовище стало гоняться за мальчиком, но не смогло его поймать. Что же касается девочек, то они уже не могли отклеиться от спины зверя и вместе с ним отправились в глубину озера. На следующий день печенки семерых детей выбросило на берег, а мальчик поведал взрослым подробности этой истории.

Другая известная в Шотландии разновидность водяного коня называется *келпи* — эти животные, в отличие от эх-ушге, могут обитать и в проточной, речной воде. Келпи чаще всего бывают черной масти, но встречаются и белые. На лбу у них иногда вырастают рога, и тогда они напоминают быков. Глаза у них светятся, а грива может состоять из маленьких змеек, изрыгающих огонь и серу (впрочем, это не обязательно). Келпи тоже умеют растягиваться в длину и столь же липучи, как и эх-ушге. Они увлекают в реку всадников, которые пожелали на них прокатиться, причем погружение в воду сопровождается грохотом и яркой вспышкой света. Сам всадник, как правило, остается жив и отделяется испугом и мокрой одеждой. Но иногда келпи разрывают своих жертв на куски и пожирают их.

Отличить келпи от обычного коня нетрудно: копыта у него поставлены задом наперед. По этой же примете его можно найти по следам. В принципе это животное поддается приручению с помощью волшебной уздечки, но рано или поздно действие чар заканчивается. Особую опасность представляет то, что келпи часто принимает облик прекрасного юноши или девушки. Впрочем, его нетрудно опознать по мокрым волосам, в которых застряли ракушки и водоросли.

Не исключено, что некоторые разновидности водяных коней могут принимать обличие птиц, — по крайней мере, такое мнение исследователями высказывалось. Крупнейший

специалист по кельтскому фольклору Дж. Ф. Кэмпбелл предполагал, что знаменитая мифическая птица *бубри*, которая водится в озерах Аргиллшира и питается овцами и телятами, — на самом деле не птица, а водяной конь. Впрочем, в этом вопросе легко ошибиться, поскольку внешне бубри явно относится к пернатым: это черная птица, похожая на северную гагару, только гораздо крупнее. Ее клюв, по свидетельству очевидцев, напоминает орлиный и достигает едва ли не полуметра в длину. Короткие перепончатые лапы вооружены мощными когтями, а голос замечательной птицы напоминает рев быка.

Говоря о мифозоях кельтских народов, нельзя не упомянуть уникальное животное, называемое *энфилд*. Замечено оно было, насколько известно авторам данной книги, только однажды — во время битвы при Клонтарфе в апреле 1014 года. На морском берегу севернее Дублина армия Бриана Борома (Борумы), верховного короля Ирландии, одержала победу над войсками коалиции, в которую входили как ирландцы, так и иноземные захватчики-норманны.

Это была одна из крупнейших битв ирландского Средневековья. Участвовал в ней и клан Келли, появившийся на исторической арене всего поколение назад и державший сторону короля Бриана. Глава клана, Тадж Мор О'Келли, согласно хроникам, «сражался как волк», но был убит, и тогда из морской пучины показалось некое животное странного вида и охраняло тело вождя, пока не подошли его родичи. Животное это получило имя «энфилд». Официальный сайт клана Келли сообщает, что их неожиданный союзник имел «голову лисицы, грудь слона, гриву коня, передние лапы орла, туловище и задние лапы охотничьей собаки и хвост льва». Правда, изображения замечательного животного, украшающие собой гербы клана Келли и герб лондонского округа Энфилд, несколько отступают от этого описания, но возможно, что художники попросту не смогли полностью передать все особенности оригинальной анатомии союзного обитателя моря.

Насколько мир кельтов был богат мифическими животными, настолько ими был беден мир скандинавских народов. Впро-

чем, драконы у скандинавов, как и по всей Европе, конечно, водились во множестве, но этим видовое разнообразие их мифозоев, пожалуй, и исчерпывалось (драконам, в том числе и скандинавским, будет посвящена отдельная глава). Те немногие необычные животные, которые были знакомы скандинавам, обитали преимущественно не на их землях и даже не на сопредельных, а в тех достаточно неопределенно расположенных местностях, где жили боги и души усопших героев. Более того, животные эти, как правило, относились к конкретному биологическому виду, и сходство с мифозоями им придавали лишь некоторые не вполне обычные способности.

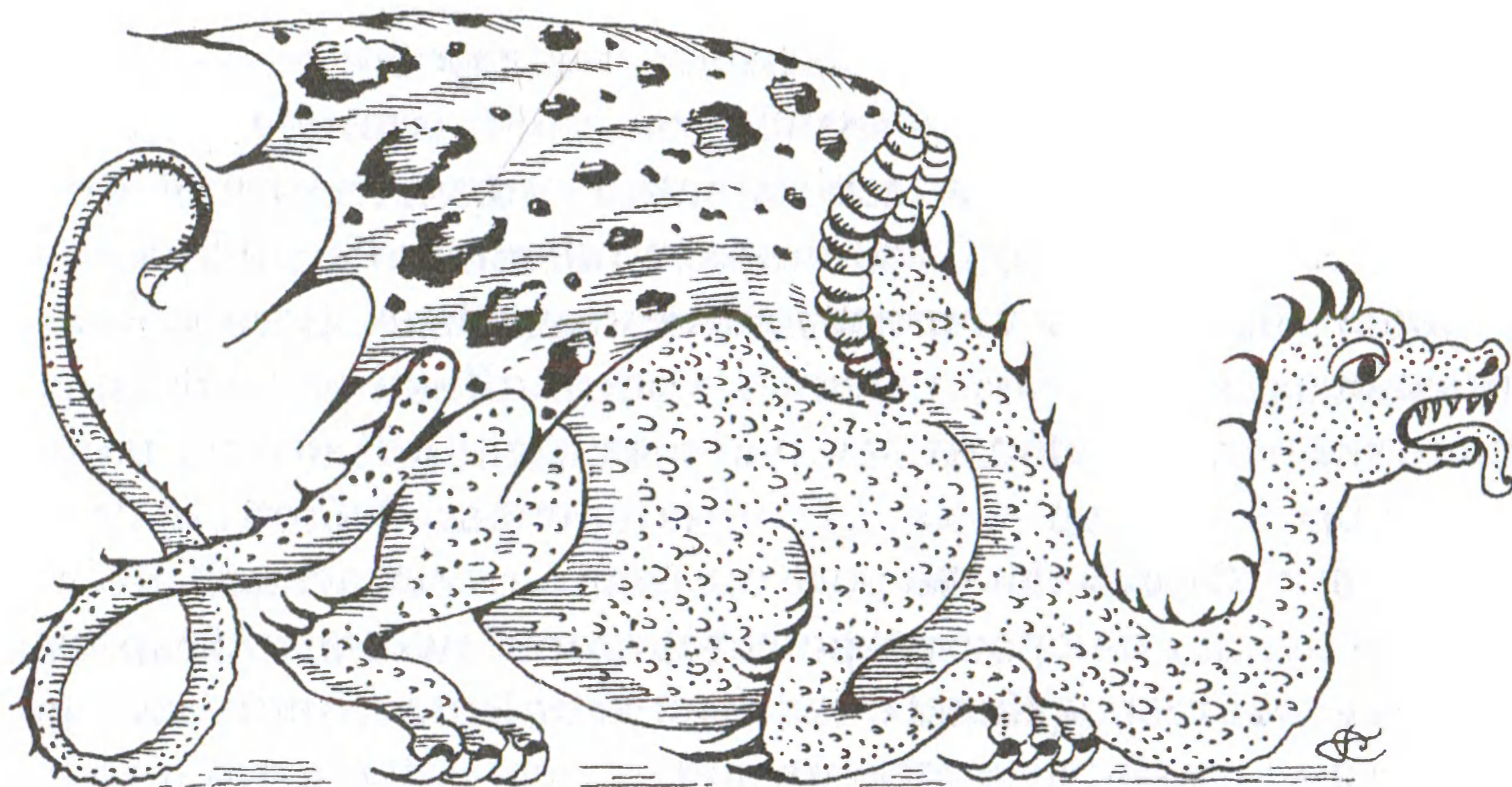
Так, было известно, что под корнями мирового дерева — ясеня, связывающего мир небесный, земной и подземный, — обитает гигантский змей *Нидхёгг*; на верхушке дерева сидит орел, обладающий, как сообщает «Младшая Эдда», «великой мудростью»; а белка по имени *Раматоск* (буквально «Грызодуб») «снует вверх и вниз по ясеню и переносит бранные слова, которыми осыпают друг друга орел и дракон Нидхёгг». В чертогах верховного бога Одина обитали его ручные вороны и волки, а на крыше Валгаллы паслись замечательная коза *Хейдрун* и не менее замечательный олень *Эйктюрнир* — они объедали листву мирового дерева; при этом с рогов оленя стекала влага, образующая истоки всех рек, а коза источала замечательных мед. Богиня Фрейя ездила в колеснице, запряженной кошками, а бог Тор с той же целью использовал козлов. Козлы эти были примечательны тем, что Тор время от времени съедал одного из них, а потом воскрешал бедолагу с помощью своего молота. Но авторы настоящей книги затрудняются сказать, было ли это связано с особенностями самих животных или же с божественным могуществом Тора. Подобная судьба, кстати, оказалась и у вепря по имени *Сехримнир*, которого каждый день закалывали в Валгалле для прокормления героев и съедали, после чего бедняга воскресал вновь.

Пожалуй, наиболее экзотическим животным скандинавского пантеона был конь Одина, восьминогий *Слейпнир*. «Младшая Эдда» сообщает, что, когда боги «только начали селиться» и построили Мидгард (мир людей), некий мастер

предложил им обнести город прочными стенами. В качестве платы он попросил в жены богиню Фрейю, а также солнце и месяц. Богов не смутила такая цена, и они согласились при условии, что работа будет закончена в течение одной зимы. Не вполне понятно, на что рассчитывали боги, но, когда до окончания срока оставались три дня и мастеру осталось лишь поставить ворота, дело приняло критический оборот. Отдавать незнакомцу богиню плодородия, любви и красоты и лишать небо светил показалось немислимим. Боги устроили совещание, и самый хитрый из них, Локи, взялся спасти ситуацию. Он обратился в кобылицу и соблазнил коня, на котором мастер возил стройматериалы. Работа не была закончена, Фрейя и небесные светила были спасены, но сам Локи в должный срок разродился жеребенком. «Младшая Элда» сообщает: «Жеребенок был серой масти и о восьми ногах, и нет коня лучше у богов и людей». Известно, что на этом коне, получившем имя Слейпнир, Один мог скакать «по водам и воздуху».

Ближайшим родственником Слейпнира был замечательный волк по имени *Фенрир*. Он приходился ему братом по одному из родителей (трудно сказать, по отцу или по матери, поскольку Локи, бывший матерью Слейпнира, Фенриру приходился отцом). Его матерью была великанша Ангрбода; от этого же брака, кстати, был рожден и мировой змей *Ёрмунганд*, обитающий в мировом океане. Фенрир отличается исключительной силой, и ему должна принадлежать решающая роль в грядущей битве богов с хтоническими чудовищами — Рагнарёке. Предсказано, что Фенрир проглотит самого Одина, но затем падет от рук его сына, Видара.

И конечно же, говоря о скандинавских мифозоях, нельзя не упомянуть знаменитого дракона *Фафнира*, павшего от руки знаменитого героя Сигурда (Зигфрида). Но о драконах, в том числе европейских, речь пойдет в следующей главе.

Драконы являются, безусловно, самыми широко распространенными мифозоями земного шара. Известны драконы сухопутные, речные и морские. Огромное количество видов этого замечательного животного обитало и обитает практически по всем известным человечеству географическим и климатическим зонам, на земле и под землей, в воде и в небе. О драконах Античности речь уже шла в соответствующих главах. Но Античность сменилась Средневековьем, а потом и Новым временем, а драконы продолжали встречаться практически по всему миру и волновать умы. Их видели не только в отдаленных и малоизученных землях, но и в самом центре цивилизованной Европы.

Так, например, монах Бенедикт из монастыря Св. Андрея на рубеже первого и второго тысячелетий сообщает, что сравнительно незадолго до него, «в 921 году от воплощения Господа нашего Иисуса Христа», прямо над Римом «в вышине, на небе, был виден в образе зверя огромнейший дракон; ему давали длину от церкви Святого Евсевия, возле небольшой часовни, почти до Соляных ворот, в то время как многие видели его больше часа; затем его закрыла туча, и он никогда больше не появлялся». Дракон этот озадачил рим-

лян, и «народ в Риме начал беспокоиться, пораженный печалью о себе самом».

Северогерманский хронист Адам Бременский в одиннадцатом веке сообщал о драконах, живших на острове Эстланд в Балтийском море. Адам, по-видимому, ошибся, приняв за остров материковую область, населенную эстами, но нет оснований думать, что он был не прав в отношении самих драконов. Он пишет: «Кроме того, нам говорили, что в означенном море есть еще много других островов, среди которых и крупный остров Эстланд, не уступающий по величине предыдущему. Его жители совершенно не знакомы с Богом христиан, они поклоняются крылатым драконам, которым даже приносят в жертву живых людей, приобретая их у купцов; да проверяют весьма тщательно, чтобы на теле у жертвы не было ни единого пятнышка, а иначе, по их словам, драконы ее отвергнут».

Гальфрид Монмутский, английский священник, написавший в двенадцатом веке «Историю бриттов», упоминает множество драконов, водившихся в Британии. В частности, он рассказывает о том, что, когда король Вортигирн в пятом веке затеял строить башню и пригласил для этого каменщиков, его постигла неудача, поскольку «все, что они наработали за день, назавтра поглощала земля, так что они никак не могли взять в толк, куда девались плоды их трудов». Призванный на строительство волшебник Мерлин, по прозвищу Амброзий, объяснил, что проблема заключается в подземном озере, которое лежит в основании башни: «Распорядись, властитель, спустить озеро по канавкам, и ты увидишь на его дне два полых изнутри камня и в них двух спящих драконов». Так оно и случилось — на дне озера обнаружили злокозненные драконы, мешавшие строительству. Будучи потревожены, они тем не менее не причинили людям никакого вреда, а сразились между собой, дав тем самым пищу для весьма основательных пророчеств.

«Вортигирн, король бриттов, сидел на берегу осушенного озера, из которого вышли внезапно два дракона, один белый, а второй — красный. Сойдясь вплотную друг с другом, они вступили в ожесточенную схватку, извергая из ноздрей языки пламени. Одолевал белый дракон, и он уже

прогнал красного до самого края озера, но тот, раздосадованный, что белый дракон берет над ним верх, бросился на него и заставил противника податься назад. И пока они бились подобным образом, король повелел Амброзию-Мерлину разъяснить, что предвещает эта битва драконов. И тот, обливаясь слезами, исполнился пророческого наития и возгласил: «Горе дракону красному, ибо близится его унижение. Пещеру его займет белый дракон, который олицетворяет призванных тобой саксов, тогда как красный — исконное племя бриттов, каковое будет утеснено белым драконом»».

Из знаменитых английских драконов можно особо отметить двух особей, одна из которых в правление мифического короля Ллудда ежегодно, в ночь перед Майским днем, издавала страшный крик, слышный над всем островом Британия. «И он проникал в души всех людей и вселял в них такой страх, что мужчины лишались сил, а женщины выкидывали плод. Юноши и девы теряли рассудок, а деревья, и земля, и воды становились бесплодны». Об этом сообщает «Мабиногион» — свод валлийских эпических сказаний, записанных в тринадцатом веке, но восходящих в значительной части к более ранней эпохе. Крик дракона был одной из трех напастей, омрачавших царствование достойного короля Ллудда, но две другие не имели отношения к мифозоям, поэтому на них авторы настоящей книги не останавливаются. Поначалу король не знал о причине ежегодного крика и вообще о самом факте обитания злокозненных драконов на территории его государства. Но когда «три напасти» окончательно истожили его терпение, он «отправился к своему брату Ллевелису, королю Франции, чтобы просить его помощи, поскольку он был мужем великого ума».

Мудрый Ллевелис действительно без труда разрешил проблему пресловутого крика. «Вторая напасть в твоём королевстве, — сказал он, — происходит из-за битвы драконов, из которых один побеждает другого, и тот издает крик отчаяния. И вот что тебе нужно сделать. Когда ты вернешься домой, измерь свой остров в длину и в ширину и найди его середину. Прикажи вырыть там яму и зарой в ней бочонок с самым лучшим медом, завернутый в шелковую ткань. После этого жди, и ты увидишь высоко в небе сражающихся

драконов, и после сражения они устанут, и лишатся своего чудовищного облика, и превратятся в двух маленьких кабанов, и начнут рыть землю в поисках бочонка с медом. Когда они выпьют мед, то крепко уснут. Тогда, не медля ни минуты, заверни их в шелк и закопай в каменном сундуке в своей самой мощной крепости. И пока они будут закопаны там, никакая напасть извне не придет на Остров Британии».

Ллудд так и сделал, драконы были обезврежены, и с тех пор и поныне никакие серьезные опасности извне острову Британия действительно не угрожали (даже норманнское завоевание, по сути, ограничилось лишь сменой правящей верхушки).

Из особо знаменитых драконов Северной Европы надо отметить *Фафнира*, владельца и сторожа золотого клада. Фафнир был драконом с непростой судьбой и весьма нетрадиционным происхождением. Снорри Стурлусон пишет в «Младшей Эдде», что поначалу Фафнир был обычным человеком. Он приходился сыном некоему Хрейдмару и имел двух братьев, Отра и Регина. Однажды Отр, по своему обыкновению, превратился в выдру и отправился на рыбную ловлю. Он сидел у водопада и ел пойманного лосося, когда мимо случилось проходить трем богам скандинавского пантеона: Одину, Локи и Хёниру. Локи схватил камень, бросил в несчастное животное и убил его. Но вскоре выяснилось, что «выдра» была достойным гражданином, сыном и братом, и убивать ее не следовало. Хрейдмар потребовал от пристыженных богов выкуп за сына — золото, которым наполнили ободранную шкуру жертвы. Но Хрейдмару оно не принесло удачи — оставшиеся в живых сыновья убили отца, чтобы завладеть богатством, после чего Фафнир отказался делиться с братом, прогнал Регина и завладел золотом сам. Снорри пишет: «Фафнир поднялся на Гнитакхейд-поле, устроил там себе логово и, приняв образ змея, улегся на золоте».

Дальнейшие события показали, что Фафнир не просто «принял образ» змея, но в полном смысле слова превратился в чудовищное животное, и даже кровь его приобрела волшебные свойства. Каким образом провинциальный германский юноша стал драконом, Снорри не разъясняет

(хотя применительно к брату оборотня этот вопрос не слишком актуален). Впрочем, автор «Младшей Эдды» упоминает, что Фафнир, прежде чем стать драконом, надел на голову шлем, принадлежавший его отцу, — «а это был шлем страшилище, все живое пугалось, его завидев». Возможно, шлем этот обладал какими-то дополнительными свойствами, способствующими превращению юношей в драконов. Так или иначе, Фафнир стал драконом, жил в логовище и стерег свое золото. Но обиженный Регин решил отбить у брата свою долю сокровищ. Он уговорил знаменитого героя Сигурда помочь ему, и они прибыли на Гнитахейд-поле. Там Сигурд выкопал яму на тропе, по которой Фафнир обычно ползал на водопой, и засел в нее. «И когда Фафнир полз к воде и оказался над той ямой, Сигурд пронзил его мечом, и Фафниру пришла смерть». После этого герой, по просьбе Регина, стал жарить на огне сердце дракона и, когда кровавая пена попала ему на палец, сунул палец в рот. «И только лишь попала ему на язык кровь из сердца, он уразумел птичью речь и понял, о чем говорили синицы, сидевшие на дереве».

«Старшая Эдда» описывает смерть дракона значительно подробнее. Сообщаются здесь и некоторые детали облика и быта Фафнира, ускользнувшие от внимания Снорри. Так, в «Старшей Эдде» говорится о том, что дракон источал яд, причем не во время битвы и не в попытке ужалить своего врага, а просто ползая по земле или же «когда лежал на наследстве отцовском». Сообщается также, что Фафнир громко шипел, что он был храбр и ненавидел людей. Вопреки последнему утверждению злополучный дракон, уже будучи смертельно ранен, долго и дружелюбно беседовал со своим убийцей, дал ему несколько вполне дельных предсказаний и совет отказаться от проклятого золота, приносящего беду всем своим владельцам, а также удовлетворил его любопытство о некоторых подробностях жизни богов.

По поводу того, где именно обитал злосчастный Фафнир, существуют разные точки зрения. Исландский аббат Николай, совершивший в середине двенадцатого века путешествие в Рим и Палестину и проезжавший через Германию, полагал, что это были окрестности Мегинзоборга (современный город Майнц).

Известны драконы и в Восточной Европе. Живший в пятнадцатом веке историк Ян Длугош в труде «Анналы, или Хроники славного королевства Польши» сообщает о польских драконах: «Вавель — скалистая гора, которую омывает стремительным течением река Висла и на которой расположена замечательная базилика славнейшего мученика, блаженного Станислава, а также первая и выдающаяся польская крепость и столица — Краков. На этой горе также вплоть до сего дня видно множество пещер, в которых, согласно бытующему в народе письменному и устному преданию, жил дракон, чудовище удивительной величины, и причинял местным жителям большой вред».

У румын, сербов, болгар и других северобалканских народов драконы, имевшие образ летающих змей, издавна ведали атмосферными явлениями. Румынский *балаур* может иметь тело змеи и голову и хвост крокодила. Иногда он бывает наполовину змеей, наполовину человеком, имеет голову коня и покрыт чешуей. Он живет в лесах, озерах и болотах, но порой поднимается в небо и приносит облако с дождем или градом, а иногда, паря над деревьями, бьет по ним хвостом, и из хвоста его течет дождь. Происхождение балаура весьма своеобразно: это змея, у которой вследствие каких-либо необычных обстоятельств отваливается хвост и вырастают лапы. Такое может произойти, например, если на змею в течение семи, девяти или пятнадцати лет не упал взгляд человека. Если же новоиспеченного дракона никто не видит еще семь лет (или если ему, например, доведется высосать черную корову), он испытывает следующую стадию «одраконивания» и превращается в *змея*. Собственно, змей, как и балаур, — это рептилия, которая летает в облаках и влияет на погоду. Но при этом змей каким-то не вполне понятным образом может походить на человека, владеть человеческой речью, иметь антропоморфную жену и детей и испытывать особое влечение к красивым женщинам. Если балаур живет в озерах и болотах, то змей предпочитает море. Облака, пьющие воду из морей, могут засосать змея и унести его с собой. Но бывает и наоборот: змей сам выпивает воду и рассеивает ее в воздухе, после чего она превращается в облака и дождем проливается на землю.

Родственная балауру форма, обитающая в Карпатах, зовется *шаркань*. Это — крылатая змея, достигающая двенадцати метров в длину и имеющая до двенадцати голов. Интересно, что количество голов шаркани зависит от возраста: каждый год у нее прирастает по одной. Насколько известно авторам настоящей книги, это весьма редкий способ развития мифозоя, чрезвычайно удобный для зоологов, поскольку позволяет очень точно определить возраст пойманного животного. Происходит шаркань, как и ее балканский сородич, от обычной змеи (в данном случае — полоза), которую семь лет никто не видел. Если на уже сформировавшуюся шаркань упадет взгляд человека, она перестает расти. Обитает она в лесах и пещерах, но, летая в небе, может приносить грозовые тучи и даже вызывать затмения, поедая солнце. Не вполне понятно, что происходит со светилом в утробе шаркани и как устроена ее пищеварительная система, поскольку солнце в конце концов вновь появляется на небе. В Карпатах не без оснований считают, что знаменитое затмение 1914 года, совпавшее с началом Первой мировой войны, было вызвано этим чудовищем. Несмотря на такое, казалось бы, несомненное могущество шаркани, она слепа и летает по небу в сопровождении специального демона — *витренника*, который управляет ею с помощью уздечки. Возможно, уздечкой снабжена каждая голова, но не исключено, что одна из голов выполняет функцию ведущей. Во всяком случае, управляемая витренником шаркань не несет ответственности за вызванные ею природные катаклизмы. Известно, что злокозненные витренники на лесных полянах сами изготавливают град из морской воды, которую доставляют в Карпаты в тучах. Они замораживают воду, раскалывают лед на мелкие куски и уже потом развозят по небу с помощью послушных шарканей. Впрочем, идеализировать шарканей тоже не следует — это достаточно опасное животное, поедающее людей и скот.

За последнее столетие карпатские шаркани мутировали, и среди них появились огнедышащие особи, которые вызывают не столько град, сколько засуху. Авторы настоящей книги в порядке гипотезы рискуют предположить, что это могло быть вызвано скрещиванием шаркани с европей-

ским огнедышащим драконом. Версия эта тем более вероятна, что, по мнению известного отечественного драконоведа С. Логинова, европейские драконы прилетают для спаривания именно в Карпаты. Но к теории Логинова мы еще вернемся, а пока что рассмотрим некоторые свидетельства местных жителей об огнедышащей шаркани, приведенные в статье этнографа Е. Левкиевской «Откуда на Карпатах град берется».

«Змея с двенадцатью головами, пасть огромная, страшная. Когда она ползет, трава сгорает под ней. Говорят, что такая змея живет много лет. Посредине одна большая голова, а две поменьше — по бокам. Головы блестят, как серебряные».

«Жэрэты такие есть, что имеют двенадцать голов, шесть, а то и четыре может иметь. Каждый год одна голова нарастает. Та змея, у которой выросло уже двенадцать голов, переходит море и летит. Все сжигает, может и хату спалить, человека на ходу сжигает по-страшному. Рассказывают, видели, что летела такая змея: стало темно, как вечером. Два дерева упало, все горело, когда она летела. Живут такие змеи в великих пещерах».

Едва ли не всем славянским народам известны многоголовые крылатые змеи, в которых превращались обычные змеи, прожив достаточно долго вдали от людских глаз (или иногда — от колокольного звона). В некоторых районах Польши крылатыми семиглавыми змеями становились даже лягушки, которые в течение семи лет не слышали колокола. Такие драконы считались опаснее тех, что происходили от змей, потому что у змеи при обращении ее в дракона вырастали ноги, а хвост превращался в стрелу; что же касается лягушки, уже имеющей ноги, у нее все силы организма уходило в хвосты, которых вырастало целых два, и оба — острые, как стрелы. Вообще способы формирования драконов у славянских народов отличались крайним разнообразием, кое-где в них превращались даже мирные карпы, дожившие до сорока (в Сербии) или до ста (в Болгарии) лет.

На Руси издревле обитали разные виды драконов, которых здесь (как, впрочем, и во многих других славянских землях) традиционно называли змеями. Из мелких представителей

этой группы можно назвать *аспидов*, водившихся в горах на севере. В старинных азбуковниках он описывается так: «Крылатый, нос имеет птичий и два хобота, а в коей земле вчинится, ту землю пусту учинит». Аспид никогда не садится на землю, а только на камень. Извести его достаточно непросто: надо издать «трубный глас», от которого сотрясаются горы, после чего оглушенного змея хватают раскаленными щипцами и держат, пока он не погибнет.

К драконам можно, по-видимому, отнести и так называемых «коркоделов», или «*крокодилов*», обитавших, по свидетельству летописцев, в российских реках, в частности в реке Великая, впадающей в Псковское озеро (допустить, что здесь водились настоящие *Crocodylia* — представители ныне живущих полуводных хищников, — было бы слишком смело). Псковская летопись сообщает: «В лета 7090 (1582)... изыдоша коркодили лютии зверии из реки, и путь затвориша, людей многа поядоша. И ужасошася людие и молиша Бога по всей земли; и паки спряташася, а иных избиша». А в 1589 году английский дипломат Джером Горсей видел мертвого крокодила на берегу некой речки близ Варшавы. Представителей этого вида драконов можно встретить и на русских лубочных картинках (см. главу «Мифозои земные и райские»). Известна картинка, где крокодил изображен рядом с Бабой-Ягой, и если допустить, что Яга имеет тот же рост, что и обычная старушка, то и крокодил по размерам лишь слегка превосходит среднего человека.

Гораздо более крупными и опасными были огнедышащие, часто многоголовые змеи-оборотни: *Змей Горыныч*, *Огненный Змей*, *Тугарин Змеевич*... Иногда они могли принимать человеческое обличие, но даже и в этом виде они были значительно крупнее обычного мужчины. В былине «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» говорится:

Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он, Тугарин, трех сажень,
Промежу плечей — косяя сажень,
Промежу глаз — калена стрела;
Конь под ним — как лютый зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит.

Сажень на Руси могла иметь разные значения; начиная с восемнадцатого века была популярна казенная сажень, равная 2,16 метра; в древности сажень была поменьше, по мнениям разных исследователей — от 142 до 152 сантиметров. Так или иначе, трехсаженный Тугарин имел рост не менее четырех с лишним метров, что нисколько не мешало ему, не смущаясь своим происхождением и внешним видом, явиться на пир к князю Владимиру и самым бесстыдным образом ухаживать за его женой. Это возмутило присутствовавшего здесь же Алешу Поповича, и он вызвал чудовище на поединок. Было ясно, что змей использует свое преимущество и сражаться предпочтет в воздухе. Но, как ни странно, крылья у него были бумажные (в некоторых версиях были бумажные крылья были у его коня), а предусмотрительный Алеша заранее помолился о дожде.

Замочило Тугарина крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.

Змей напрасно грозился спалить Алешу огнем (видимо, используя огнедыхание) — он был повержен и лишен головы — надо отметить, что в этой версии голова у него была всего лишь одна.

В те поры Алеша подскочил, ему голову срубил.
И пала голова на сыру землю, как пивной котел.

Что же касается отца (или, возможно, матери) Тугарина, то у него, согласно некоторым источникам, было две головы. В восемнадцатом веке писатель и краевед В. А. Левшин переложил народные предания о том, что некогда близ Казани жил двуглавый крылатый змей *Зилант*, пожиравший стада и людей и опустошавший окрестности огненным дыханием. Однажды чудовище потребовало выдать ему супругу князя прикамских болгар Богориса. Богорис сразил змея волшебным мечом, но тот перед смертью успел снести яйцо, из которого через десять лет вылупился Тугарин. Не вполне понятно, почему яйцо снес самец, — авторы настоящей книги так и не смогли выяснить, было ли это ошибкой ска-

зочника (который, надо признать, обращался с народными преданиями достаточно вольно) или же связано с особенностями размножения казанских драконов.

Окрестности Казани были, видимо, излюбленным местом обитания драконов. О. М. Иванова-Казас, со ссылкой на известного российского этнографа начала девятнадцатого века, Карла Фукса, пишет: «Существует легенда, рассказывающая о том, что после разгрома старой Казани Тимуром стали выбирать место для постройки новой Казани, но на этом месте оказалось очень много змей. Чтобы избавиться от них, “осенью змеи были собраны в одно место некоторым чародеем; зимою он велел принести дров, а весною сжег змей. Однако один крылатый змей, или дракон, улетев на Зилантову гору, долго еще распространял ужас по окрестностям; наконец и он был умерщвлен посредством заклинаний волшебника Хакима и Ханом избран в Государственный герб для воспоминаний этого происшествия”».

В былине «Добрыня и змей» русские драконы и их размножение показаны гораздо менее противоречиво, чем у Левшина. *Змей* (это самка) не меняет облика и предстает перед богатырем в своем постоянном виде. Многочисленные головы не упоминаются, но, по-видимому, их с успехом заменяли хоботы:

Выходит тут змея было проклятая,
О двенадцати змея было о хоботах...

Пол змеи в былине обозначен недвусмысленно: для нее используются глаголы женского рода; когда богатырь победил свою противницу, она предлагала стать его сестрой. У змеи были дети: она просила Добрыню не топтать ее «маленьких змеенышков» и обещала впредь воздержаться от нападений на Русь:

Мне-ка не летать да на святую Русь,
А не брать же больше полону да русского,
Не носить же мне народу христианского.

Это обещание обрисовывает образ жизни чудовища до того, как оно было побеждено. Впрочем, змея и впредь не изменила своим привычкам: стоило Добрыне ослабить хват-

ку, как она немедленно улетела и похитила любимую племянницу князя Владимира — Забаву Потятичну.

Ухватила тут Забаву дочь Потятичну,
В зеленом саду да ю гуляючи,
В свои было во хобота змеинные,
Унесла она в пещерушку змеиную.

Добрыня отправился к логовищу змеи выручать девицу. Там на него напали многочисленные змееныши, но богатырь потоптал их конем, после чего выдержал долгий бой с их матерью, который продолжался трое суток и три часа. Излившаяся из чудовища кровь покрыла окрестности от востока до запада (что дает представление о размерах животного), причем кровь эта не впитывалась, поскольку «матушка сыра земля» не хотела ее принимать, и богатырю пришлось копьем «бить да во сыру землю». В конце концов вопрос решился, и Добрыня спустился в змеинные пещеры, где освободил из полона множество князей, князевичев, королей, королевичев, а также знатных девиц. В одном из вариантов былины в пещерах у драконихи томились целых «сорок царей, сорок царевичей, сорок королей да королевичей». Такое количество пленников наводит на мысль, что змея не пожирала их, а содержала для каких-то иных целей. Впрочем, не исключено, что они откармливались на то время, когда должны были подрасти змееныши, которые, поскольку их можно было потоптать конем, были еще слишком малы, чтобы съесть человека,

Другим известным на Руси победителем дракона был Еруслан Лазаревич. Он сражался, и не без успеха, с летучим *морским змеем*. Интересно, что Еруслан был потомственным драконоборцем — его отец, Лазарь Лазаревич, тоже начал свою карьеру с того, что победил морского змея, пожиравшего людей в некоем иноземном королевстве. Местные жители сообщили заезжему богатырю: «Повадилса в наше королевство морской змей летать и велел каждый день по человеку ему на съедение посылать. А коли не послушаемся, грозится все наши деревни и города спалить — головней покатить». Вопреки этому сообщению чудовище прибыло за очередной жертвой не по воздуху, а по морю: «...Вдрут

взволновалось море, зашумело, поднялась большая волна. То змей море всколыхнул». Дракон вынырнул из воды; он владел человеческой речью и оказался одноглавым — голова эта и была отсечена славянским витязем. Интересно, что морская вода не мешала дракону выдыхать пламя — о том, что он был огнедышащим, можно судить по его обещанию спалить деревни и города.

Сын Лазаря, знаменитый Еруслан, столь же успешно сразился с другим морским змеем, менее прожорливым — он требовал себе на пропитание по одному человеку в три дня, — но не менее опасным. Этот летучий змей, как и предыдущий, вынырнул из морской пучины, но был побежден богатырем. Сначала гуманный Еруслан хотел оставить змея в живых — он сохранил чудовищу одну голову, взял с него клятву более не грешить и, оседлав его, поехал «во стольный град» к местному царю Вахромею. Но жители столицы воспротивились такому соседству и выразили обоснованное недоверие к обещаниям змея. «Богатырь перечить не стал, соскочил со змея и отсек у него голову. На двенадцати подводках вывезли горожане змея из города и закопали в глубоком овраге».

В разных текстах сказки, которые знакомы авторам настоящей книги, количество голов у дракона колеблется от одной до трех, но по крайней мере на одной лубочной картинке дракон был обладателем целых десяти голов. Это косвенно свидетельствует о том, что на Руси водились разные виды морских драконов либо же количество голов могло варьироваться в рамках одного вида.

Драконы были прекрасно известны на арабском Востоке. В первой четверти XIII века на персидском языке было записано анонимное сочинение «Чудеса мира», вероятно восходящее к десятому веку; о драконе в нем говорится следующее:

«В длину он достигает нескольких фарсахов (расстояние, проходимое караваном между остановками. — *О. И.*), имеет раскраску леопарда и два крыла. На шее у него находятся шесть голов. Есть у него также грива. Если он обдаст своим дыханием слона, тот почернеет. Говорят, если держать в доме голову этого дракона, то она укажет места кладов.

Есть еще животное, которое называют *малис* (угорь). Оно появляется перед драконом, вытягиваясь в нитку. Дракон кусает его, а животное обвивает тело дракона, раздуваясь и обретая силу, так что разрывает дракона на куски. Если бы не было этого животного, то дракон погубил бы всю населенную местность в Мисре, всех бы съел и все бы разрушил.

В тринадцатом веке знаменитый государственный деятель, врач и ученый-энциклопедист Фазлаллах Рашид ад-дин описывает драконов, примерно на рубеже первого и второго тысячелетий вершивших правосудие на склонах высокой горы под названием “Див Кайасы” (“Скала Злого Духа”) : «На склоне этой горы, расположенной на краю очень широкой степи, которая именовалась Эндек, росло три больших дерева. Каждое из них росло у устья источника, и под каждым деревом обитало по два голубых дракона. Если кому-либо была доказана его вина в преступлении, то обвиняемому наносили раны и относили его к дракону. Если он действительно был виновен, то дракон его тут же пожирал, но если он был невиновен и чист, то его израненное тело излечивалось. Там становилось сразу ясно — хороший этот человек или вредный». К сожалению, место обитания этих справедливых судей выяснить невозможно — известно лишь, что путь к ним с берегов реки Чу (в Средней Азии) занимал более двух месяцев, причем неясно даже, насколько более.

Множество драконов обитало в Центральной Азии. Русский путешественник конца девятнадцатого — начала двадцатого века, спутник Н. М. Пржевальского П. М. Козлов, писал о том, что Куку-нор, или «Голубое озеро», — самое большое бессточное горное соленое озеро Центральной Азии — образовалось, с точки зрения местных жителей, в результате деятельности *водяного дракона (хэй-чи-луна)*:

«Много, много лет тому назад, когда в долине Куку-нора жили одни лишь монголы, на месте нынешнего озера было два небольших пруда. Прибрежные жители очень небрежно относились к чистоте воды этих прудов и постоянно грязнили ее. Дело дошло до того, что однажды некая женщина сходила за “легкой нуждой” прямо в воду пруда. Тут же хэй-

чи-лун — водяной дракон — не вытерпел: он вылез из своего подземелья и грозно поднялся над водой, которая хлынула из образовавшегося отверстия и затопила окрестные берега на сотни верст кругом. Испуганные жители вместе с соседями-китайцами начали молить бога — покровителя плотников — Лу-бан-е, чтобы он защитил их. Лу-бан-е ответил, что, прежде чем вступить в бой с водяным драконом, он должен попробовать свои силы, а для этого он обратился к трем корзинам, наполненным землей, и повелел им вырасти. И вот случилось небывалое чудо: земля мгновенно выросла выше уровня воды... Убедившись в своей мощи, Лу-бан-е повелительным голосом крикнул хэй-чи-луну, приказывая ему вернуться в свое подземелье. Дракон исчез, а Лу-бан-е перенес гору в озеро и заткнул ею отверстие, через которое вышел его разгневанный противник. С тех пор на месте маленьких прудов мы видим безбрежное, вечно бушующее озеро, а посередине его остров».

В Южной Азии во множестве обитают так называемые «хоботные драконы» — термин введен в научный обиход синологом Сергеем Дмитриевым. Ученый относит к ним, например, индийскую *ма́кару* — «морское чудовище, или, скорее, целую группу существ, в облике которых сочетаются черты зверей, пресмыкающихся и рыб». В Тибете ближайшими родственниками макары С. Дмитриев считает драконов-чусинов. «Тибетский чусин, будучи по происхождению макарой рогатой, наделен некоторыми отличными от нее чертами: он описывается как существо с гривастой львиной головой (зачастую за прототип берется мифический тибетский лев — с белой шкурой и зеленой гривой), идущей вдоль позвоночника полосой конского волоса, нижней челюстью крокодила с характерно “драконьими” усами, нижними клыками и ушами кабана, глазами обезьяны, чешуйчатым телом, львиными лапами, ажурным хвостом, подобным павлиньему, жабрами и... рогами оленя... Хобот может оканчиваться многочисленными щупальцами. О силе чусина говорится, что в ярости он подобен крокодилу».

В Бирме водятся свои хоботные драконы, называемые, в зависимости от формы своего тела, *пиньса-рупа* или *нава-*

рупа. Пиньса-рупа описывается как «зверь пяти красот», у него хобот и бивни слона, горб быка, уши лошади, хвост карпа, тело дракона украшено перьями мифической птицы хинтар.

С. Дмитриев относит к хоботным и некоторых представителей китайских драконов. Китай всегда был обилен и славен драконами, но о мифозоях Восточной Азии речь пойдет в отдельной главе — «В Поднебесной и ее окрестностях».

Об африканских драконах мы уже говорили в главе «По следам античных путешественников». Но память о них сохранила не только античная традиция. Так, в Эфиопии из уст в уста передавалась история о том, как дракон чуть не съел чернокожую девушку, чудом спасшуюся от него и ставшую возлюбленной царя Соломона и матерью древнего абиссинского царя Меньелика. Правда, более традиционной является версия о том, что матерью Меньелика была царица Македа — так абиссинцы называли царицу Савскую — и что никакие драконы в дело не вмешивались. Но версия с драконом, бытовавшая у многих племен Северной Абиссинии, тоже имеет право на существование. Тем более что описанный в ней обычай оставлять связанных девиц на пропитание чудовищам был известен в Эфиопии и по другим источникам (вспомним Персея и Андромеду).

В предисловии к английскому изданию «Книги о славе царей» 1932 года со слов абиссинских информаторов рассказывается, что матерью Меньелика была девушка из Тигре по имени Этейе Азед (то есть Царица Юга). «...Народ ее поклонялся дракону или змею, которому каждый из этих людей поочередно должен был принести в жертву старшую дочь и большое количество сладкого пива и молока. Когда настала очередь родителей этой девушки, они привязали ее к дереву, к которому дракон обычно приходил за пищей, но вскоре после того там проходили семеро святых, и они сели под этим деревом, чтобы воспользоваться его тенью. Когда же они так сидели, слезинка девушки капнула на них сверху, и, взглянув туда, они увидели ее, привязанную к дереву».

Святые расспросили девушку, почему она там оказалась, и прониклись сочувствием к ней. После чего один из

них «напал на чудище, и с помощью своих спутников убил его, разя его крестом». Крест в качестве средства, усмиряющего драконов, в те далекие времена (царь Соломон жил в десятом веке до н. э.) еще не применялся, и, возможно, это было первым случаем его использования в драконоборческих целях. Во всяком случае, дракон был повержен, но «когда они расправлялись с ним, кровь его брызнула и попала на пятку Этейе Азев, и с этой поры ее пятка стала подобна копыту осла». Это досадное на первый взгляд происшествие стало поворотным в карьере скромной абиссинки. Она отправилась за врачебной помощью к царю Соломону, о котором была наслышана, и не только излечилась, но и стала его возлюбленной и матерью его ребенка — абиссинского царя Меньелика.

На Черном континенте драконы не переводились и в Средние века, и в Новое время. Знаменитый путешественник шестнадцатого века Лев Африканский встречал этих животных в Атласских горах — большой горной системе на северо-западе материка. В своем труде «Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть» он пишет: «В некоторых пещерах Атласских гор живет много огромных драконов. Это тяжеловесные звери, которые передвигаются с трудом, потому что одна часть тела — грудь у них очень толстая, а другие очень тонкие как со стороны хвоста, так и со стороны головы. Эти животные необычайно ядовиты. Если кто-нибудь случайно притронется к нему или будет им укушен, то его тело неожиданно станет рыхлым, размягчается, как мыло, и невозможно спасти его жизнь».

Драконы были известны во все времена и появились, вероятно, задолго до возникновения человека. Они описаны во множестве древних исторических источников, не говоря уже о художественной литературе. Кроме того, на сегодняшний день это, вероятно, самый хорошо изученный мифозой. Драконам посвящены разнообразные научные исследования — ими занимаются не только историки и мифологи, но и биологи, биофизики, биохимики... О них пишут статьи и монографии, ученые анализируют их строение и повадки, особенности питания и кровообращения, летательные

и боевые характеристики, свойства брони и выдыхаемого пламени... Обширная литература, как зарубежная, так и отечественная, посвящена их классификации. Возникла особая отрасль науки — драконология (или драконоведение), а созданный в 2009 году Российский институт драконологии (РИД), декларировавший, что его целью является «организация процесса изучения драконов во всем их многообразии», уже провел немало исследований и опубликовал на своем сайте ряд фундаментальных статей, в том числе по типологии драконов.

В 2007–2008 годах в Московском государственном университете биологом А. Н. Квашенко был прочитан цикл лекций по естественной истории драконов (а также по неестественной и противоестественной). Особо хотелось бы отметить разработанную лектором непротиворечивую анатомическую и физиологическую модель дракона, а также выдвинутую им оригинальную идею их эмбриогенеза. А. Н. Квашенко стал первопроходцем в таких ранее малоизученных сферах, как психология и социология драконов, в частности, он рассматривает проблему вертикальных и горизонтальных связей драконьего сообщества.

Драконы — существа весьма многообразные, и их виды сильно отличаются между собой. Дать исчерпывающее описание обобщенного дракона достаточно трудно, тем более что внутреннее строение этого мифозоя до сих пор мало исследовано. Леонардо да Винчи в свое время попытался предложить общую картину внешнего вида дракона: голова собаки, кошачьи глаза, уши дикобраза, нос борзой, брови льва, виски петуха и шея водяной черепахи. Правда, в этом описании напрочь отсутствует туловище (которое принято считать похожим на тело рептилии). Но существует множество драконов, которые не укладываются ни в это, ни в любое другое предложенное описание.

Возможно, именно поэтому, несмотря на обилие исследований, посвященных драконам, специалисты до сих пор не пришли к единой точке зрения по поводу их классификации. О. М. Иванова-Казас с некоторыми оговорками относит их к рептилиям. Она пишет: «Драконы — это обширная группа фантастических существ, весьма различающихся по строе-

нию и характеру, но, как правило, в основе организации дракона лежит рептилия, причем различаются 4 основных варианта: 1) дракон без ног и крыльев, т.е. попросту змея, 2) дракон с ногами, но без крыльев, похожий на ящерицу, 3) крылатая змея или 4) крылатая ящерица; при этом крылья обычно бывают похожи на крылья летучей мыши. В пределах этих четырех групп тоже имеются варианты: ноги могут быть представлены одной или двумя парами, часто имеется несколько голов, иногда присутствуют части тела других животных. Обычно отмечают огромные размеры драконов, их свирепость и прожорливость, ядовитое дыхание, пламя, которое они изрыгают, и т.д., но очень мало, почти ничего, не сообщается об их строении. Поэтому судить о последнем можно главным образом по рисункам старых художников».

Противоположную точку зрения высказывает драконовед О. С. Вдовина в статье «Таксономическое определение драконов в первом приближении» — она категорически отказывается отнести драконов к рептилиям. Исследовательница рассматривает кожную и пищеварительную системы и опорно-двигательный аппарат драконов и сравнивает их с соответствующими системами млекопитающих, рептилий и птиц. Подробный анализ показывает, что ни одна из систем драконьего тела не имеет аналогов ни в одном классе живых существ, которыми традиционно оперирует биология. Линька у драконов, по мнению исследовательницы, происходит иначе, чем, например, у рептилий и млекопитающих. Пищеварительная система рептилий (если предположить, что драконы относятся к этому классу) плохо подходит для полетов (а драконы, как правило, летают). Особо останавливается исследовательница на проблеме чешуи; она пишет: «Некоторые только по этому признаку однозначно относят драконов к рептилиям. Но эпидермис млекопитающих также способен образовывать чешуи. Мы можем сравнить чешуи драконов с покровными тканями броненосцев». Вывод О. С. Вдовиной однозначен: «Драконы представляют собой отдельный класс».

Особое и достаточно неожиданное мнение высказывает Святослав Логинов в статье «К вопросу о классификации

европейских драконов» — он находит определенное сходство между драконами и насекомыми и поэтому относит их к членистоногим. Впрочем, надо отметить, что биолог Виталий Семин, консультировавший авторов настоящей книги по некоторым спорным вопросам классификации мифозоев, категорически возражает против этой гипотезы, поскольку у представителей типа членистоногих нет и никогда не было внутреннего скелета, что же касается драконов, то их кости достаточно широко известны и находят применение, например, в китайской медицине, а в «Атласе тибетской медицины» приводится изображение драконьего скелета.

Но к какому бы классу ни относились драконы, их систематика представляет не меньшую проблему. Наталья Бардичева в статье «Типология драконов» сообщает об основных подходах, которые используются современными исследователями. Итак, классификация драконов может быть:

- общая, или ассоциативная (различает «древних», или мифологических, драконов; современных, в том числе «космических», драконов; сказочных, или «нетипичных», драконов);
- цветовая (различает драконов по цвету их шкуры);
- зонально-климатическая (различает драконов по приспособленности к обитанию в тех или иных климатических зонах);
- территориальная (различает драконов относительно их географического происхождения);
- абилитивная (различает драконов по их способностям);
- морфологическая (различает драконов по их строению)».

Виталий Семин, к которому авторы настоящей книги обратились с вопросом, как же все-таки следует классифицировать драконов, высказал по этому поводу следующую ученую мысль: «При всем многообразии существующих подходов следует помнить, что классификации, построенные на основании какого-либо одного параметра, как правило, не могут адекватно отражать существующие филогенетические связи внутри группы. Естественная и непротиворечивая система должна принимать во внимание как можно большее количество признаков, в том числе эмбриологические

данные, — недаром в большинстве групп в настоящее время принята классификация, основанная на синтетическом подходе. Таким образом, можно отметить, что систематика драконов еще далека от совершенства и ждет своего Линнея».

Пока же специалистам приходится довольствоваться имеющимися подходами. «Территориальной» классификацией драконов пользуется такой крупный специалист по мифозоям, как О. М. Иванова-Казас. Она пишет, в частности: «По характеру четко различаются драконы европейские (грозные и злобные) и азиатские (по большей части мирные и даже полезные)».

Святослав Логинов высказывает близкую точку зрения: «Исследователь, всерьез занявшийся драконологией, прежде всего сталкивается с проблемой классификации драконов. Дракон европейский решительно отличается от восточноазиатского. Китайские и японские драконы это либо духи дождя — безобидные существа, напоминающие лягушек, живущие в какой-нибудь луже и терпящие издевательства от всякого проходимца; либо нечто виртуальное, наподобие белого дракона, которого невозможно даже представить... Дракон европейский всегда реален, крайне опасен и отличается дурным нравом. По прочим параметрам европейские драконы представляют самый обширный спектр свойств, что вынуждает вводить дополнительную классификацию».

С точки зрения авторов настоящей книги, С. Логинов несколько упростил ситуацию, поскольку в Китае, например, были неоднократно зафиксированы весьма крупные и опасные драконы. Но эти случаи относятся к очень глубокой древности, и мифографы, которые о них сообщают, лично с такими крупными особями не встречались. Что же касается времен исторических и тех драконов, которые были описаны их современниками, в этом драконовед безусловно прав.

С. Логинов подчеркивает также различия между западноевропейскими и восточноевропейскими драконами. Первые — значительно мельче по размеру. Исследователь пишет: «Георгий Победоносец прободил дракона, сидя верхом на коне, ударом опущенного копья, то есть зверь был не более

полутора метров в холке. Возможно, святому попался не слишком крупный экземпляр, но вряд ли даже самый огромный западноевропейский дракон превышал в холке два с половиной метра». В том, что касается примера со святым Георгием, авторы настоящей книги тоже не вполне согласны с С. Логиновым, поскольку, во-первых, битва эта произошла в окрестностях Бейрута (который не относится не только к Западной, но и вообще к Европе), а во-вторых, знаменитый святой сразился с драконом уже после того, как принял мученическую смерть от императора Диоклетиана, — то есть для спасения девицы он спустился на землю, будучи райским жителем, причисленным к лику святых и имевшим возможность принять любое воплощение. Не исключено, что и он, и его конь получили тела, сопоставимые с размерами дракона. Тем не менее в западной литературе действительно не слишком часто встречаются драконы, размеры которых превышают указанные С. Логиновым.

Еще одно отличие западноевропейских драконов — их малая склонность к полету. Исследователь подчеркивает, что «битва с драконом всегда происходит на земле». Кроме того, драконы Запада, как правило, редко едят и еще реже размножаются: «То есть никто и никогда не видел новорожденного драконыша, и никто не застал дракона за едой». Возможно, С. Логинов излишне категоричен в этом утверждении, но общую тенденцию он безусловно уловил. И наконец, западноевропейский дракон, в отличие от своего восточноевропейского собрата, как правило, имеет лишь одну голову.

Совсем иначе, по мнению исследователя, выглядят драконы, обитающие на территории Восточной Европы. Они значительно крупнее и гораздо активнее пользуются крыльями, в том числе во время битвы. Они охотно поедают людей и коней, а иногда и захватывают их «в полон» для последующего употребления в пищу. «Как известно, — пишет С. Логинов, — дракон восточноевропейский прекрасно размножается. Приезжий богатырь возле логова змеи первым делом топчет малых змеенышей и лишь затем начинает битву с драконом». У этих животных, в отличие от драконов Западной Европы, достаточно часто можно наблюдать обилие голов. Причем исследователь в качестве одной из гипотез выдвигает

ет предположение, что «дополнительные» головы принадлежат детенышам, которые сидят на спине у самки.

Все это приводит С. Логинова к достаточно неожиданному, весьма спорному, но крайне интересному выводу. Он предполагает, что различия между восточноевропейскими и западноевропейскими драконами не говорят о принадлежности их к разным видам, а «фактически являются лишь половыми признаками». При этом «дракон западноевропейский является самцом, а восточноевропейский — самкой». Исследователь пишет:

«Данное предположение объясняет все странности драконов и обладает предсказательной силой, что в естественно-научных дисциплинах является критерием правильности выдвинутой гипотезы. Сразу становится понятным отсутствие детенышей у западного дракона и наличие их у восточного. Легко объяснима и разница в пищевой базе. Самка, которой надо выносить и вырастить большое количество детей, обязана питаться высококалорийной белковой пищей, в то время как самец, исполнивший свою функцию, может быть травоядным (подобно самцу комара) или вовсе лишенным органов питания...

Таким образом, перед нами вырисовывается следующая картина: где-то в области Карпатских гор происходит весеннее роение драконов. Оплодотворенные самки улетают на восток и там, в районе Дикого поля, устраивают гнездовья и выводят детенышей, выкармливая их кочевниками и людьми, захваченными в русских городах. Кстати, похищение княжеской дочери, которое часто встречается в былинах, представляет собой классический ответ самки, у которой погибли детеныши.

Обессиленные любовью самцы откочевывают на запад (оставаться возле подруг опасно, могут и сожрать), где становятся легкой добычей рыцарей. Так же, как трутни... западноевропейские драконы после брачного полета не теряют крыльев, но уже не используют их по назначению. Именно так и объясняется нелетание, казалось бы, крылатых драконов.

Вполне разумно было бы предположить, что драконов-самцов гораздо больше, нежели самок... В таком случае

значительное количество западноевропейских драконов не могут удовлетворить свой половой инстинкт. У многих живых существ при этом меняется половая ориентация. Сексуально неудовлетворенный дракон начинает воровать или вымогать женщин. Различия в анатомии людей и драконов столь велики, что пленницы оказываются для похитителя совершенно бесполезными, однако неумолимый инстинкт диктует свое, приближая тем самым гибель несчастного животного».

Еще одна, тоже достаточно неожиданная, гипотеза С. Логинова заключается в том, что своим огненным дыханием драконы обязаны нефти. Он считает, что драконихи традиционно слетались на «нефтепой» в места выхода нефтяных месторождений на поверхность (например, в окрестностях Апшерона). Жидкое топливо питало огнедышащую железу, и «горячий воздух наполнял пустоты огромного драконьего тела, позволяя ему держаться в воздухе». Драконовед считает, что «защитная функция огнедышащей железы оказывалась, таким образом, вторичной». Тем не менее она тоже не была бесполезной: «В нужную минуту гладкая мускулатура нефтяного резервуара выбрасывала сквозь форсунку горла воздушно-капельную смесь, огнедышащая железа срабатывала вместо запальника, и змея превращалась в живой огнемёт. Струя пламени, вероятно, достигала сотни метров...» С. Логинов признает, что «сама по себе горящая нефть не столь уж и опасна», но он допускает, что в организме дракона нефть смешивалась с жиром съеденных чудовищем людей, загустевала и превращалась в подобие напалма... Кстати, резкое сокращение численности европейских драконов исследователь связывает с разработкой нефтяных месторождений человеком, приведшей к уничтожению открытых источников нефти.

Мнение С. Логинова о том, что огнедыхание является побочной функцией организма и что драконы используют горячий газ для полета, наполняя им пустоты своего тела наподобие дирижаблей, не нова. Подобную точку зрения еще в 1979 году выдвинул, например, Питер Дикинсон в книге «Полет драконов» (считая, что в качестве рабочего газа используется водород). Некоторые авторы предполага-

ют, что драконы с той же целью вырабатывают метан. Однако современный российский драконовед В. В. Горошков выступил с обоснованной критикой данной теории. В своей статье «Огнедыхание дракона» он пишет: «Главная ошибка этой гипотезы происходит из того, что метод передвижения рассматривается в отрыве от образа жизни предполагаемого дракона. Главная проблема воздухоплавательного метода — слабый контроль высоты. Он изменяется от перемены внешних условий, и, более того, для подобного метода не реализуем процесс стремительного снижения, необходимый для охоты с воздуха, поэтому воздухоплавание неприменимо для хищных организмов».

В. В. Горошков, взяв за основу «биологически адекватную модель дракона в условиях Земли», рассматривает возможные функции огненного дыхания и общий принцип огнеобразования. Исследователь приходит к выводу, что огнедыхание, выработавшееся у драконов в процессе эволюции, не могло использоваться ни для самосогревания, ни для охоты, ни тем более для воздушных боев с себе подобными. «В наземном бою необходимо учитывать опасность пожаров и пламени для самого дракона. В воздушных поединках точность выброса горючей смеси и определенность траектории ее полета недостаточны, чтобы попадать по врагу. Кроме того, области нагретого ей воздуха вносят хаос в аэродинамическую систему, делая невозможной маневренную схватку; а предполагаемые скорости полета драконов таковы, что от выплнутого перед собой напалма скорее пострадает плюющийся, чем его цель». Автор приходит к выводу, что огнедыхание возникло у драконов как способ самообороны против врагов, не обладающих этой функцией, и лишь потом, в процессе эволюции, стало использоваться и в других целях (например, во время брачных игр).

Проанализировав возможные химические и физические механизмы огнедыхания, В. В. Горошков делает вывод: «Таким образом, драконье огненное дыхание возможно при условии, что подходящее топливо для него может быть биологически синтезировано и изолировано в накапливающих его органах. Тогда оно представляет собой самовозгорающуюся жидкостную двухэлементную химическую систему

(при необходимости — с катализаторами), которая развивается у дракона для самообороны». Особо отметим, что подобная схема реализована и у вполне немифических жуков-бомбардиров.

Признавая огромный вклад статьи В. В. Горошкова в теорию аэродинамики драконов, авторы настоящей книги должны с сожалением констатировать, что исследователь так и не дает ответа на вопрос, как же, собственно, летают драконы. Крылья у некоторых их видов слишком малы, чтобы выдержать вес огромного тела; кроме того, достоверно, что отдельные виды вообще не имеют крыльев. О. М. Иванова-Казас пишет о драконах: «Живут они на земле (в пещерах), в воде и воздухе; многие, даже не имеющие крыльев, умеют летать». Столь же лаконично подходит к этому вопросу и Хорхе Луис Борхес в своей «Книге о вымышленных существах», сообщая: «У некоторых драконов нет крыльев, и они летают просто так». Видимо, вопрос о способе полета драконов еще ждет своего исследователя.

Некоторые особенности поведения драконов были описаны в начале семнадцатого века знаменитым английским исследователем мифозоев Эдвардом Топселлом. Он особо останавливается на огнедыхании драконов и сообщает, что эти животные своим дыханием опустошали целые местности. Топселл рассматривает особенности драконов, обитавших в разных географических зонах. Так, об индийских драконах он сообщает, что «при виде красного и золотого — глаза дракона закрываются и он засыпает». Эту особенность используют местные жители, промышляющие добычей драгоценных камней, из которых, как известно, состоит глазное яблоко индийского дракона. Охотники раскладывают у входа в логовище красную ткань, расшитую золотыми закливаниями, после чего забивают уснувшего зверя... Фригийские драконы, по сообщению Топселла, обладают настолько мощным дыханием, что с его помощью втягивают себе в пасть пролетающих мимо птиц. Делают они это, обязательно «повернувшись на запад», но с чем связана такая ориентация — Топселл не разъясняет. Если же дракон не насытился птицами, он прячется и из засады нападает на

проходящих мимо торговцев и пастухов. Правда, к счастью для последних, это случается достаточно редко, поскольку драконы боятся жары и редко выходят из своих земляных нор. Единственным спасением от жары для дракона является, по сообщению Топселла, кровь слонов (естественно, в тех странах, где водятся слоны, что же до драконов, то они водятся всюду), поскольку слоновья кровь — «самая холодная вещь на целом свете». Кроме того, драконы охотно употребляют дикий латук, ибо он нужен им для укрепления здоровья. А яблоки драконам есть нельзя — у них для этого слишком «нежное пищеварение».

Топселл укоряет скептиков, сомневающихся в существовании драконов, и приводит на сей счет множество самых достоверных свидетельств. В частности, в 1543 году, примерно за полвека до Топселла, в Германии были замечены сразу несколько драконов — их появление сопровождалось «пожарами и другими бедствиями».

Распространение христианства нанесло существенный ущерб численности драконов. Если раньше на борьбу с драконами могли выходить только особо выдающиеся воины, такие, как Геракл, Сигурд или Еруслан, то теперь ряды драконоборцев расширились за счет праведников и девственниц. Правда, справедливости ради надо отметить, что некоторые праведники проявляли по отношению к этим животным подлинную гуманность. Так, например, прославившийся своими аскетическими подвигами преподобный Симеон Столпник в пятом веке не только не уничтожил явившегося к нему дракона, но и излечил раненое животное. Эта история была подробно изложена учеником святого в его Житии:

«...Вслед за тем снова соорудили ему столп, сорока локтей в высоту, и стоял он на нем шестнадцать лет до кончины своей. В это время в северных землях, где даже травы не росло, не очень далеко от тех мест жил необычайной величины дракон, и попало ему в правый глаз дерево. И вот, однажды пришел этот окривевший дракон и, доковыляв, расположился у жилища, где проводил время сей человек Божий. Там он свернулся кольцом и, словно прося, начал трясти низко склоненной головой. Когда же блаженный Симе-

он увидел его, он тотчас же изъял из глаза его палку размером с локоть. Все видевшие это восславили Бога, однако из опасения убежали оттуда. Но зверь сей, свернувшись, лежал недвижно в одном месте, пока все люди не обошли его. После же, поднявшись, он почти два часа кланялся, стоя у входа в монастырь, а затем возвратился в свое жилище, не причинив никому вреда».

Но такие подвиги гуманности были редкостью, хотя нельзя не отметить, что драконы действительно наносили немалый ущерб и представляли опасность для населения и соблазн для язычников. Известен римский дракон, которому вплоть до начала четвертого века н.э. регулярно, в каждые календы (первый день месяца), приносили в жертву непорочных дев. Один из вариантов этой истории описан, в частности, в «Житии святого отца нашего Сильвестра, папы Римского», которое мы цитируем в изложении святого Дмитрия Ростовского.

«В то время в Риме, в глубокой пещере, под Тарпейскою скалой, гнезвился огромный змей, которому язычники всякий месяц приносили жертвы, как богу; когда же этот змей выходил из пещеры, он отравлял своим ядовитым дыханием воздух, и многие из живых вблизи того места умирали, чаще всего дети. Святой Сильвестр, желая избавить людей от пагубного змея и обратить их от безбожия к истинному Богу, созвал живших в городе христиан и заповедал им три дня поститься и молиться, причем сам постился и молился больше всех. В одну ночь явился ему в видении святой апостол Петр и повелел, чтобы он взял с собою несколько священников и диаконов и пошел без страха к пещере, где жил змей. При входе в пещеру Сильвестр должен был совершить божественную службу, потом войти внутрь пещеры и, призвав имя Господа Иисуса Христа, заключить там змея, чтобы он уже никогда не выходил оттуда. Святой, по повелению Апостола, пошел к пещере и, по совершении божественной службы, вошел туда и, найдя в ней какие-то двери, затворил их говоря:

— Да не открываются сии двери до дня второго пришествия Христова!

Так заключив в пещере змея, он лишил его выхода навеки. Язычники же думали, что Сильвестр со своим клиром

будет пожран змеем. Но когда они увидели его вышедшим без всякого вреда для него, то удивились; видя, что змей уже больше не выходит с тех пор, многие познали силу истинного Бога и присоединились к верующим».

Правда, некоторые христиане сомневались в достоверности этого чуда, равно как и в самом факте проживания дракона в самом центре столицы христианского мира. Итальянский гуманист пятнадцатого века Лоренцо Валла, которого никак нельзя заподозрить в атеизме (он был каноником церкви Иоанна Латеранского и собирался принять священнический сан), посвятил этой истории немало возмущенных строк в статье «Рассуждение о подложности так называемой дарственной грамоты Константина». Поскольку Лоренцо при этом сообщает интересные подробности по биологии драконов и истории античного драконоборчества, авторы настоящей книги взяли на себя смелость привести довольно большую выдержку из его статьи.

«Откуда явился этот дракон? В Риме драконы не рождаются. Откуда у него был яд? По рассказам, ядовитые драконы водятся в одной только Африке благодаря ее знойному климату. Откуда у него взялось столько яда, чтобы поразить чумой столь обширную страну? И это становится особенно удивительным, если учесть, что дракон находился в очень глубокой пещере, в которую вело 150 ступеней. Змеи, за исключением, может быть, василиска, вводят яд и убивают не своим дыханием, а укусом.

Катон, спасавшийся бегством от Цезаря и скитавшийся с большим отрядом среди песков Африки, не замечал, чтобы в пути или во время сна кто-либо из его спутников был умерщвлен змеиным дыханием. Туземные народы не считают воздух этих стран ядовитым из-за дыхания змей. И если хоть сколько-нибудь верить преданиям, то люди много раз видели и химеру, и гидру, и цербера и даже прикасались к ним, не причинив себе никакого вреда.

Пойдем дальше. Почему же римляне не убили этого дракона? Не могли, говоришь ты? Но Регул убил в Африке на берегу Баграды еще более громадную змею. А того дракона (что был в Риме) можно было убить легко; для этого достаточно было завалить отверстие пещеры. Или римля-

не не хотели его убивать? Наверное, они, подобно вавилонянам, почитали его, как бога. Даниил, как гласит легенда, убил вавилонского дракона, почему же Сильвестр не уничтожил римского дракона, которого он перевязал конопляной нитью и род которого погубил навеки?

...Кто построил для чудовища подземное жилище? Кто поместил его там и велел, чтобы оно не выходило и не улетало (ведь некоторые утверждают, что дракон умеет летать, другие же отрицают это)? Кто выдумал этот род пищи? Кто приказывал женщинам, и к тому же девам непорочным, чтобы они спускались вниз, и притом только в календы? Да разве дракон знал, что это за день — календы? Разве мог он довольствоваться такой скудной и редкой пищей? Неужели девы не страшились столь глубокой пещеры, неужели они не страшились столь громадного и столь голодного чудовища? Я думаю, дракон к ним ласкался как к женщинам, как к девам, как к приносящим пищу. Я думаю, он даже беседовал с ними. А почему бы ему (извините за выражение) и не сходиться с ними? Ведь рассказывают же об Александре и о Сципионе, что они родились от соития их матерей с драконом или змеей. Почему же позднее, когда ему отказали в пище, он не вышел наружу или почему он не умер?

О, сколь удивительна глупость людей, которые верят этим бабьим бредням!»

Нельзя не признать, что возражения Лоренцо Валлы небезосновательны, хотя и не всегда логичны. Тем не менее драконы в христианских землях водились согласно многим весьма достоверным источникам. Так, в начале пятого века об этих животных и об их взаимоотношениях с монахами, подвизающимися в Фиваидской пустыне, рассказал христианский епископ и писатель, ученик Иоанна Златоуста Палладий Еленопольский в «Повествовании о жизни святых и блаженных отцев». В одной из его историй идет речь о некоем авве Аммуне (словом «авва» древние христиане называли настоятеля монастыря), «совершившем в том месте весьма много чудес».

«...Большой дракон опустошал соседнюю страну и истреблял множество животных. Тогда жившие близ пустыни все вместе пришли к авве и просили истребить в их стране это-

го зверя. Но он, будто не умея ничего сделать для них, отпустил их в печали, а сам, вставши наутро, пошел по следам зверя. Когда авва трижды преклонил колена для молитвы, — зверь пришел к нему с сильным свистом, испуская страшное дыхание, надуваясь, шипя и издавая зловонный запах. Авва нимало не убоился и, обратясь к дракону, сказал: «Да паразит тебя Христос, Сын Бога живого, имеющий сокрушить великого зверя». Как только он сказал это, дракон тотчас расселся, изbleвав изо рта весь яд вместе с кровью. Придя на другой день и увидев это великое чудо, поселяне никак не могли стерпеть запаха от дракона и засыпали зверя песком. Тут же с ними находился и авва, ибо они одни не смели приближаться к дракону, хотя он был уже мертв».

Этот же святой муж прославился тем, что использовал драконов в качестве сторожей, поскольку его келью часто грабили разбойники. Не вполне понятно, что могло прельстить грабителей в жилище аскета, тем не менее Палладий Еленопольский пишет: «К нему часто приходили разбойники и забирали у него хлеб и пищу». Тогда авва Аммуна «пошел в пустыню, привел с собою оттуда двух больших драконов и велел им стоять на страже у своей двери». Когда разбойники в очередной раз навели подвижника, они «увидев чудо, онемели от ужаса и пали ниц», после чего полностью переродились духовно, «а чрез несколько времени и сами стали совершать такие же знамения». Так драконы способствовали росту благочестия.

В Поднебесной и ее окрестностях

Китай издревле славился исключительным разнообразием мифического животного мира. Мириады самых невероятных, с точки зрения европейца, существ населяли и населяют всю китайскую вселенную — и небеса, и землю, и подземное царство... Одни мифозои исполняют обязанности богов, другие — злых демонов (впрочем, разница между ними весьма размыта), третьи просто живут в лесах, реках и озерах. Они обитают не только в далеких окраинных землях, но и рядом с любым самым заурядным селением. Исторические хроники периодически, причем совершенно обыденно, сообщают о появлении драконов, а созданный в III–IV веках до н.э. географический трактат «Каталог гор и морей» для каждой местности Китая перечисляет десятки животных, в том числе обладающих весьма удивительным строением и свойствами.

Для того чтобы дать представление о широчайшем распространении мифозоев на территории Древнего Китая, авторы настоящей книги рискуют привести довольно большой, причем взятый практически наугад, отрывок из упомянутого трактата. Обратимся к первой его части, в которой

речь идет о «Южных горах» (современные ученые отождествляют их с юго-восточной территорией провинции Хунань).

«...В трехстах ли (около 75–80 километров. — *О. И.*) к востоку есть гора Основная (Цзи). На ее южном склоне много нефрита, на ее северном склоне множество удивительных деревьев. Там водится животное под названием *бочи*, похожее на барана, но с девятью хвостами и четырьмя ушами. Глаза у него расположены на спине. Имей его при себе, не будешь знать страха. Там водится птица, похожая на петуха, но с тремя головами и шестью глазами, шестью ногами и тремя крылами. Она носит название *чанфу*. Если съешь ее, не заснешь.

Еще в трехстах ли к востоку есть гора под названием Зеленый холм. На южном ее склоне много нефрита, на северном — много цинху (азурита? — *Прим. пер.*). Там водится животное, похожее на лису, но с девятью хвостами; звук его голоса напоминает плач ребенка. Оно может сожрать человека. Тому, кто съест его, не опасен яд змеи. Там водится птица, похожая на голубя, ее крик напоминает звуки “а... а...”, называется *гуаньгуань*. Если держать ее у себя, то не будешь испытывать сомнений. Отсюда берет начало река Цветочная (Ин), она несет свои воды на юг в озеро Цзии. В ней много красной *жу*, похожей на рыбу, но с человеческим лицом. Она кричит, как утка. Съешь ее, избавишься от чесотки...»

Множество мифозоев описано и в разделе «Каталога», посвященном Западным горам. Здесь, например, обитает существо под названием *Небесный Бог*, живущее, как это ни странно при таком имени, не на небесах, а в реке Инь: «Он похож на быка, но у него восемь ног, две головы и конский хвост... В том городе, где его увидят, быть войне». Ближайшим соседом Небесного Бога, согласно «Каталогу», является *Бог Холма* со знаменитой горной системы Куньлунь, — у него «туловище тигра и девять хвостов, человежье лицо и тигриные когти». Это замечательное животное управляет не только столицей китайских богов и первопредков, расположенной на Куньлуне, но и «девятью сводами неба». Здесь же, на Куньлуне, разбит мифический «Сад умиротворения Предка» — им управляет бог *Инчжао*. «У него тулови-

ще коня и человечье лицо. Он полосат, как тигр, но с птичьими крыльями. Носится над четырьмя морями».

На горе Средняя Цюй известны животные, похожие на лошадей. «...У них белое туловище, а хвост черный, один рог, клыки и когти, как у тигра. Их крик напоминает барабанный бой. Их называют *бо*. Они пожирают тигров и пантер. Могут предохранить от войны... Еще в двухстах шестидесяти ли к западу находится гора Гуй. На ее вершине водится животное, похожее на корову, но с иглами, как у ежа. Его зовут *цюнци*. Оно лает, как собака. Пожирает людей».

Богаты мифозоями и берега протекающей неподалеку Камыш-реки. «Там водится животное с лошадиным туловищем, но с крыльями, как у птицы, человеческим лицом и змеиным хвостом. Оно любит обнимать людей. Его называют *шуху*. Там водится птица, похожая на сову, но с человеческим лицом, туловищем обезьяны и собачьим хвостом. Ей дано имя по ее собственному крику. В городе, где ее увидят, быть большой засухе».

В Северных горах, на горе Гоуу, обитает замечательное животное, под названием *баосяо*, «похожее на барана, но с лицом человека». Глаза у баосяо расположены под мышками, что представляется несколько странным, ибо баран, в отличие от человека, не может расправить свои конечности, и злополучные баосяо навряд ли могут видеть что-либо, кроме травы у себя под ногами. Но, вероятно для компенсации этого недостатка, баосяо имеет «клыки как у тигра, ногти, как у человека». Проблемы со зрением не мешают ему охотиться и пожирать людей.

На горе Мачэн, по сообщению «Каталога», можно встретить животное, именуемое *небесная лошадь*. Почему «лошадь», авторы настоящей книги так и не поняли, ибо существо это — «вроде белой собаки, но с черной головой». Что же касается эпитета «небесная» — он вполне заслужен, поскольку удивительная лошадь-собака, «как увидит человека, взлетает», причем, по-видимому, без помощи крыльев, поскольку о них «Каталог» умалчивает. Надо отметить, что небесная лошадь «выкрикивает собственное имя» — впрочем, это — традиционная черта китайских мифозоев.

Другая редкостная собака, тоже выкрикивающая собственное имя — *цунцун*, — водится в Восточных горах. От своих обычных сородичей она отличается тем, что имеет шесть ног. В этом же регионе обитают птицы *лиху*, подобные уткам-мандаринкам, но с человеческими ногами. А южнее «водятся животные, похожие на лису, но у них по девять голов и девять хвостов, когти, как у тигра, их имя *лунчжи*». Они — людоеды, крик их подобен плачу ребенка. Еще южнее, в окрестностях горы Инь, обитают по крайней мере два мифозоя, имеющие немалое влияние на людей. «Там встречается животное, похожее на коня, но с глазами, как у барана, четырьмя рогами и бычьим хвостом; лает, как собака гао. Его называют *юю*. Где оно появится, в то царство придет много хитрецов. Там живет птица, похожая на дикую утку, но с крысиным хвостом. Ей нравится лазить по деревьям. Называется *сегоу*. В том царстве, где она появится, распространятся болезни».

Самым злокозненным существом из мифозоев, обитающих в Восточных горах, можно, вероятно, признать зверя по имени *фэй*, живущего на горе Великой. «Каталог» сообщает: «В тех местах есть животное, похожее на быка, но с белой головой, одним глазом и змеиным хвостом. Оно называется *фэй*. Если оно входит в воду, та высыхает; ступит по траве, та увянет. Когда оно появится, в Поднебесной начнется большой мор».

В Центральных горах Китая, на реке Светлой, обитают удивительные змеи *хуа*. Влияние их на природу противоположно тому, какое оказывает *фэй*, — их появление предвещает большое наводнение. Почему «Каталог» относит их к змеям, не вполне понятно, поскольку эти замечательные животные имеют «туловища, как у шакалов, крылья, как у птицы», а лица — как у людей. Правда, передвигаются они действительно, как змеи, причем «кричат *хухэ*, будто бранятся». Вообще, надо отметить, что анонимный автор (или, скорее, авторы) «Каталога» не всегда в ладах с зоологией — по крайней мере, в современном смысле этого слова. Так, рыба-дракон *лунъюй*, по их утверждению, «похожа на дикую кошку», живет на суше (на холме) и служит чем-то вроде

ездового животного для некоего бога. Почему это существо именуется рыбой, авторам настоящей книги не известно.

Весьма удивительным животным, связанным с метеорологией, был *Куй*, обитавший на горе Движущейся волны в Восточном море. В «Каталоге» говорится: «На ее вершине живет животное, похожее на быка, с туловищем изумрудного цвета и без рогов, с одной ногой. Когда оно входит в воду или выходит из нее, то тут же поднимается ветер и льет дождь. Оно светится, как солнце и луна, гремит, как гром. Его имя — Куй. Желтый предок схватил его, сделал из его кожи барабан. Палки к нему он сделал из костей Громова Животного. Его бой пугает Поднебесную и слышен на пятьсот ли». Интересно, что наличие одной-единственной ноги не мешало замечательному быку входить в воду и выходить из нее. Впрочем, согласно китайскому словарю первого века н. э. «Шовэнь цзе-цзы», Куй — это не бык, а дракон (правда, тоже одноногий). Но кем бы ни было это животное, гибель его от рук мифического основоположника китайской государственности не отразилась на существовании вида. Описывая гору Минь (в современной провинции Сычуань), «Каталог» сообщает: «Среди ее животных — носороги, слоны, быки куй. Среди птиц — фазаны». В районе истоков Хуанхэ, согласно тому же «Каталогу», «преобладают быки куй, лоси, зайцы и носороги».

Множество гор, описанных в «Каталоге», имеют каждая своего духа, который, как правило, предстает в облике мифического животного. Так, у некоторых духов Южных гор — «драконьи туловища и птичьи головы», Восточных гор — «звериные туловища и человеческие головы с рогами», у духов массива Цзи — «человеческие лица и птичьи туловища», а у духов массива Шоуян — «туловища драконов и человеческие головы». Весьма оригинальные мифозои ведают семнадцатью горами, расположенными от горы Цянь до горы Чертополоха (Лай). «У их десяти духов человечьи лица и лошадиные туловища, у семи духов человечьи лица и туловища быков, по четыре ноги и одному плечу; при ходьбе они опираются на посох. Эти духи — летающие животные».

Поскольку число священных гор, располагающихся на территории Поднебесной, в «Каталоге» указано — их 5370, — можно представить, какое огромное количество мифозоев ведает одними только горами. А ведь свои духи-покровители, как правило негуманоидные, есть и у других географических объектов и даже понятий. Так, например, бог Востока имеет «птичье туловище и человеческое лицо» и ездит на двух драконах. А богом Севера назван некий «Обезьяний силач» — почему он носит такое прозвище, не вполне понятно, ибо у силача этого «человеческая голова, птичье туловище, в уши продеты две зеленые змеи, под ногами две зеленые змеи». Бог долины Утреннего света (являющийся по совместительству повелителем реки Хуанхэ и носящий имя Небесный У) «имеет вид животного желто-зеленого цвета с восемью головами, у каждой по человеческому лицу; с восемью ногами и восемью хвостами».

Среди мифозоев, связанных с географическими объектами, можно особо отметить бога Горы-Колокол по имени Освещающий Тьму, или *Чжуинь* (он же — *Чжу-лун*). Это огромный красный змей с человеческой головой и «длиной в тысячу ли». В Древнем Китае «ли» — это около 250 метров (в современном — примерно в два раза больше), следовательно, длина этого животного — около 250 километров. Змей этот ведает сменой дня и ночи: «Когда смотрит — наступает день, закрывает глаза — опускается ночь». Кроме того, про него сообщается, что он «не пьет, не ест, не дышит». Но, судя по всему, животное это все-таки иногда дышит, поскольку далее про него же говорится: «А если вздохнет — поднимется ветер».

Богаты мифозоями и воды Китая. Из рыб, которые обитают в реках Западных гор, можно отметить рыбу *ю*, «похожую на петуха, но с красными перьями (плавниками), тремя хвостами, шестью ногами и четырьмя головами» и голосом, напоминающим сорочий. Будучи съеденной, она помогает исцелиться от печали. У рыба *хэло* на одну голову приходятся целых десять туловищ, голос она имеет собачий и помогает излечивать чирьи. В Северных горах водится рыба *чжи* — у нее «туловище рыбы, а голова собаки»; она «кричит, как

маленький ребенок» и исцеляет «от помрачения разума». В реке Цветочной во множестве обитают некие красные жу — похожие на рыбу, но с человеческим лицом; они кричат, как утки.

Во многих реках Китая водятся так называемые *жэньюй* — человеко-рыбы, которых переводчики на европейские языки почему-то иногда называют саламандрами. Впрочем, архимандрит Палладий, начальник Русской православной миссии в Пекине и создатель китайско-русского словаря, в девятнадцатом веке писал, что жэньюй — это морские животные величиной в фут, с четырьмя лапами и дыхательным отверстием на лбу; Палладий также сообщил, что, с точки зрения самих китайцев, жэньюй могут превращаться в прекрасных мужчин и женщин и склонять обычных людей к прелюбодеянию. Но несмотря на то, что существа эти были, вероятно, сходны с европейскими русалками, практичные китайцы использовали их жир для наполнения светильников.

Очень распространены в Китае самые невероятные пернатые. Согласно «Каталогу», в Южных горах водятся птицы *цюй*, «похожие на цаплю, но с белой головой, тремя лапами и человеческим лицом». В этом же регионе встречается *юй*, напоминающая сову, но имеющая «человечье лицо, четыре глаза, уши». Ее появление предвещает большую засуху. В Западных горах живут птицы, похожие на диких уток, но имеющие всего по одному глазу и одному крылу, — беднягам приходится летать, «поддерживая друг друга». У птицы *сяо* тоже один глаз, зато четыре крыла, и в дополнение имеется собачий хвост. У зеленой, в красную полосочку, птицы под названием *бифан* — только одна нога. Зато у птицы *бэнь* целых шесть ног — это нарядное существо, похожее на сороку, но с белым оперением и красным хвостом. Сколько ног, крыльев и глаз у птицы *чи*, «Каталог» умалчивает, но зато доподлинно известно, что у нее три туловища (впрочем, голова при этом только одна). Довольно много избыточных (с традиционной точки зрения) конструктивных элементов у птицы *суаньюй* — сама она похожа на змею, при этом обладает четырьмя крыльями, шестью глазами и тремя ногами. «В том городе, где ее увидят, испытают сильный

страх». «Каталог» не разъясняет, пугаются ли люди самой птицы, или же она лишь знаменует собой грядущие страхи. Впрочем, упомянуты в «Каталоге» и пернатые, представляющие непосредственную опасность для человека. Среди них, например, *цицяо* — птица, «похожая на петуха, но с белой головой и ногами, как у мыши, когтями, как у тигра» — она «поедает людей».

Особый интерес представляет китайская разновидность феникса — *фэнхуан*. Птица эта, в отличие от описанных ранее перелетных фениксов, мигрирующих между Передней Азией или Индией и Египтом, размножается обычным образом — «Каталог» упоминает самцов и самок фениксов. Самосожжением фэнхуан не занимается, но, как и ее западный собрат, имеет отношение к стихии огня, считается его олицетворением. Кроме того, ее соотносят с югом и летом. Эта же птица, будучи одной из ипостасей божества ветра, в далекой древности исполняла обязанности посланца небесного императора Тянь-ди. Позднее на фениксах путешествовали по небу даосские святые. «Каталог» сообщает, что фэнхуан «похожа на петуха, пятицветная, с разводами». Разводы эти напоминают наиболее чтимые китайцами иероглифы: узор на голове читается как *дэ* (добродетель), на крыльях — *и* (справедливость), на спине — *ли* (благовоспитанность), на груди — *жэнь* (совершенство) и на животе — *синь* (честность). «Она ест и пьет, как обычная птица. Сама поет и сама танцует. Когда ее увидят, в Поднебесной наступят спокойствие и мир». Впрочем, увидеть замечательную птицу не так-то просто, и сам великий Желтый император Хуан-ди мечтал об этой чести.

Современный китайский исследователь Юань Кэ пишет: «Как говорится в книгах, даже сам Хуан-ди никогда не видел фениксов и очень хотел взглянуть на них. Он спросил сановника Тянь-лао, как выглядят фениксы. Тянь-лао, вероятно, тоже их никогда не видел и сказал Хуан-ди, что “спереди феникс напоминает лебедя, со спины он похож на единорога цилиня. У него шея змеи, хвост рыбы, окраска дракона, туловище черепахи, подбородок ласточки, петушиный клюв”». Позднее об этих замечательных пернатых мечтал Конфуций, живший в беспокойное время и с сожалением

восклицавший: «А фениксы не появляются!» Впрочем, существовали в китайской мифологической географии и территории, где фениксы были не в диковинку и люди даже питались их яйцами. Такова, например, Долина Плодородия в Заморье Запада. Яйца фениксов очень крупные — «Каталог» сообщает, что люди «держат обеими руками каждое яйцо феникса, когда едят их».

На территории Китая, согласно «Каталогу», обитают фениксы «трех видов»: *фэн*, *хуан* и *луань*. Многие исследователи считают (с учетом и других источников), что *фэн* — это название самца, а *хуан* и *луань* — самок. Впрочем, все не так однозначно, поскольку «Каталог» говорит о «яйцах птицы-феникса *фэн*», и это наводит на мысль, что либо самцы фениксов несутся (но тогда они, в сущности, и есть самки), либо различия между *фэн*, *хуан* и *луань* сложнее, чем различия половые. Что же касается разницы между *хуан* и *луань*, авторы настоящей книги и вовсе отчаялись ее постигнуть. Во всяком случае, это не просто разные названия самок — в «Каталоге», в частности, сказано: «К западу... живут птицы фениксы *фэн*, *хуан* и *луань*. На головах и на ногах у них висят змеи, на груди тоже змеи красного цвета». При описании царства Плодородия «Каталог» сообщает, что там «птица феникс *луань* поет, а птица феникс *хуан* танцует».

Надо отметить, что фениксы вообще склонны к изящным искусствам, причем соблюдают строгое разделение жанров. В каждом из регионов Китая существует своя популяция фениксов, о которой, как правило, сообщается, кто именно здесь поет, а кто танцует. Так, например, на берегах реки Черной, в долине Дугуан, поют птицы *луань*, но танцуют уже птицы *фэн*. Интересно, что не только *фэн*, но и *хуан*, и *луань*, согласно «Каталогу», «носят доспехи и оружие», но с кем они воюют и воюют ли вообще — источник умалчивает.

Как феникс-*фэнхуан* считается главной среди китайских птиц, так и среди зверей главным является единорог — *цилинь*. Собственно, животных с одним-единственным рогом китайская традиция знает не так уж и мало. Среди них — обычный носорог, упомянутый в «Каталоге» и носящий имя *си*; экзотический *жучжэн*, похожий на красного барса, «но

с пятью хвостами и одним рогом»; *дундун*, похожий на барана, но с одним рогом и одним глазом, расположенным за ухом; уже упоминавшийся нами конеподобный *бо*, предохраняющий от войны, — обладатель одного рога и тигриных когтей... Особо можно отметить животное под названием *желтый Чэн*, или *чэнхуан*, — оно напоминает лисицу, рог же свой носит на спине; «кто ездит на нем, живет тысячу лет». По своим внешним данным европейского единорога больше всего напоминает *хуаньшу* — он похож на коня и имеет один рог «с резьбой». Но все эти, по-своему замечательные, животные не обладают теми воистину уникальными свойствами, которыми наделен цилинь.

Цилинь — видовое название; самец редкостного мифозоя именуется ци, а самка — линь. Строение тела цилиня в разных источниках описывается по-разному, но, во всяком случае, он сочетает в себе черты разных животных. Традиционно у древних цилиней — тело оленя, шея волка, хвост быка и копыта коня. Масть бывает самая разнообразная: известны разноцветные, бурые, белые, темно-красные и зеленые цилини. Позднее стали известны цилини с телом льва и крыльями. Но классический китайский единорог крыльев не имеет, что, впрочем, не мешает ему летать. Да и просто передвигаясь по земле, цилинь практически парит над ней, так как он, будучи животным абсолютно мирным, не может позволить себе ни раздавить букашки, ни сломать травинки. Потому и рог у цилиня, в целях общественной безопасности, оканчивается мягким мясным наростом. Животное это издревле считалось воплощением гуманизма, а его единственный рог символизировал единовластие государя. Кроме того, цилинь, согласно народным верованиям, отраженным в лубочных картинках, приносил матерям младенцев мужского пола, выполняя роль европейского аиста.

Цилини были животными чрезвычайно редкими. Известно, что на них ездили некоторые бессмертные даосы, но простому народу они почти не показывались. К девственницам китайские единороги, в отличие от своих европейских собратьев, были равнодушны, но питали некоторое пристрастие к мудрым и гуманным правителям, в царствование которых иногда появлялись на людях. Кроме того, единорог

мог явить себя народу в качестве предзнаменования особо значимых событий.

Китайские хроники, пестрящие сообщениями о драконах, о цилинях упоминают скупое. Согласно написанной в четвертом веке н. э. книге «Ши и цзи», незадолго до рождения Конфуция некий цилинь не только показался на людях, но и исторг изо рта пророческое письмо о грядущей судьбе династии Чжоу. Но книга эта была создана через тысячу лет после описываемых событий, современники же никакого единорога, предшествующего рождению мудреца, не наблюдали. Значительно более достоверными представляются сведения о единороге, который появился и был пойман уже при жизни Конфуция, в правление Ай-гуна, в 481 году до н.э. Об этом сообщают многие источники, в том числе и текст, приписываемый самому Учителю Куну. Возможно, это была первая поимка единорога, зафиксированная современниками. По крайней мере, крупнейший китайский историк Сыма Цянь, живший во втором—первом веках до н. э., пишет: «...От начала мира до поимки цилиня всего прошло три миллиона двести семьдесят шесть тысяч лет, делящихся на десять периодов, на протяжении которых всего прожило семьдесят тысяч шестьсот поколений». Что свидетельствует либо о том, что единороги в Китае были очень редки, либо о том, что в древности там слишком редко встречались мудрые и гуманные правители.

Впрочем, если появления первого цилиня китайцам пришлось ждать три с лишним миллиона лет, то второй, согласно тому же Сыма Цяню, был пойман через три с половиной века после первого, в 122 году до н.э., что знаменовало могущество правящей династии Хань.

Интересно, что в расположенном рядом Вьетнаме единороги, по-видимому, были меньшей редкостью. «Краткая история государства Вьет» сообщает, что в 1029 году «осенью, в 8-ю луну округ Хуаньчжоу преподнес королю двух единорогов».

Очень многие мифозои находили у китайцев какое-либо практическое применение: на них охотились, их использовали в магии, медицине, в кулинарии... Польза от одних была

весьма ограничена: мы уже упоминали животных, которые помогали излечивать чесотку или бороться со сном. Но были среди них и существа исключительной ценности. Юань Кэ пишет, например, о *фыншэншоу* — «звере, рожденном ветром». Это зеленое животное, напоминающее барса, но величиной с кошку, обитало в лесах возле Южного моря. Мозг фыншэншоу, смешанный с цветами хризантемы, славился как исключительное средство для достижения долголетия. Следовало регулярно принимать определенное количество этого снадобья в точно установленное время; общая доза для одного человека составляла десять цзиней (около пяти килограммов) — это давало возможность дожить до пяти-сот лет. Естественно, что на фыншэншоу активно охотились (Юань Кэ сообщает, что для этого использовали сети), но главная проблема состояла в том, что пойманного зверя было очень трудно убить. Нож его не брал, в огне он не горел — единственным средством были удары молотом по голове, но таких ударов надо было нанести несколько тысяч. И даже после этого мертвый фыншэншоу раскрывал пасть против ветра и ждал, чтобы ветер попал ему в рот, — достаточно было одного дуновения, чтобы животное мгновенно ожило. Охотнику следовало в этот момент заткнуть ему пасть пахучей травой чанпу, и только после этого он мог воспользоваться своей добычей.

Еще одно очень полезное животное, которое, судя по «Каталогу», можно было встретить едва ли не по всей территории Поднебесной, называлось *шижоу*, или *дающий мясо*. Сам «Каталог» не разъясняет, что же это за зверь, но подробное описание его, опираясь на другие источники, приводит Юань Кэ. Он пишет: «Шижоу часто упоминается в “Книге гор и морей”. Всегда, когда речь заходит о знаменитых горах и водах или о могилах известных правителей древности, рассказывается и об этом чудище. Что же это такое? Оказывается, это было живое существо, совершенно лишенное костей и конечностей, представлявшее собой только комок мяса, несколько напоминавший печень быка, но с парой маленьких глаз. Это странное существо люди считали самой прекрасной пищей, так как, согласно преданию, его мясо нельзя было съесть до конца; съешь кусок, а на этом месте выраста-

ет новый, и шижоу приобретает прежнюю форму. Для великих предков, покоившихся в земле, оно служило вечно неистощающейся пищей...»

Юань Кэ сообщает, что подобные животные известны не только из «Каталога» и пищей они служили не только для усопших. Так, сохранились сведения о замечательной корове, жившей в области Юсе, — отрезанная от нее плоть нарастала в течение дня. Более того, срезание мяса с бедного животного было не актом варварства, а необходимостью — корова могла погибнуть, если эта процедура не повторялась по крайней мере раз в десять дней. Кстати, китайцы рассказывали, что не они одни занимались столь необычным видом мясного скотоводства. По Поднебесной ходили слухи о том, что среднеазиатские кочевники юэчжи разводили овец с необычайно толстым и длинным хвостом — эти хвосты можно было отрезать и употреблять в пищу, а на их месте отрастали новые.

Говоря о хозяйственном использовании мифозоев, нельзя не упомянуть мышь, обитавшую в пламени, которое некогда опоясывало горный хребет Куньлунь. Юань Кэ пишет: «В этом большом пламени жила мышь величиной поболее быка, а весом в тысячу цзиней (около 500 кг. — *О. И.*), и каждая шерстинка длиной в два чи (около 60 см. — *О. И.*) на ее шкуре была тонка, как шелковая нить. У этой мыши, жившей среди огня, тело было красное, а когда она выходила из пламени, то становилась белой, как снег. Как только она отделялась от огня, она немедленно обливала себя водой и умирала, и тогда ее шерсть стригли, пряли нить и ткали материю, а потом шили из нее одежду. Ее никогда не надо было стирать, а если она пачкалась, то нужно было бросить ее в огонь, и она становилась чистой, как новая...»

История мифических животных Китая теснейшим образом связана с «человеческой» историей, причем именно в Поднебесной провести границу между людьми и мифозоями, наверное, труднее, чем в любом другом регионе мира. По крайней мере, в древности люди, животные, мифозои, духи и боги не составляли разных групп, а рожали друг друга и превращались друг в друга, нимало не смущаясь биологическими

различиями. Так, прародители китайцев, полубожественные *Фу-си* и его жена *Нюй-ва*, имели человеческие головы, но змеиные (или драконьи) туловища (иногда — нижние части туловищ). Причем сохранились сведения о том, что в самой седой древности у *Фу-си* был облик человеко-птицы. Позднее он приобрел змеиные черты и стал верховным владыкой Востока. У его ближайшего помощника, по имени *Гоу-ман*, было лицо человека и тело птицы, что не мешало ему носить белые одежды и летать на двух драконах сразу.

Основоположник китайской государственности, Желтый император, или *Хуан-ди*, имел, согласно преданию, лик дракона (или даже четыре таковых, поскольку не исключено, что у знаменитого императора было четыре головы или, по крайней мере, четыре глаза). Передвигался он на колеснице, запряженной слонами, управляла ею одноногая птица с человеческим лицом — бифан. Сопровождала колесницу шестерка драконов. Еще один, особо одаренный, дракон *Ин-лун* помогал императору в битвах. Кстати, некоторым тонкостям военного дела Желтого императора научило существо по имени *Сюань-ньюй*, имевшее женскую голову и птичье тело. Среди противников, с которыми *Хуан-ди* довелось воевать, было племя потомков его единоутробного брата, *Янь-ди*. Возглавлял их некто *Чи-ю*. *Юань Кэ* пишет: «В древних книгах говорится: “У *Чи-ю* было восемьдесят один или семьдесят два брата, каждый из них был страшен и необычен, имел медную голову, железный лоб, звериное тело, коровьи копыта, четыре глаза и шесть рук, умел говорить по-человечьи”, рассказывают также, что на голове у *Чи-ю* рос крепкий и острый рог, а когда волосы за ушами вставали торчком, они напоминали мечи и трезубцы, некоторые считают, что у *Чи-ю* было восемь рук и восемь ног... Удивителен не только внешний вид *Чи-ю*, еще удивительнее то, чем он питался. Его обычной пищей были песок, камни и куски железа».

Необычный внешний облик и своеобразное окружение не помешали *Хуан-ди* считаться предком вполне реальных людей. Впрочем, имелись среди его потомков и родственников и явные мифозои. Так, внучатый племянник императора, бог *Гунь*, первоначально был гигантским китом,

спина которого простиралась в море на много тысяч ли, но периодически превращался в столь же огромную птицу. Интересно, что дедом выдающегося кита считался некто Хань-лю, который, несмотря на свое божественное происхождение (а может быть, и благодаря ему), выглядел, по описанию Юань Кэ, следующим образом: «шея длинная, уши маленькие, лицо человека, но со свиным рылом, тело единорога — цилиня, обе ноги срослись вместе и напоминали копыта свиньи». Сын Хань-лю, Чжуань-сюй, был похож на своего отца, что не помешало ему унаследовать императорский трон и стать отцом многих диковинных существ, среди которых был и уже упоминавшийся Гунь. Из тела погибшего Гуня родился его сын Юй, имевший облик двурогого дракона и свершивший немало славных подвигов, — в частности, он сумел остановить страшное наводнение, проведя по территории Поднебесной множество каналов и исправив русла рек.

Помимо деятельности на ниве мелиорации, Юю довелось сразиться со множеством чудовищ и драконов. В качестве примера можно назвать девятиглавого змея Сянлю, который своими девятью головами «хватал пищу с девяти гор». Юань Кэ пишет: «Самым ужасным было то, что как только он чихал, появлялось большое озеро. Вода в нем была неприятной и горькой. Люди, выпившие эту воду, могли умереть, звери и птицы не могли жить поблизости. После усмирения потопа Юй, пользуясь своей чудесной силой, убил Сянлю. Народ был избавлен еще от одного зла. Из трупa огромного девятиглавого чудовища водопадом полилась вонючая кровь. Там, куда она попала, не могли расти злаки. Из чудовища вылилось еще много жидкости с таким неприятным запахом что поблизости нельзя было жить. Юй забросал воду землей. Он делал это три раза, но все три раза вода снова просачивалась. Тогда Юй решил оставить там озеро, но соорудил башню, чтобы придавить нечистую силу. Эта башня находилась на северном склоне горы Куньлунь».

Не вполне понятно, сохранил ли Юй свой драконий облик до конца дней, — во всяком случае, достоверно известно, что он по взаимной любви женился на девушке из Тушани. Есть основания думать, что к этому времени знаменитый

герой был уже похож на человека, потому что, когда однажды ему довелось временно превратиться в медведя, жена его так испугалась, что обратилась в камень. Сыма Цянь уже во втором—первом веках до н.э. и вовсе отрицал драконью сущность Юя, уверяя, что параметры именно его тела были использованы для установления мер длины и веса. Историк также сообщал, что Юй «по суше... ездил в повозке, по воде передвигался на лодке, по грязным местам ходил в мокроступах, по горам ходил в обуви с шипами» — что совершенно нетипично для драконов... Но каков бы ни был истинный облик Юя, этот потомок Хуан-ди свершил немало полезных дел на службе у государя по имени Шунь, и тот сделал его своим преемником. Так была основана династия Ся, открывшая эпоху «Трех династий» — древнейшую историческую эпоху Китая.

Надо сказать, что превращению мифозоев в исторических персонажей немало способствовала конфуцианская традиция. Реалистически настроенный Учитель Кун и его преемники немало потрудились, перетолковывая древние мифы и обращая самых невероятных зверей в достаточно тривиальных правителей и их чиновников. Такова была, например, судьба замечательного животного *цюнци*. В Древнем Китае был известен зверь цюнци — сын мифического правителя Запада Шао-хао и потомок императора Хуан-ди. В «Каталоге гор и морей» сказано, что он «похож на тигра, но с крыльями» и что он «пожирает людей, начиная с головы», хотя, согласно тому же «Каталогу», существует и противоположная точка зрения: что цюнци пожирал людей, начиная с ног. Кроме того, другой раздел «Каталога» сообщает, что цюнци «похож на корову, но с иглами, как у ежа». Но каковы бы ни были традиции и внешний вид чудовища, его гастрономические пристрастия имели одну совершенно уникальную особенность: оно предпочитало честных людей. Юань Кэ, ссылаясь на древние источники, пишет о цюнци: «Услышав, что люди спорят между собой, он пожирает того, кто прав. У людей верных и честных он отгрызает носы, людям же, творящим зло и неправду, он приносит в дар убитых им зверей». Однако конфуцианские традиции взяли свое, и Сыма Цянь на рубеже второго и первого веков

до н.э. так писал о звероподобном потомке правителя Запада: «В роду Шао-хао тоже был бесталанный потомок, который вредил честным, ненавидел преданных, ценил и умел приукрашивать дурные речи, за что в Поднебесной его прозвали “Цюн-ци” (“Странный”)».

Интересно, что цюнци был не единственным зверем Китая, который мог отличать честных людей от преступников. Известно, что у правителя Шуня (того самого, который впоследствии передал трон двурогому дракону Юю) служил замечательный судья Гао-яо, умевший без труда разрешить самое запутанное дело. Сам Гао-яо был скорее человеком (хотя и изображался с птичьим клювом и зеленым лицом либо с лошадиной мордой). Но отправлять правосудие ему помогал священный однорогий баран *сечжай*. Юань Кэ пишет: «У барана росла длинная синеватая шерсть, он был очень крупным и напоминал медведя. Летом он жил на берегу озера, а зимой — в сосновом лесу. Он был прямодушен и справедлив. Увидев ссорящихся, он бодал виноватого. Поэтому Гао-яо с лошадиной мордой и держал этого священного барана. Во время разбора дела Гао-яо достаточно было пригласить спорившие стороны во дворец и приказать барану бодать виноватого — и сразу становилось ясно, кто прав, кто виноват. Все это ускоряло и упрощало разбор дела».

Многие мифозои, водившиеся на территории Поднебесной, представляли опасность для людей, и китайцы по мере сил истребляли их. Особенно прославился на этом поприще знаменитый стрелок И — тот самый, который поразил своими стрелами девять из десяти солнц и спас землю от засухи. Одним из подвигов стрелка была победа над свирепым зверем по имени *Яюй*. Зверь этот когда-то был небесным божеством, но чем-то не угодил своим собратьям, и те задумали убить его. Заговор не удался, но опальному богу пришлось спуститься на землю и броситься в реку Жошуй, где он, согласно Юань Кэ, «превратился в странное животное с головой дракона, туловищем быка, лошадиными ногами и когтями тигра». Некоторое время он наводил ужас на окрестности, но в конце концов был уничтожен стрелком И. Правда, потомство Яюй, судя по всему, успел оставить — «Каталог» назы-

вает несколько местностей на территории Поднебесной, где обитает существо с тем же названием. Один из упомянутых «Каталогом» яеув похож на буйвола с красным туловищем и человеческим лицом, о другом известно, что он «драконо-головый», — все они пожирают людей.

Другим подвигом стрелка И был уничтожение чудовища, называемого *цзочи*, или «Зубы-лезвия». Комментатор эпохи Хань, Гао Ю, писал: «Зубы-лезвия — имя животного. Зубы у него длиной в три чи и похожи на острия. Опускаются ниже подбородка. Он держит дротик и щит». О том, что замечательный зверь пользовался щитом и дротиком, сообщает и «Каталог». Возможно именно этот, не вполне типичный для животных, факт и заставил Го Пу, писателя третьего — четвертого веков н. э., объявить цзочи человеком — правда, имеющим зубы «точно лезвия, длиной в 5—6 чи». В сегодняшнем Китае чи равен трети метра, раньше это значение варьировалось, но не слишком сильно. Так или иначе, существо, имеющее зубы по крайней мере в полтора метра длиной, трудно назвать человеком. Но кем бы ни был злосчастный цзочи, щит ему не помог, и он пал от руки великого стрелка.

На берегах реки Сюншуй стрелок И уничтожил свирепого *цзюина* — девятиглавого зверя, извергавшего из своих девяти пастьев огонь и воду сразу. Возле Озера зеленого холма он убил гигантскую птицу *дафын* — взмахи ее крыльев поднимали ветер, опустошавший окрестности. Особо опасным противником стрелка оказался *башэ*, удав из озера Дунтинху, — этот зверь опрокидывал плавающие по озеру лодки и пожирал рыбаков. Мог он поживиться и проходившим мимо слоном — башэ переваривал такую добычу три года, после чего выплевывал кости. Кости эти помогали от болей в сердце и животе, но все же вреда от гигантского удава было гораздо больше, чем пользы. Стрелок И отправился на охоту за зловредным змеем на лодке и едва не погиб от поднятых чудовищем волн. Он выпустил в башэ несколько стрел, но зверь был настолько живуч, что добывать его пришлось мечом. Останки чудовища вытащили из воды; позднее из них образовался холм, который и по сей день можно видеть на окраине города Юэян.

И наконец, последним подвигом стрелка И стало убийство громадного кабана, опустошавшего окрестности Тутювского леса. Сам по себе кабан, конечно, не может быть признан в должной мере мифическим животным, но этот зверь, называемый *фынли*, не только портил посевы (что типично для любой свиньи), но и пожирал домашний скот и даже людей (что дает ему право появиться на страницах настоящей книги). Впрочем, злокозненный *фынли* недолго бесчинствовал на Центральной равнине — стрелок И ранил его и поймал живьем к радости окрестных жителей.

Одними из самых значимых животных китайской мифологии были *драконы*. При этом надо отметить, что распространены они были не так уж и широко. «Каталог гор и морей», например, перечисляя животных, реальных и мифических, обитающих в каждой местности, драконов упоминает достаточно редко, причем только водных, — о некоторых реках сообщается, что в них «много драконов». Гораздо чаще в «Каталоге» фигурируют духи, имеющие либо туловище, либо голову дракона. И конечно, здесь названы поименно некоторые особо выдающиеся драконы, сыгравшие важную роль в становлении китайской государственности и культуры. Роль эта была настолько велика, что драконы, несмотря на их ограниченное распространение в Поднебесной, стали поистине символом Китая. И если рассмотреть тех мифозоев, которые названы в мифах и исторических хрониках персонально, именно драконы, пожалуй, действительно являются самыми многочисленными.

О. М. Иванова-Казас, уделившая немало внимания изучению и сравнительному анализу различных видов драконов, отмечает, что азиатские драконы, в отличие от европейских, характеризуются по большей части мирным характером и полезностью для человека. Исследовательница отдельно рассматривает особенности китайских драконов, и авторы настоящей книги, не будучи биологами, предпочли достаточно надолго предоставить слово этому крупнейшему специалисту в области драконологии. О. М. Иванова-Казас пишет:

«У китайских драконов представлены разные морфологические типы, но наиболее типичной является ящерица с очень длинным змеевидным телом и четырьмя когтистыми лапами; ее самая интересная деталь — голова, которая похожа на голову какого-то фантастического зверя с разинутой клыкастой пастью, большими выпученными глазами, с раздутыми ноздрями или носом, похожим на пяточок свиньи, а иногда и с рогами; обычно на голове имеются также какие-то нитевидные придатки, как у “рыбы сом с большим усом”; такие же придатки, к тому же еще и разветвленные, бывают и на других частях тела; таким образом, это ящерица с головой неизвестного зверя. Крылья у китайских драконов бывают очень маленькие, так сказать, символические (но без перьев...).

Китайские драконы были обоеполыми животными. Самки откладывали на берегах рек яйца, похожие на крупные камни (иногда драгоценные). Эмбриональное развитие продолжалось несколько столетий. Вылупление из яиц молоди сопровождалось бурей с дождем и громом. Новорожденные драконы выглядели как маленькие змейки, еще не имеющие крыльев. Чешуя у них была мягкая и постепенно (в течение целого года) затвердевала. Рост драконов продолжался 1500 лет, потом 500 лет требовалось, чтобы у них развились рога, еще 1000 — для развития крыльев. Очень вероятно, что различия в строении разных китайских драконов имеют возрастной характер.

При всем своем могуществе китайские драконы боялись некоторых вещей — железа, пчелиного воска, тигров и даже сороконожек. Считая драконов священными животными, китайцы, однако, не стеснялись использовать части их тела, которые считались целебными, и изготавливали из них различные лекарства. Так, из растертых в порошок костей делали лекарства от желчных камней, паралича ног и болезней беременных женщин, из зубов — средства для лечения душевнобольных, а из мозга и печени — для лечения дизентерии. Слюна драконов употреблялась для изготовления красителей и духов, жир, который горел очень ярко, использовали в светильниках».

Многие китайские императоры имели своих ручных драконов, ко многим драконы являлись в качестве предзна-

менований. Эта традиция шла из глубины веков: известно, что к прародителю всех китайцев и их первому властителю Фу-си вышел из вод Хуанхэ дракон, спина которого была украшена замечательными рисунками — эти рисунки стали основой для составления восьми триграмм.

Сыма Цянь описывает явление дракона Желтому императору и его двору: «Хуан-ди из меди, добытой на горе Шоушань, отлил треножник у подножия горы Цзиншань. Когда треножник был готов, появился дракон, который свесил усы вниз, чтобы поднять Хуан-ди. Хуан-ди взобрался на спину дракона, за ним поднялись и сели на спину дракона сановники и обитательницы женского дворца — всего более семидесяти человек, после чего дракон стал подниматься». Знаменательное событие не обошлось без конфуза — мелкие чиновники, которым не удалось взобраться на спину животного, стали хватать улетающего дракона за усы и оборвали их. Впрочем, это никак не испугало его сородичей, которые продолжали с завидной регулярностью являться к императорскому двору.

Был свой дракон и у упоминавшегося уже Юя, основателя династии Ся. Согласно некоторым, достаточно солидным, источникам, Юй и сам был в определенном смысле драконом. Но кроме того, он пользовался услугами ручного дракона Ин-луна, который прокладывал водоотводные русла во время мелиоративной деятельности Юя. Ему помогали его сородичи. Юань Кэ пишет: «Юй, борясь с наводнением, дошел до Горы шаманов — Ушань и до Тройного ущелья — Санься. Один из драконов, прокладывавших водные пути, ошибся, неправильно проложил русло и прорубил ущелье. Оно оказалось совершенно ненужным. Юй рассердился и на горном обрыве казнил бестолкового дракона в назидание другим. До настоящего времени в уезде Ушань сохранились названия Цокайся — “Неправильно проложенное ущелье” и Чжаньлунтай — “Терраса, где был казнен дракон”».

Но казнь дракона была в Китае все-таки редкостью — обычно к этим животным относились с почтением, а их появление считалось важным и, как правило, счастливым предзнаменованием. Очень часто цвет очередного дракона соответствовал той стихии, под покровительством которой

находилась правящая династия. Сыма Цянь приводит слова своего предшественника, жившего при династии Цинь: «Хуан-ди пользовался покровительством стихии земли, при нем появились Желтый дракон и земляной червь. Дом Ся пользовался покровительством стихии дерева, тогда Синий дракон остановился в пригороде столицы, травы и деревья пышно расцвели... Ныне Цинь сменило Чжоу, наступило время стихии воды. В прошлом циньский Вэнь-гун, выехав на охоту, поймал Черного дракона, и это было знамение господства стихии воды».

Когда династию Цинь сменила династия Хань, один из чиновников, Гунсунь Чэнь, подал новому государю доклад, в котором предвещал появление Желтого дракона, знаменующего стихию земли. Чиновник рекомендовал заранее «изменить месяц начала года, сменить цвета казенной одежды и выше всего поставить желтый цвет». Проект не нашел поддержки при дворе, но очень скоро скептики были посрамлены: «Через три года (в 165 г. — *прим. перев.*) в Чэнци показался Желтый дракон». Дракон этот «не нанес вреда народу», из чего сделали вывод, что «год будет урожайным». А дальновидный Гунсунь Чэнь был назначен «на должность боши — ученого мужа, чтобы он вместе с остальными учеными составил проект изменения календаря, цвета придворной одежды и других дел».

Надо отметить, что появление дракона не всегда было хорошим предзнаменованием — известны и исключения. Буддистский монах и писатель шестого века Хуэй-цзяо в трактате «Жизнеописание достойных монахов» описывает печальный случай, когда показавшиеся народу драконы ввели Люй Цзюаня, правителя государства Поздняя Лян, в заблуждение, что и привело к его гибели.

«На втором году под девизом правления Сянь-нин (400 г. — *прим. перев.*) чья-то свинья принесла поросенка о трех головах, а из колодца, что в восточном предместье, вылетел дракон. Он опустился у императорского дворца и лежал там, извиваясь. На следующее утро он исчез. Правитель считал это хорошим предзнаменованием и назвал тот дворец Дворцом парящего дракона. Вскоре после этого через ворота Девяти дворцов вслед за солнцем поднялся ввысь черный

дракон, и Люй Цзюань дал новое название тем воротам — «Ворота драконовой благодати»».

Советник царя, Кумараджива, был выходцем из Индии и не испытывал к драконам того доверия, которое было типично для китайцев. Он предупредил Люй Цзюаня: «Эти таинственные драконы, вышедшие погулять, и бесовская свинья оказались неспроста. Иногда зловещие драконы появляются и исчезают, а тот, кому доведется их видеть, не избежит страшной беды. Наверное, есть подлые люди, которые замышляют сменить государя. Нужно тебе умножать добродетели, чтобы соответствовать небесным установлениям». Но Люй Цзюань не внял словам мудрого индийца и жестоко поплатился за это — в результате дворцового заговора он погиб.

Встречались в Китае и совсем маленькие дракончики, которые, впрочем, обладали столь же замечательными свойствами, что и их крупные собратья. Сунский литератор Цай Тао описал события, связанные с одним таким дракончиком, явившим себя людям в начале двенадцатого века. В реке Хуайшуй сильно поднялась вода, в результате чего в устье впадавшей в нее Бяньхэ скопилось множество лодок. Однажды перед рассветом у кормы одной из лодок появилось маленькое существо, напоминавшее ящерицу. Жена кормчего не поняла, что ее почтил своим присутствием дракон, и оттолкнула животное веслом. Однако тот стал карабкаться в лодку, и тогда женщина ударила его факелом по голове. Такое обращение с драконом, пусть даже и напоминавшим маленькую ящерку, оказалось весьма неосмотрительным. «...Тут же разнесся ужасный раскат грома, и лодки, что были в устье Бяньхэ — казенные и частные, числом более семисот, — с силой наскочили друг на друга и разбились. Погибло несколько тысяч человек. При дворе опечалились известием об этом и повелили местным властям оказать помощь семьям погибших».

Однако дракончик и после этого не оставил попытки наладить контакт с людьми. Он явился налоговому эмиссару провинции в день, когда тот собирался отбыть в столицу. Вельможа испугался, но проявил себя гораздо лучшим знатоком драконьего нрава, чем пресловутая лодочница. Он

возжег перед животным благоволия и почтительно предложил ему вместе отправиться в столицу, дабы представить дракона императору. Дракон выразил свое согласие тем, что юркнул в шкатулку для благоволий, в каковой и был доставлен ко двору.

Император Хуэй-цзун (кстати, совмещавший государственную деятельность с искусством и бывший действительно замечательным художником, известным под именем Чжао Цзи) велел приготовить вино и фрукты, после чего дракончик вышел из шкатулки, взял в лапу золоченую чашу и отпил несколько глотков вина, чем вызвал изумление Сына Неба. По окончании церемонии император посадил животное в стеклянную коробочку, лично запечатал и повелел доставить в храм (который позднее получил название «Храм дракончика из Бяньшуя»). По-видимому, дракончик не счел такое обращение обидным и не воспринял это как покушение на собственную свободу, потому что никаких катаклизмов, подобных описанному выше, не произошло. Тем не менее, когда вечером коробку стали осматривать, выяснилось, что, несмотря на цельность печати, дракон исчез. А коробка с императорской печатью осталась в храме, дабы служить свидетельством чуда.

Сам же император Хуэй-цзун, вдохновившись личным знакомством с замечательным мифозоем, издал указ о даровании княжеских титулов (ван) пяти драконам Поднебесной: синему дракону — титул «Князь обширной гуманности», красному — «Князь чудесных милостей», желтому — «Князь неперменных благодетелей», белому — «Князь справедливой помощи» и черному — «Князь божественных милостей».

Говоря о китайских драконах, следует сказать хотя бы несколько слов об их корейских и японских собратьях. Биологически они очень близки. О. М. Иванова-Казас пишет: «В Корее и Японии тоже были драконы, отличавшиеся от китайских только по числу пальцев на лапах: у китайских их было 5, у корейских — 4, а у японских — 3».

В Корее драконы встречались значительно чаще, чем в Китае. Причем если расцвет китайской популяции приходится на времена мифические и полумифические, то в Корее

огромное количество драконов было зафиксировано во вполне историческое время. В двенадцатом веке н.э. Ким Бусик, первый министр и главный историограф корейского государства Коре, создал книгу «Исторические записи трех государств», в которой собрал сообщения хронистов — своих предшественников. Его текст пестрит совершенно обыденными сообщениями о драконах. Авторы настоящей книги приводят некоторые из этих сообщений (с указанием современной хронологии).

53 г. до н. э. «Весной, в первом месяце, в колодце Арен появился дракон, из правых ребер которого родилась девочка. Одна старая женщина, увидев это, удивилась и взяла ее к себе на воспитание, дав имя по названию колодца (Арен). Став взрослой, она отличалась огромными добродетелями...»

3 г. н. э. «Осенью, в девятом месяце, показывались два дракона в колодце города Кымсон, и внезапно разразился грозой ливень, молния ударила по южным воротам города».

56 г. н. э. «Летом, в четвертом месяце, в колодце города Кымсон показался дракон, и через некоторое время с северо-запада налетел грозой ливень. В пятом месяце буря вырвала деревья».

164 г. «Весной, во втором месяце, в столице показался дракон».

253 г. «Летом, в четвертом месяце, видели дракона в бассейне к востоку от дворца. К югу от Кымсона сама поднялась упавшая ива. С пятого месяца по седьмой не было дождя. Дождь пошел только после жертвоприношений на алтарях предков и духам знаменитых гор. Год выдался голодный, было множество воров и разбойников».

262 г. «Весной, в третьем месяце, показался дракон в бассейне, что к востоку от дворца. Осенью, в седьмом месяце, пожар, начавшийся в западных воротах Кымсона, уничтожил более трехсот домов горожан».

764 г. «Весной, в первом месяце, ичхан Манчжон назначен министром-сандэдыном, а ачхан Янсан — министром-сичжуном. В третьем месяце на юго-востоке появилась комета, а под горой Янсан показался дракон, но через некоторое время он улетел».

Японские источники о драконах сообщают реже. Тем не менее в Стране восходящего солнца драконы тоже были известны. «Нихон сёки», один из древнейших письменных памятников Японии, записанный в настоящем его виде в 720 году, но создававшийся в течение многих веков, повествует, в частности, о том, как с драконами боролся знаменитый бог Сусаново-но микото. Однажды Сусаново случилось спуститься с неба на землю, и он увидел старика и старуху, которые с плачем прощались с некой девицей. Бог поинтересовался причиной слез, и старец (который, кстати, тоже оказался божеством, но менее значительным) отвечал ему: «Эта девица — моя дочь. Зовут ее Куси-инада-пимэ. Раньше у меня было восемь дочерей, но ежегодно одну из них пожирал *Ямата-но вороти*, Великий Восьмиголовый-Восьмихвостый Змей. Теперь он собирается проглотить и эту девицу. Никак нельзя от него спастись. Вот потому я и горюю». Но Сусаново, судя по всему, хорошо знал привычки местных драконов. Он велел безутешным родителям «изготовить восемь раз перебродившее рисовое вино сакэ, сделать восемь подставок, поставить на каждую по бочке и налить доверху сакэ».

«И вот, наступил срок, и явился Великий Змей. И голов, и хвостов у него было по восемь. Глаза у него были красные, как плод акакагати, на спине у него росли сосны и кедр, длиной он был в восемь холмов и восемь долин. Вот добрался он до сакэ, опустил в каждую бочку по голове, стал пить, охмелел и уснул. Тут Сусаново-но микото вытащил меч десяти кулаков, что был у него за поясом, и стал рубить змея на кусочки. Когда же он дошел до хвоста, то на лезвии его меча появилась небольшая зазубрина. Вот, рассек он этот хвост, смотрит — а там меч лежит. Этот меч именуется Кусанаги-но туруги».

«Нихон сёки» сообщает и о других драконах, которых победил Сусаново-но микото. Однажды он спас роженицу, ребенка которой очередной змей намеревался проглотить. «Пришло время родить, и в самом деле явился к дверям Великий Змей, чтобы пожрать дитя. Сусаново-но микото рек ему повеление, сказав: “Ты ведь грозное божество. Мыслимо ли не поднести тебе угощения?” — так ска-

зал и в каждую из змеиных глоток влил сакэ из восьми кувшинов. А змей выпил и заснул. Сусаново-но микото вынул меч и зарубил его».

Третий дракон был зарублен героическим богом по требованию родителей его невесты. Было известно, что «у этого Великого Змея на каждой из голов камни и сосны, в каждой из двух подмышек горы, он очень грозен». Но у бога была уже отработана методика борьбы с драконами: «Сусаново-но микото поразмыслил, потом изготовил отравленное сакэ и напоил змея. Змей выпил, охмелел и заснул. Взял тогда Сусаново-но микото свой меч... и стал рубить змею головы и брюхо».

Не исключено, конечно, что японские хронисты попросту передали три версии одного и того же события. Но можно предположить и то, что в далекой древности на территории будущей Страны восходящего солнца действительно часто встречались драконы, причем склонные к употреблению спиртных напитков. Впрочем, встречались здесь и драконы весьма добронравные. Об одном из таких животных рассказывается в сборнике «Японские легенды о чудесах», составленном на рубеже восьмого и девятого веков. Дабы восстановить репутацию японских драконов и показать, что они были склонны не только к пожиранию девиц, но и к добродетели, авторы настоящей книги взяли на себя смелость предложить вниманию читателей полный текст легенды «О монахе из храма Морского Дракона»:

«В храме Морского Дракона, что в округе Хэгури земли Ямато, жил-был один монах. Он всегда носил “Сутру лотоса” с собой и разъяснял ее. Каждый день он непременно выбирал одну главу, растолковывал ее и читал. Так множились его благодеяния не один год. И тут вдруг явился дракон. Привлеченный благородной проповедью, он приходил каждый день в сад, где собирались слушатели. Так внимал он “Сутре лотоса” три года кряду, не пропустив ни единого дня. Монах подружился с драконом. О дружбе той шла молва.

И случись тут сушь. Не выпало ни капли дождя, пять злаков погибали. О монахе донесли государю. Государь же повелел монаху явиться и толковать сутру, а дракону его слушать. Пусть, мол, монах передаст повеление дракону, и тогда выпа-

дет дождь. Если же монах ослушается, пусть тогда немедля из Японии убирается.

Монах выслушал повеление и, исполненный грустных и печальных размышлений, вернулся в храм и рассказал обо всем дракону. Дракон отвечал: “Уж три года, как я слушаю “Сутру лотоса” и тем избежал многих злых дел, вкушая радость предстоящего воздаяния. Я хотел бы оставить свое мерзкое тело и переродиться человеком, дабы воздать Учителю по заслугам. А дождю я не хозяин. Засуха и другие напасти во власти небесного владыки Бонтэна. По его повелению дождь дождит и прекращается. Если же поднимусь и открою врата дождю, Бонтэн убьет меня. Но я принесу себя в жертву Закону Будды. И тогда три дня будет идти дождь. Ты же захорони мои останки и на том месте поставь храм. Тело мое разделится на четыре. Повсюду отстрой храмы — пусть повсюду будет земля Будды”. Сказав так, дракон расстался с монахом. Монах же доложил обо всем государю.

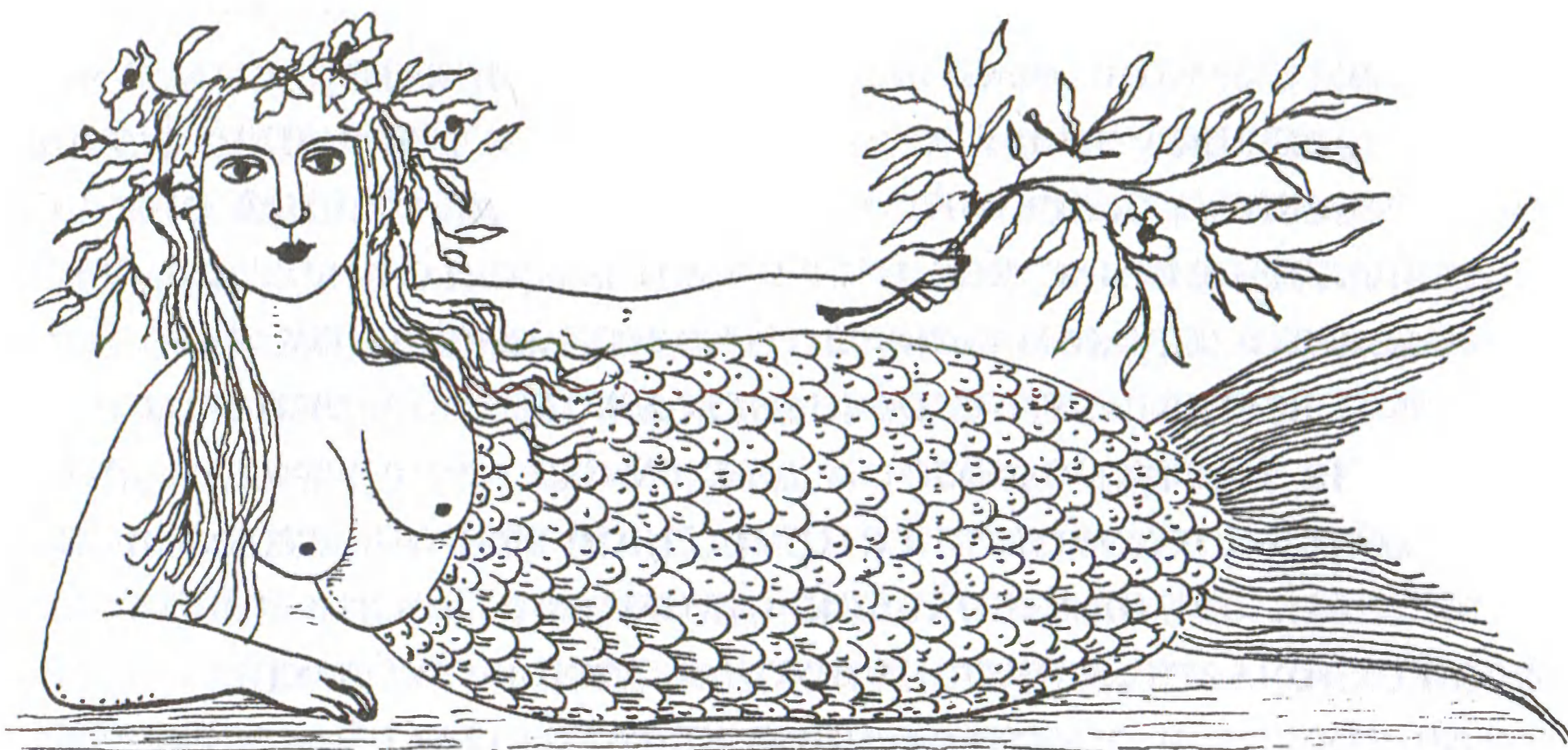
В назначенный срок засверкали молнии и хлынул ливень. Три дня и три ночи, не зная отдыха, лился он. Вода наполнила мир, и пять знаков уродились на славу. Государь возрадовался и повелел монаху читать “Сутру лотоса”.

Исполняя волю дракона, монах воздвиг храм Морского Дракона. Кроме него построил еще три храма — Врат Дракона, Небесного Дракона и Владыки Дракона. Монах же всю жизнь свою читал “Сутру лотоса”. И столько чудес совершил, что обо всех и не расскажешь».

Помимо драконов, в Стране восходящего солнца издавна водились и другие мифозои. Многие из них мигрировали сюда из Китая, и хотя они получили на новой родине новые имена, но описание их совпадает с тем, которое приводит китайский «Каталог гор и морей». Однако в Японии описаны и эндемичные мифозои. Среди них можно отметить, например, *канпу*, встречающегося в реках и представляющего немалую опасность для людей. Это некрупное, до одного метра длиной, существо с кожей, как у лягушки, головой, покрытой короткой шерстью, утиным клювом и пальцами, соединенными плавательными перепонками. У некоторых видов замечен панцирь, напоминающий черепаший. Каппа имеет свойства хамелеона — его кожа принимает цвет

поверхности, на которой он находится. У каппы клейкое тело и неприятный запах; по этим признакам, а также по особой гибкости конечностей каппу можно опознать в тех случаях, когда он принимает людской облик, — это случается нередко, ибо злокозненный каппа, притворяясь человеком, затаскивает людей и лошадей в воду и там пьет их кровь.

Интересной особенностью каппы, отличающей его как от других мифозоев, так и от обычных животных, является углубление в форме овального блюдца на макушке. В «блюдце» этом всегда должна находиться вода, в противном случае каппа быстро слабеет и даже может умереть. Именно это свойство, в сочетании с природной вежливостью каппы, используют охотники. Если каппе оказать какую-либо услугу, он склоняется в низком поклоне, вода из «блюдца» выливается, после чего ослабевшего каппу можно брать голыми руками и приручать. В древности японские рыбаки использовали ручных капп для загона рыбы в сети. Сегодня этот метод не используется, — возможно, это связано с тем, что популяция капп катастрофически сократилась. Последний подтвержденный свидетелями случай поимки каппы отмечен в городе Мито в префектуре Тиба в 1801 году.

По мере того как человек осваивал Землю, мифозои все реже встречались на суше, поскольку они, при всем своем разнообразии, имеют одну общую черту: плохо переносят соседство с человеком и достаточно быстро исчезают на территориях, подвергшихся влиянию цивилизации. Большинство мифозоев, которые сохранились до сегодняшнего дня, живут в реках и озерах, но прежде всего — в морях и океанах. О некоторых водных мифозоях, имеющих четкую привязку к какой-либо культуре, мы уже говорили в соответствующих главах. И все-таки хотелось бы вернуться к этой теме и дать общий обзор мифических животных, обитающих в воде, — тем более что многие из них сохранились там и по сей день и именно на них направлено основное внимание ученых, которые посвятили свою жизнь изучению мифозоев.

В глубинах Мирового океана мореплаватели встречали и до сих пор встречают немало гигантов, размеры которых смело позволяют поставить эти существа в один ряд с самыми примечательными мифозоями. Так, священные тексты зороастрийцев сообщают о рыбе по имени *Васим* — опекуне и защитнике всех водных тварей; длина ее тела равна расстоянию, которое всадник на хорошем коне покрывает за световой день.

Подобные существа были знакомы и христианам, их видели многие мореплаватели, в том числе путешествовавшие с богоугодными целями. Выше уже говорилось о праведной рыбе Ясконтии, на спине которой традиционно отмечали Пасху святой Брендан и его спутники. Впрочем, судя по сообщению жившего в девятом веке богослова Петра Сицилийского, далеко не все гигантские рыбы были столь гуманистически настроены. Петр пишет: «Некоторые рассказывают о морском ките следующее: он называется “аспидохелон”, величиной подобен острову, голос у него грубый. Благодаря этому моряки не узнают его и бросают на него якоря, вбивают колья, за которые привязывают корабли. Но когда зажигают на нем костер, животное, нагревшись, внезапно погружается и топит всех в глубинах моря».

Об этой (или подобной) рыбе рассказывал Синдбад-мореход своему сухопутному тезке. Он поведал об острове, «подобном саду из райских садов», где с незапамятных времен росли деревья. Мореплаватели, приставшие к замечательному острову, гуляли по нему, стряпали и стирали. Но когда животное почувствовало боль от зажженных на нем костров, оно стало погружаться в пучину, и людям пришлось в спешке эвакуироваться, потеряв при этом свои «пожитки, и котлы и жаровни»; многие погибли, что же касается героя повествования, он чудом спасся в деревянном корыте, предназначенном для стирки... Рассказывал Синдбад и о столь же огромной, но еще более злокозненной рыбе, которая выходит из моря навстречу кораблю «и глотает его со всем, что на нем есть».

Можно счесть рассказы Синдбада сказками, тем более что целью Шахразады, в передаче которой сохранились сведения о путешествиях славного морехода, было не установление научной истины, а спасение собственной жизни ценой красноречия. Но нельзя не прислушаться к подобному же сообщению, прозвучавшему в персидском географическом трактате «Чудеса мира»:

«Говорят, будто нет среди водяных животных крупнее рыбы. Рассказывают, что группа купцов плыла как-то по морю Магриба. Показался яркий свет размером с огромный щит. Моряки произнесли молитву и совершенно спокойно

проехали мимо. Они плыли целую ночь. И вновь появился яркий свет, как в первый раз. Снова они произнесли молитву и благополучно проехали. Об обстоятельствах спросили у матросов. Те сказали, что это были два глаза рыбы. Весь путь, что мы плыли ночью, равнялся расстоянию между глазами рыбы. Мы не сказали вам, дабы вы не испугались».

В восемнадцатом веке в морях между Норвегией и Исландией неоднократно было встречено и описано чудовище, получившее имя (некоторые считали его видовым названием) *кракен*. Скандинавский натуралист Эрик Понтоппидан, епископ Бергенский, писал, что животное это имеет размеры острова и представляет немалую опасность, поскольку своими щупальцами может утащить на дно боевой корабль; еще более опасен для мореплавателей водоворот, образующийся, когда кракен погружается в пучину вод. Чуть позже об этом же чудовище сообщал шведский писатель и мореплаватель Якоб Валленберг — по его словам, кракен размерами («включая голову и хвост») не превышает ширины острова Эланд. Поскольку ширина означенного острова составляет около шестнадцати километров, можно представить размеры замечательного животного. Впрочем, Валленберг не склонен преувеличивать его опасность: кракен, по свидетельству шведа, обитает на самом дне моря и питается мелкой рыбой, для моряков же он опасен лишь постольку, поскольку иногда поднимается на поверхность и вызывает при этом большие волны, которые распространяются на много миль вокруг. Животное это приносит даже пользу, поскольку его экскременты привлекают множество рыб, что, в свою очередь, служит приманкой для рыбаков.

Авторы настоящей книги хотели бы особо предостеречь читателей, которые могут усомниться в том, что описанные выше гиганты являются подлинными мифозоями, и попытаются ассоциировать их с китами или гигантскими кальмарами. Самый большой из китов, голубой кит, имеет среднюю длину около 25 метров, а самый большой из голубых китов, которым довелось попасться в руки людей, достигал 33 метров, что никак не сопоставимо с размерами острова Эланд. Что же касается кальмаров, то самый большой достоверно известный науке кальмар, выброшенный в 1887 году

на берег Новой Зеландии, имел 17,4 метра в длину. Причем большую часть этой длины составляли, как и у всех кальмаров, тонкие щупальца.

Помимо описанных выше гигантов, в водах Мирового океана, а также и во внутренних водах Евразии водится немало некрупных мифозоев, чьи размеры сравнимы с размерами человеческого тела и чье строение во многом сходно со строением человека. Авторы настоящей книги не проводили статистического исследования, но, судя по общему впечатлению, большая часть водных мифозоев имеет ярко выраженные антропоморфные черты. Естественно, что речь не идет о тех русалках и водяных, строение которых полностью копирует строение человека, — таковы, например, славянские русалки, которые в большинстве своем имеют прекрасные ноги и любят бегать по полям, — эти существа, безусловно, должны быть отнесены к людям. Но и у тех обитателей вод, зооморфные черты которых позволяют считать их мифозоями, строение тела часто бывает во многом схоже с таковым у *Homo sapiens*.

Духом китайской реки Хуанхэ был *Хэ-Бо*, имевший рыбье тело и человеческое лицо. Родился он обыкновенным юношей, но то ли утонул, то ли принял слишком большую дозу снадобья, помогавшего хорошо плавать, — так или иначе, он стал мифозоем. Но, несмотря на рыбье тело, *Хэ-Бо* сохранил человеческую сексуальную ориентацию: он требовал, чтобы ему ежегодно приносили в жертву красивую девушку. А когда в эпоху Борющихся царств (пятый — третий века до н.э.) этот обычай прекратился, похотливый владыка реки попытался устроить наводнение, которое с трудом удалось предотвратить, вырыв двенадцать каналов, отводящих воду на поля.

В Корейском проливе, около острова Чеджудо, издавна обитали существа, называемые *ино* (человеко-рыба). У *ино* человеческое туловище и голова, семь длинных ног, руки напоминают плавники, имеется и хвост, но не рыбий, а скорее конский. Тела *ино* покрыты чешуей, от которой свободны только нос, рот, уши и руки-плавники. *Ино* относятся к классу млекопитающих, они кормят своих детенышей

молоком. Из слез ино образуются жемчужины, которыми богато Японское море.

Коренные жители Камчатки, ительмены, поклонялись обитающему в море *Хантаю*, большие идолы которого обыкновенно ставились возле юрт, а маленькие фигурки исполняли роль личных оберегов. Этнограф восемнадцатого века М. Д. Чулков в книге «Абевега русских суеверий» писал: «Хантай, божество Камчатское, идол его делается наподобие Сирены, то есть с головы по груди человеком, а оттуда рыбою, и ставится обыкновенно в юрте подле огнища. Сей Хантай ежегодно делается новый, во время грехов очищения, и ставится со старым вместе, по числу которых можно узнать, сколько которой юрте лет от ее построения».

В водных бассейнах средневековой Европы обитали *ундины* и *сирены* — под этими именами в Западной Европе были известны и живущие в воде мифические девушки, и мифозои, имевшие женские голову и торс и рыбий хвост, заменяющий ноги, — биологи называют последних — *рыбохвостыми русалками*. Они известны примерно с двенадцатого века, — по крайней мере, именно с этого времени их стали изображать на миниатюрах и рельефах — а в начале тринадцатого века английский писатель Гервазий Тильберийский (в русском переводе, которым пользовались авторы настоящей книги, он почему-то назван Тильсберийским) оставил подробное описание этих существ:

«В Британском море можно увидеть стаи сидящих сирен: у них голова женская, волосы — сияющие и длинные, груди женские, да и всем обликом своим по самый пуп они напоминают женщин, прочее же заканчивается, как у рыб. Их сладчайшее пение проникает в сердца проплывающих мимо моряков, которые, испытывая безмерное наслаждение от сладкого зуда в ушах, забывают о своем долге, и беззаботные частенько бывают наказаны кораблекрушением».

На Руси такие сирены, у которых «с верху до пояса тело девичье, а от пояса до ног труп рыбей», тоже были известны; известно было и то, что они «сладким своим пением людей убивают, сном усыпают, их морскою водою потопляют». Впрочем, позднее за ними закрепилось название *русалки*. Сообщения очевидцев, встретившихся с русалкой

или подобным ей существом, сочетающим черты человека и рыбы, появляются в газетах и по сей день.

Русалки, равно как и ундины, и сирены, встречаются только женского пола. Но в славянском фольклоре существуют сведения и о существах мужского пола, обитающих под водой, — это *водяные*. Чаще всего славянские водяные полностью антропоморфны, но встречаются среди них и особи, имеющие рыбий хвост. Сохранилась, например, лубочная картинка девятнадцатого века, на которой водяной изображен с ногами и рыбьим хвостом одновременно, причем хвост прикреплен к телу в верхней части спины. Ноги у этого существа, в отличие от хвоста, растут из подходящего им места, причем на пятках имеются дополнительные плавники.

Вопросы происхождения и размножения русалок стоят весьма остро в современной биологии. Так, они рассматривались на «круглом столе по проблеме происхождения русалок», который был проведен российскими биологами в 1998 году в Петербурге по инициативе О. М. Ивановой-Казас (материалы этого мероприятия опубликованы в журнале «Биология моря» в 1999 году). Ученые выдвинули около десяти различных гипотез, в частности теорию посттравматического происхождения русалочьего хвоста: «...у некой няды (или купальщицы) нижняя половина тела была откушена каким-то морским хищником, после чего произошла атипическая регенерация или пострадавшей был приставлен и прирос рыбий хвост». Однако большинство специалистов отвергли эту гипотезу, поскольку благоприобретенные органы не передаются по наследству, а в случае с русалками мы наблюдаем весьма многочисленный и безусловно самовоспроизводящийся вид. Было также высказано предположение, что среди обычных головастиков попадаются (1 на 10 000) такие, «у которых из передних конечностей развиваются руки, а хвост не редуцируется, как у лягушек».

О. М. Иванова-Казас пишет: «Большинство зоологов склоняются к тому, что русалки... произошли обычным эволюционным путем, но сильно расходятся в вопросе, от каких животных. При этом большое значение придается природе русалочьего хвоста — наличию или отсутствию чешуи, рас-

полагается ли хвостовой плавник вертикально, как у рыб, или горизонтально, как у морских млекопитающих, и т. д. (последняя точка зрения преобладает, хотя на старинных рисунках чешуя изображена очень отчетливо). Но проф. А. И. Лягушенков высказался за родство русалок с хвостатыми амфибиями. Согласно его гипотезе, русалки (и тритоны) произошли от каких-то хвостатых амфибий, которые жили на мелководье и были очень любознательными, они проводили много времени, наполовину высунувшись из воды и наблюдая за жизнью людей, и, возможно, старались в чем-то подражать людям. Это привело к тому, что голова, руки и верхняя половина тела приобрели у них сходство с человеческими. Эта гипотеза напоминает широко распространенное суеверие, согласно которому сильное впечатление, испытанное беременной женщиной, отражается на внешности ее ребенка, и изрядно ослабляет убедительность доводов Лягушенкова».

По поводу размножения русалок среди ученых тоже нет единого мнения. Основная проблема заключается в том, что до сих пор не известно, являются ли русалки и водяные представителями одного и того же вида и способны ли они к совместному размножению. О. М. Иванова-Казас, ссылаясь на известного российского зоолога и художника-анималиста Н. Н. Кондакова, пишет:

«О том, как поддерживается уровень популяции у русалок, являются ли они бессмертными существами или каким-то образом размножаются, ничего не известно. Если верить Н. Н. Кондакову, русалки размножаются, выметывая икру, из которой выводятся головастики, похожие на лягушиных. Особей мужского пола среди русалок нет, но существует предположение, что их мужьями являются водяные. Это тем более вероятно, что (как показал Кондаков) водяные развиваются из таких же головастиков, как русалки. Если это так, то в семье водяных и русалок наблюдается резко выраженный половой диморфизм, если же мы откажемся от этой гипотезы, нам придется допустить существование у русалок партеногенеза, т. е. развитие молодежи из неоплодотворенных яиц».

Но даже если рыбохвостые русалки представлены лишь особями женского пола, то в западноевропейском фолькло-

ре (и даже в научно-популярной литературе семнадцатого—восемнадцатого веков) описаны и обоеполые жители моря, имеющие голову и корпус человека, человеческие же ноги, но при этом — рыбий хвост. Они известны под названием *морские люди*. На английском языке русалки и самки морских людей называются одинаково, что приводит к определенной путанице. Но как бы ни соотносились морские люди с русалками, проблемы их происхождения и биологии получили неожиданный резонанс в научных и научно-популярных изданиях последних десятилетий.

В 1989 году известный американский океанограф Карл Банзе, выступая перед коллегами с речью по случаю собственного юбилея, прочел доклад о биологии, культуре и причинах исчезновения русалок. В частности, он выделил три основных вида русалок: *русалка обыкновенная* (обитавшая в Средиземном море и у атлантических берегов Пиренейского полуострова и известная с античных времен), *русалка индийская* (обитавшая у берегов Америки и описанная спутниками Колумба) и *русалка эритрейская* (обитавшая в Красном и Аравийском морях и у берегов Индонезийского архипелага). К. Банзе предположил, что строение головного мозга и рук позволяло русалкам заниматься трудовой деятельностью, в частности выращивать съедобные водоросли и моллюсков. Резкое снижение численности группы и ее вымирание он датирует девятнадцатым веком и связывает с загрязнением морской воды.

Научная общественность приняла доклад очень тепло и рекомендовала его к публикации в американском журнале «Лимнология и океанография». В 1991 году тезисы доклада К. Банзе были опубликованы в апрельском номере журнала «Наука и жизнь», а затем, уже отнюдь не в апрельских номерах, перепечатаны или пересказаны другими изданиями, после чего наука об изучении русалок начала победное шествие по России.

Интересно, что, хотя большинство видов мифозоев не дожили до наших дней, в двадцатом и двадцать первом веках можно было наблюдать возникновение новых, хотя и немногочисленных, видов морских мифических животных. Так,

журнал «Биология моря», регулярно публикующий статьи о биологии Mythozoa, в 2005 году опубликовал статью И. Г. Сандомирского о *человеко-медузах*, обитавших в море и послуживших прообразом горгоны Медузы. Существа эти повторяли строение обычных медуз, но «выпуклая сторона зонтика (эксубрелла) этой медузы имела сложный рельеф, в котором без труда угадывались черты человеческого лица», а по краю зонтика «располагались щупальцеобразные придатки со змеиными головками на концах». Тщательно выполненные рисунки неизвестного доселе вида мифозоев должны были убедить скептиков.

Новые виды Mythozoa вводятся в научный оборот не только специальными журналами и профессиональными биологами — свой вклад, иногда невольный, вносят и любители. Так, в 1966 году на Ленинградском монетном дворе был выпущен значок, посвященный Командорским островам. Изображенный на нем *морской котик* обладает пышным хвостом, которого у представителей этого вида никогда не имелось и который более пристал домашнему коту, точнее, коту.

В начале 90-х в нескольких ленинградских газетах была опубликована информация о страшной *рыбе*, появившейся в Финском заливе, способной выходить на сушу и передвигаться по траве, снегу и канализационным трубам. Сообщалось, что были зафиксированы случаи, когда удивительная рыба добиралась до ванн комнат горожан, а также перекусывала кабели энергосистемы метрополитена. Публикации связывали происхождение рыбы с повышением температуры и загрязнением Финского залива. Они ссылались на Зоологический институт Академии наук, и мифическая рыба обрела реальность в воображении множества жителей города.

Так волею фалеристов и журналистов на свет появились новые, вполне мифические животные, которых, как знать, через тысячу лет, возможно, будут изучаться с тем же вниманием, с каким сегодня специалисты изучают монстров, изображенных на шумерских печатях и описанных в египетских папирусах.

Библиография

Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви. Интернет-публикация сайта «Восточная литература»: <http://www.vostlit.info>.

Аджаиб ад-дунья. (Чудеса мира). Пер.: Л. П. Смирнов. М., 1993.

Алеша Попович и Тугарин Змеевич // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.

Алимов И. А. «Разыскания о восточной сунской столице»: сведения о храмах и кумирнях // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5–6. СПб., 1994.

[*Антоний*] Житие святого Симеона Столпника, написанное Антонием, его учеником. Пер.: М. А. Тимофеев // Альфа и Омега, № 4 (11), 1996.

Аполлодор. Мифологическая библиотека. Пер.: В. Г. Борухович. Л., 1972.

Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Пер.: Н. А. Чистякова. М., 2001.

Арго: Цивилизация 35 веков в новом пути! // Ελλάδα παντού, апрель–июнь, 2008.

Аристотель. История животных. Пер.: В. П. Карпов. М., 1996.

[*Псевдо-*] *Аристотель.* Рассказы о диковинах. Пер.: Н. А. Позднякова // Вестник древней истории, № 3, 4, 1987.

Аристофан. Лягушки. Пер.: Ю. Шульц // Аристофан. Комедии. Т. II. М., 1954.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1995.

Бардичева Н. Типология драконов. Интернет-публикация: <http://kigr.ru/page/draconologia-4>.

Белова О. В. Единорог в народных представлениях и книжной традиции славян // Живая старина, № 4, 1994.

Белова О. В. Славянский бестиарий. М., 2001.

Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. Интернет-публикация: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.

Библия. Синодальный перевод.

Борхес Х. Л. Бестиарий (из «Книги о вымышленных существах»). Пер.: Е. Лысенко // Борхес Х. Л. Письмена Бога. М., 1992.

Бриггс К. Эльфийский словарь. Пер.: Степан М. Печкин. Интернет-публикация: http://pechkin.rinet.ru/x/smp/xlat/Briggs_KM/FD/index.html.

Британский музей. Лондон. М., 1980.

Ваххилид // Пиндар, Ваххилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.

Валла, Лоренцо. Рассуждения о подложности так называемой дарственной грамоты Константина. Пер.: И. А. Перельмутер // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. М., 1963.

Вдовина О. С. Таксономическое определение драконов в первом приближении. Интернет-публикация: <http://kigr.ru/page/draconologia-18>.

Вергилий Марон П. Георгики. Пер.: С. Шервинский // Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.

Вергилий Марон П. Энеида. Пер.: С. Ошеров // Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.

Властов Г. Теогония Гезиода и Прометей. СПб., 1897.

Воротников Ю. Л. Алконост, Сирин, Гамаюн... Райские птицы Древней Руси // Слово и время. М., 2003.

Вуллс Л. Ур халдеев. Пер.: Ф. Л. Мендельсон. М., 1961.

Гальфрид Монмутский. История бриттов. Пер.: А. С. Бобович // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.

Геллий Авл. Аттические ночи. Кн. I—X. СПб., 2007.

Гераклит. Опровержение или исцеление от мифов, переданных вопреки природе Пер.: В. Н. Ярхо // Вестник древней истории, № 3, 1992.

Геродот. История. Пер.: Г. А. Стратановский. Л., 1972.

Гесиод. Работы и дни. Пер.: В. В. Вересаев // Эллинские поэты VIII—III вв. до н.э. М., 1999.

Гесиод. Теогония (Происхождение богов). Пер.: В. В. Вересаев // Эллинские поэты VIII—III вв. до н.э. М., 1999.

Гигин. Астрономия. Пер.: А. И. Рубан. СПб., 2007.

Гигин. Мифы. Пер.: Д. О. Торшилов. СПб., 2000.

Гильгамеш и Страна Жизни (Гора бессмертного). Пер.: В. К. Афанасьева // Проза и поэзия Древнего Востока. М., 1973.

Гомер. Илиада. Пер.: В. В. Вересаев. М. — Л., 1949.

Гомер. Одиссея. Пер. В. Жуковского. М., 1984.

Гомер. Одиссея. Пер.: В. В. Вересаев. М., 1953.

Гомеровы гимны. Пер.: В. Вересаев // Эллинские поэты VIII—III вв. до н.э. М., 1999.

Гораций Флакк К. Наука Поэзии. Пер.: М. Гаспаров // Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970.

Гораций Флакк К. Оды // Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970.

Горошков В. В. Огнедыхание дракона. Интернет-публикация: http://kigru.ru/uploads/dragonologia/goroshkov-v.-fire-breathing-dragon_.pdf.

Горсей Дж. Записки о России XVI — начала XVII вв. Пер.: А. А. Севастьянова. М., 1991.

Государственные музеи Берлина. ГДР. М., 1983.

Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Пер.: К. П. Лукьяненко. М., 1992.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Данте. Божественная комедия. Пер.: М. Лозинский. М., 1981.

Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека). Пер.: О. П. Цыбенко. М., 2000.

Другош Я. Анналы, или Хроники славного королевства Польши. Пер.: И. М. Дьяконов. Интернет-публикация сайта «Восточная литература»: <http://www.vostlit.info>.

Дмитриев С. Хоботные драконы Южной Азии. Интернет-публикация: http://www.imperia-duha.ru/article_253.html.

Дмитрий Ростовский, св. Житие святого отца нашего Сильвестра, папы Римского // Жития святых Святителя Дмитрия Ростовского. М., 2004.

Добрыня и змей // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. I. М. — Л., 1949.

Е Лун-ли. История государства киданей. Пер.: В. С. Таскин. М., 1979.

Еврипид. Геракл. Пер.: И. Анненский // Еврипид. Трагедии. Т. I. М., 1999.

Еврипид. Финикиянки. Пер.: И. Анненский // Еврипид. Трагедии. Т. II. М., 1999.

Евфорион. Похититель чаши. Пер. О. Цыбенко // Эллинистические поэты VIII—III вв. до н.э., М., 1999.

Жизнь, деяния и предивное сказание о святом отце нашем Макарии Римском... Пер.: С. Полякова // Жития византийских святых. СПб., 1995.

Забылин М. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В четырех частях. М., 1880.

Иванова-Казас О. М. Мифологическая зоология. СПб., 2004.

Иванова-Казас О. М. Страна Мифляндия, или Типы симметрии у *Mythozoa* // Природа, № 4, 2002.

Иванова-Казас О. М. Круглый стол по проблеме происхождения русалок // Биология моря, № 2, 2003.

Ивик О. История загробного мира. М., 2010.

[*Исидор Севильский*] Из «Этимологии» Исидора Севильского. Пер.: Е. М. Леменева // Одиссей. 1998. М., 1999.

Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия. Под ред. проф. Горкина А. П. М., 2007.

Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Т. I. М., 1957.

Карпини Д. дель Плано. История монголов. Пер.: А. И. Малеин. М., 1957.

Каталог гор и морей (Шань хай цзин). Пер.: Э. М. Яншина. М., 1977.

Квашенко А. Н. Драконы [предисловие к курсу лекций]. Интернет-публикация: <http://mmmf.msu.ru/lect/kvashenko.html>.

Кеес Г. Заупокойные верования древних египтян. Пер.: И. А. Богданов. СПб., 2005.

Ким Бусик. Самгук саги. Т. I. Летописи Силла. Пер.: М. Н. Пак. М., 2001.

Книга о славе царей. Пер.: И. В. Стариков. Интернет-публикация сайта «Восточная литература»: <http://www.vostlit.info>.

«Когда вверху» — «Энума элиш»... Пер.: В. К. Афанасьева // Я открою тебе сокровенное слово. М., 1981.

Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М., 1948.

Кононенко Е. И. Миксаморфные существа в шумерской глиптике: опыт семиотического исследования // Вестник древней истории, 2002, № 2.

Коробова А. Н. «Приидите, братие, послушайте...», или Некоторые размышления о духовных стихах. Интернет-публикация: <http://religion.russ.ru/culture/20011206-korobova.html>.

Кошелева В. Л. Русская Жар-птица: от лубка до синема // Московский журнал. История государства Российского, № 5, 2010.

Краткая история [государства] Вьет. Пер.: И. Н. Машкина // Китай и Вьетнам (III—XIII вв.). М., 1978.

Ксенофонт. Анабасис. Пер.: М. И. Максимова. М. — Л., 1951.

Ктесий Книдский. Индика (пересказ патриарха Фотия). Пер.: О. Горшанова // Послания из вымышленного царства. СПб., 2004.

Кузьмина В. Д. Бой Бовы с Полканом на муравленых изразцах. (Из истории белорусско-русских связей в первой половине XVII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Том XXIII. Л., 1968.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории, № 1—4, 1947; № 1—4, 1948; № 1—4, 1949.

Лев Африканский. Африка — третья часть света. Л., 1983.

Левкиевская Е. Откуда на Карпатах град берется // Родина, № 1—2, 2001.

Либерал Антонин. Метаморфозы. Пер. В. Н. Ярхо // Вестник древней истории, № 3, 4, 1997.

Логинов С. К вопросу о классификации европейских драконов // Логинов С. Мед жизни. М., 2001.

Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996.

Лукан М. А. Фарсалия. Пер.: Л. Е. Остроумов. М., 1993.

Лукиан. Морские разговоры. Пер.: С. С. Лукьянов // Лукиан. Сочинения. Т. I. СПб., 2001.

Лукиан. О пляске. Пер.: Н. П. Баранов // Лукиан. Сочинения. Т. II. СПб., 2001.

Лукреций Кар Т. О природе вещей. Пер.: Ф. Петровский. М., 1983.

Лучшева З. А. Сказочные птицы старообрядческих лубков // Живая старина, № 4, 1997.

Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. DVD-издание. 2007.

Ляхницкий Ю. С. Палеолитическая живопись Каповой пещеры: полвека после открытия // Природа, № 7, 2009.

Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса. Пер.: В. В. Эрлихман. М., 1995.

Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2003.

Махабхарата. Книга первая: Адипарва. Пер.: В. И. Кальянов. СПб., 2006.

Мифы народов мира. В 2 томах. Энциклопедия. М., 1997.

Младшая Эдда. Пер.: О. А. Смирницкая. Л., 1970.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 томах. М., 1984–1985.

Несис К. Поиски гигантского кальмара // Наука и жизнь, № 1, 2001.

Николай (аббат). Дорожник / Мельникова Е. А. Древнескандинавские итинерарии в Рим, Константинополь и Святую землю // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001.

Нихон сёки — анналы Японии. Т. I. Пер.: Л. М. Ермакова, А. Н. Мещеряков. М., 1997.

Новиков В. И. Рыцарские странствования в русской литературе // Интеллигент. М., 2005.

Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. Пер.: Ю. А. Голубец. СПб., 1997.

Овидий Назон П. Метаморфозы. Пер.: С. Шервинский // Овидий. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1994.

Овидий Назон П. Героиды. Пер.: С. А. Ошеров // Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы. М., 1973.

Овидий Назон П. Фасты. Пер.: Ф. Петровский. // Овидий. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1994.

Павел Диакон. История лангобардов. Пер.: Ю. Б. Циркин. СПб., 2008.

Павсаний. Описание Эллады. Т. I–II. Пер.: С. П. Кондратьев. М., 2002.

Палефат. О невероятном. Пер.: В. Н. Ярхо // Вестник древней истории, № 3, 4, 1988.

Петр Сицилийский. История павликиан. Пер.: Р. М. Бартикян / Бартикян Р. М. Петр Сицилийский и его «История павликиан» // Византийский временник. Вып. 18. М., 1961.

Пиндар Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.

Плавание Майль-Дуйна. Пер.: А. А. Смирнов // Ирландские саги. Л., 1929.

Плавание святого Брендана. Средневековые предания о путешественниках, вечных странниках и появлении обитателей иных миров. Пер.: Н. Горелов. СПб., 2002.

Плотникова А. А. Севернобалканский ареал народных представлений о змее. Интернет-публикация сайта «Славянская этнолингвистика»: <http://www.rastko.rs/projekti/etnoling/delo/12039>.

Плутарх. Застольные беседы. Пер.: Я. М. Боровский. Л., 1990.

Плутарх. О доблести женский. Пер.: Я. М. Боровский // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990.

Плутарх. Тесей. Пер.: С. П. Маркиш // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. I. СПб., 2001.

Помпоний Мела. О положении Земли. Пер.: С. К. Апт // Античная география. М., 1953.

Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

Рак И. В. Египетская мифология. СПб., 2000.

Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.—М., 1998.

Русалка на ветвях сидит... [интервью О. М. Ивановой-Казас журналу «Санкт-Петербургский университет»]. Интернет-публикация: <http://journal.spbu.ru/2002/07/24.html>.

Русские христианские песни и сказы Орловской губернии. Интернет-публикация: http://krotov.info/lib_sec/04_g/gol/ubin_01.htm.

Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XX века. М., 1992.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1980.

Сандомирский И. Г. Горгономедуза (Gorgonomedusa) — прообраз горгоны Медузы // Биология моря, № 2, 2005.

Северин Т. Путешествие на «Брендане». По пути Ясона. Экспедиция «Улисс». М. — СПб., 2008.

Сенека Л. А. Геркулес в безумье. Пер.: С. А. Ошеров // Сенека. Трагедии. М., 1991.

Сенека Л. А. Медя. Пер.: С. А. Ошеров // Сенека. Трагедии. М., 1991.

Сенека Л. А. Эдип. Пер.: С. А. Ошеров // Сенека. Трагедии. М., 1991.

Сказка о Синдбаде-мореходе. Пер.: М. А. Салье // Книга тысячи и одной ночи. Ночи 271—680. СПб., 1999.

Сказка о славном могучем богатыре Еруслане Лазаревиче. Ростов-на-Дону, 1987.

Скравилецкий Е. Б. Цуба — легенды на металле. М., 2006.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л — Я. Л., 1989.

Соколов Ю. Лубочная литература (русская) // Литературная энциклопедия. Т. VI. М., 1932.

Солин Г. Ю. Собрание достопамятных сведений. Пер.: И. И. Маханьков. Интернет-публикация: http://ancientrome.ru/antlitr/solin/crm_f.htm.

Старшая Эдда. Пер.: А. Корсун. СПб., 2001.

Стаций П. П. Фиваида. Пер.: Ю. А. Шичалин. М., 1991.

Страбон. География. Пер.: Г. А. Стратановский. Л., 1964.

Суды Соломона. Пер.: Г. М. Прохоров // Библиотека литературы Древней Руси. Т. III. XI–XII века. СПб., 1999.

Суждения Духа разума. Пер.: О. М. Чунакова // Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадастан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. М., 1997.

Сыма Цянь. Исторические записки. Т. I, II, IV. Пер.: Р. В. Вяткин. М., 1972–1986.

Танасийчук В. Н. Невероятная зоология // газета «Биология», № 7, 2010.

Тацит П. К. Анналы. Пер.: А. С. Бобович // Публий Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История. М., 2003.

Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-Наме. Пер.: Р. М. Шукюрова. Баку, 1987.

Фаминцын А. С. Божества древних славян. СПб., 1884.

Физиолог. Пер.: Е. И. Ванеева. СПб., 1996.

Физиолог. Пер.: О. А. Белоброва // Библиотека литературы Древней Руси. Т. V. XIII век. СПб., 1997.

Филострат Младший. Картины. Пер.: С. П. Кондратьев // Филострат (Старший и Младший). Картины... Рязань, 2009.

Филострат Старший. Картины. Пер.: С. П. Кондратьев // Филострат (Старший и Младший). Картины... Рязань, 2009.

Филострат Ф. Жизнь Аполлония Тианского. Пер.: Е. Г. Рабинович. М., 1985.

Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. М., 1989.

Фукидид. История. Пер.: Г. А. Стратановский. М., 1999.

Хроника Бенедикта, монаха из [монастыря] Св. Андрея. Пер.: И. Дьяконов. Интернет-публикация: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Bened_st_Andreae/frame-text.htm.

Хуэй-цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань). Пер.: М. Е. Ермаков. М., 1991.

Цезарь Г. Ю. Записки о Галльской войне. Пер.: М. М. Покровский. М., 2002.

Чегодаев М. А. Древнеегипетская «Книга мертвых» // Вопросы истории, № 8, 9, 1994.

Чубова А. П., Иванова А. П. Античная живопись. М., 1966.

Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. V слово. М., 1996.

Шкрабо Д. Битва при Клонтарфе 1014 г. Интернет-публикация: <http://www.xlegio.ru/ancient-armies/medieval-warfare/battle-of-clontarf-1014/>.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

Эпос о Гильгамеше. Пер.: И. М. Дьяконов. СПб., 2006.

Эратосфен. Катастеризмы. Пер.: А. А. Россиус // Небо, наука, поэзия. М., 1997.

Эсхил. Прометей прикованный. Пер.: С. Апт // Эсхил. Трагедии. М., 1971.

Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. Пер.: Е. И. Лубо-Лесниченко, Е. В. Пузицкий, В. Ф. Сорокин. М., 1965.

Японские легенды о чудесах IX–XI вв. Пер.: А. Н. Мещеряков. М., 1984.

A Chinese Bestiary: strange creatures from the guideways through mountains and seas. Berkeley — Los Angeles — London, 2002.

An Elizabethan Zoologist // The Cornhill magazine. New series, vol. XXII. London. 1894.

Ashton J. Curious Creatures in Zoology. London, 1890.

Banse, K. Mermaids — their biology, culture, and demise // Limnology and Oceanography, 35 (1), 1990.

Claudian. Phoenix // Claudian. Vol. II. Cambridge, 1922.

Lactantius. Divine Institutes. Buffalo, NY., 1886.

Philostratus. The Life of Apollonius of Tyana. In two volumes. London — New York, 1912.

Pliny the Elder, The Natural History. Интернет-публикация: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.02.0137>.

Smith, William. A Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology. London, 1873.

Veltman K. H. Leonardo da Vinci: Studies of the Human Body and Principles of Anatomy Introduction. Интернет-публикация: [http://www.mmi.unimaas.nl/people/veltman/articles/leonardo/Lenardo da Vinci Studies of the Human Nody and Prinicples of Anatomy.html](http://www.mmi.unimaas.nl/people/veltman/articles/leonardo/Lenardo%20da%20Vinci%20Studies%20of%20the%20Human%20Body%20and%20Principles%20of%20Anatomy.html).

Оригиналы и переводы древних текстов на сайтах

LacusCurtius:

<http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/home.html>.

Perseus Digital Library: <http://www.perseus.tufts.edu>.

Восточная литература: <http://www.vostlit.info>.

История древнего Рима: <http://ancientrome.ru>.

Мир истории: <http://hworld.by.ru>.

Материалы сайтов

Bestiary: энциклопедия вымышленных существ:

<http://www.bestiary.us>.

Dragon's Nest: <http://www.dragons-nest.ru>.

The Medieval Bestiary: <http://www.bestiary.ca>.

Theoi Greek Mythology: <http://www.theoi.com>.

Википедия (Интернет-энциклопедия): <http://ru.wikipedia.org>.

КИГРУ: <http://www.kigr.ru/>.

Мифологическая энциклопедия: <http://myfhology.narod.ru>.

Русская старина: <http://www.starina-rus.ru>.

Сайт Восточного института Чикагского университета:

<http://oi.uchicago.edu>.

Сайт клана Келли: <http://www.kelly-clan.com>.

Сайт музея Лувр: <http://www.louvre.fr>.

Сайт Русского центра флаговедения и геральдики:

<http://www.heraldicum.ru>.

Указатель мифозоев

Аванк — см. Афанк

агишки 195

ажн 23

Ажи-Дахака 23, 24

Алкнией (гигант) 33–34

Алконост 179–181, 183

Амт (Аммат) 16

амфибена 144, 145

Апол 11, 12

аспид 208

аспидомелон 261

Афанк (Аванк) 193

балаур 205, 206

баосю 233

баргест 193

баша 248

бифан 237, 244

бо 233

Бог Халма 232

бочи 232

Бриарей (Эгеон) 25, 26, 31, 32,
35–37

бубри 197

быки

 быки Эета 101

 быки эльфийские 194, 195

вань 237

василиск 145, 146, 163–165

Васим 260

вепрь Каллидонский 80

верблюдопардус 177

витренник 206

водяной 265

Гайтраш 193

Гамаюн 183–185

гарпия 103–107

Гаруда 185

гекатонхейр 25–32, 35–38

Герион 39, 40, 50, 51, 71, 72

гигант 32–35

гибра Лернейская 51–56

Гнес 25–26, 32, 36

Голатишак 22

Гоу-ман 244

грим 193, 194

грифон (гриф) 17, 21, 151–
154

гувьгувань 232

Гунь 244, 245

дафын 248

Дельфина (драконца) 46

дракон

 дракон абиссинский 215, 216

 дракон Кама 98–102

 дракон колхидский 39–61

 дракон-чусин — см. чусин

 драконы античные крылатые 102, 103, 141–143

- драконы арабского востока 212–213
- драконы африканские 141–143, 215, 216, 229, 230
- драконы восточноевропейские — см. змеи *восточноевропейские*
- драконы западноевропейские 200–204, 207, 219–223, 227–229
- драконы китайские (и центральноазиатские) 213–215, 219, 220, 235, 244, 245, 249–254
- драконы корейские 254–255
- драконы хоботные 214, 215
- драконы японские 254–258
- см. также змеи.
- дундун 240
- единорог 163, 168–173, см. также *цалымь*
- Ермунганд 199
- Ехидна 41, 49–52
- Жар-птица 185, 186
- жу 232, 237
- жучжэн 239
- жэньюй 237
- Зилант 209
- змеи
- змей древнеегипетские 11–13
 - змей восточноевропейские 205–211, 220–223
 - Змей Горыныч 208
 - змеи морской летучий 211, 212
 - Змей Огненный 208
 - см. также дракон, *Тугарин*, *Змеюля*
- Ини-Ухенеф 12
- Индрик (см. также *единорог*) 173
- ино 263, 264
- Итнжао 232
- кабилл-ушти 195
- кампелард 177
- Кампа 27–30, 51, 53
- каппа 258, 259
- Кара 22
- Каршипта 23
- катаблепас 146, 147
- келпи 196
- кентавр 118–130, 163, 174–176
- Кербер — см. *Цербер*.
- кинокефал (киноцефал) 155–158, 162
- Китоврас 174, 175
- кит-рыба 173
- «киты» Посейдона
- тройянский 94–96
- эфиопский 92–94
- козлы Тора 198
- кокатрикс — см. *вазмек*
- кони водяные 195–197
- котик морской пышнохвостый 268
- Котт 25–26, 29, 32, 36
- кракен 262
- крокодил 176, 177, 208
- Куй 235
- Ку-Ши 194
- Ладон 57, 58
- ламассу (ляма) 20
- Ламашту 20, 21
- Ламия (ламии) 115–118
- лев
- лев Киферонский 78
 - лев Немецкий 77–79
- левкрокота 160
- лиху 234

- лошадь небесная 233
луань — см. *фанхуан*
лунджи 234
лушьюй 234
люди-скорпионы 19
- мэкара 214
малис 213
мантукора 160, 161
медуза (рыба) русская 176
Мерит-Сегер 12
Мехен-та 12
Минотаур 130–135
морские люди 267
Мушхуш 18
- нава-рупа 214, 215
Небесный Бог 232
Нидхэгг 198
Нюй-ва 244
- Огнивак 185
оножентавр 163
Орел (Зевсов) 76–77
Орф (Орт, Ортр) 40, 50, 51, 67, 71, 72, 78
- Пазузу 20, 21
Пегас 64, 65, 135–139
пиньса-рупа 214, 215
Пифон 43–46
Полотитель миллионов 15
Пожиратель ослов 15
Полибот (гигант) 34
Полкан 175, 176
Порфирион (гигант) 34
птицы стимфалийские 112–114
- Рататоск 198
регул — см. *васимек*
русалка рыбохвостая 178, 264–267
рыбы
рыба-кит — см. *кит-рыба*
рыба хищная ленинградская 268
рыбы-острова 190, 260–262
см. также: *аслидохлеон*,
Васем, *Яскапий*
- саламандра 165–168, 237
свинья Кроммюнская (Фэй,
Фей) 51, 79
сепоу 234
Семаргл — см. *Симаргл*
Сенмурв 23, 178
Сехримнир 198
сечжай 247
си 239
Симаргл 177, 178
сирена
сирена античная 107–112,
181
сирена средневековая
(рыбохвостая) 181
Сирия 181–183, 185, 192
сируш 18
Скилла — см. *Симла*
Слейпнир 198, 199
Страж Пустыни 12
Страфиль-птица 173, 174
суаньюй 237
сфинкс
Сфинкс греческий (Сфинга)
65–71
сфинкс египетский 16, 66
- цилла
Симла (Скилла) 81–88, 92
цилла двушнкая 89
Сэрвар (Срорвар, Срувар) 24
Сянлю 245
сно 237
- таранд 154–155
Тифон 40–43, 46–53

- Тот, кто отражает оскверненного 15
 Тугарин Змеевич 177, 208, 209
- Фафнир 203, 204
 феникс 147–151, 184, 238, 239
 Фенрир 199
 Фея (Фэя) — см. *свинья Крам-мюсская*
 Фу-си 244, 251
 фындя 249
 фындяшшоу 242
 фэй 234
 фэн — см. *фоксуан*
 фэнхуан (китайская разновидность феникса) 238, 239
- Хантай 264
 Хань-лю 245
 Харибла 85–92, 111
 Хейдрун 198
 Химера 61–65, 136
 Хирон 122–126
 Хора 21, 22
 хуа 234
 хуан — см. *фоксуан*
 Хун-ди 238, 244, 246, 251, 252
 хуаньшу 240
 Хуапа (Хумбаба) 18, 19
 Хума (Хумайя) — см. *Гамаян*
 хэй-чи-лун (дракон водяной центральноазиатский) 213, 214
 Хэ-Бо 263
 Хало 236
- Щербер 71–76
 щочи 248
 щюин 248
 щилинь 239, 240
- щияо 238
 щунцун 234
 щюй 237
 щюнци 233, 246, 247
- чанфу 232
 человеко-медузы 268
 червь индийский речной 159, 160
 чжи 236
 Чжунь (Чжу-лун) 236
 чи 237
 Чинамрош 23
 чудовище Лох-Гарманское 187
 чусин 214
 чэнхуан 240
- шаркань 206, 207
 шеду 20
 шижюу 242, 243
 шуху 233
- зал 160
 Эгеон — см. *Бриарей*.
 Эйкторнир 198
 эксихейр 38, 39
 Эмпуса (эмпусы) 115, 117–118
 Энкелад (гигант) 34
 эфидя 197
 эх-уше 195, 196
- ю 236
 юй 237
 Юв 245, 246, 251
 юю 234, 245, 247
- якул 143
 Ямата-но ворота 256
 Ясконтий 190, 261
 Яюв 247

Содержание

От авторов	5
Древний Ближний Восток	9
Порождения Гея	25
Дети Ехидны	53
Подданные Посейдона	81
Жители Ойкумены	98
По следам античных путешественников	140
Мифозои земные и райские	162
У кельтов и норманнов	187
Драконы	200
В Поднебесной и ее окрестностях	231
Обитатели вод	260
<i>Библиография</i>	269
<i>Указатель мифозоев</i>	279

- Ивick О.**
И17 История и зоология мифических животных / Олег Ивick. — М. : Ломоносовъ, — 2012. — 288 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-107-6

Первые свидетельства о мифических животных относятся к эпохе верхнего палеолита — именно в это время художники начинают рисовать их на стенах пещер. О фантастических существах писали древние авторы, их «встречали» во время своих странствий путешественники и паломники. В средние века их охотно изображали геральдисты и описывали в своих бестарых литераторы. Потом интерес к мифическим животным упал, да и «встречаться» с ними людям приходилось все реже — лишь моряки порой видели их выходящими из морской пучины. Но двадцатый век неожиданно всколыхнул увлечение существами, которые давно канули в Лету. Биологи придумали специальный термин «мифозон» и стали с увлечением изучать их особенности.

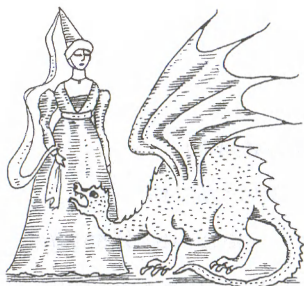
О мифических животных, их взаимоотношениях с людьми и об истории их изучения рассказывает новая книга Олега Ивicka. Ранее в издательстве «Ломоносовъ» вышли его книги «История человеческих жертвоприношений», «Женщины-воины: от амазонок до кунити» и «История сексуальных запретов и предписаний».

УДК 392
ББК 63.3(0)

История. География. Этнография

Олег Ивик

История и зоология
мифических животных

Редактор О. Иванов
Верстка А. Кашафудиновой

Подписано в печать 22.09.2011.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 18. Тираж 1500 экз. Заказ № 6810.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский, д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.оаомпк.ru, www.оаомпк.рф

тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ также ВЫШЛИ:

Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо

Виталий Бабенко. Земля — вид сверху

Ольга Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «Ивана»

Владислав Петров. Три карты усатой княгини

Свен Хелин. В сердце Азии

Геннадий Коваленко. Русские и шведы от Рюрика до Ленина

Лев Минц. Придуманные люди с острова Минданао

Бенгт Янгфельдт. От варягов до Нобеля

Олег Ивик. История человеческих жертвоприношений

Анна Мурадова. Кельты анфас и в профиль

Даниэль Клугер. Тайна капитана Немо

Валерий Гуляев. Доколумбовы плавания в Америку

Светлана Плетнева. Половцы

Ким Малаховский. Пираты британской короны

Фрэнсис Дрейк и Уильям Дампир

Алексис Трубецкой. Крымская война

Валерий Гуляев. Загадки индейских цивилизаций

Олег Ивик. Женщины-воины: от амазонок до кунюити

Виолет Вануайек. Великие загадки Древнего Египта
Яков Свет. За кормой сто тысяч ли
Лев Минц. Блистательный Химьяр и плиссировка юбок
Аксель Одельберг. Невыдуманные приключения
Свена Хедина
Гомбожаб Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета
Никита Кривцов. Сейшелы — осколки трех континентов
Олег Ивник. История сексуальных запретов и предписаний
Виктор Бердинских. Речи немых
Светлана Федорова. Русская Америка:
от первых поселений до продажи Аляски
Стаффан Скотт. Династия Бернадотов: короли, принцы
и прочие...
Геннадий Левицкий. Самые богатые люди Древнего мира
Георгий Вернадский. Монголы и Русь
Наталья Пушкарева. Частная жизнь женщины в Древней
Руси и Московии: невеста, жена и любовница
В. Белявский. Вавилон легендарный и Вавилон
исторический

Олег Ивик
История
и зоология
мифических
животных

На земле не было народа, который не имел бы своих мифозоев — так именуют мифических животных современные биологи.

В древности жителей Месопотамии охраняли крылатые львы с мужской головой и пятью ногами. Китайские и корейские хроники пестрят сообщениями о драконах. У ворот греческого Тартара обитали сторукие гекатонхейры, по земле Эллады носились стада кентавров, в море бесчинствовали Сцилла и Харибда, а по воздуху летали вечно голодные гарпии. Мало что изменилось в христианскую эпоху: на окраинах Ойкумены обитали люди с песьими головами, святые усмиряли гигантских змиев, колдуны разводили василисков, в каминах резвились саламандры, а европейские монархи платили огромные деньги за рога единорога.

О зоологии и истории изучения мифозоев рассказывает книга Олега Ивика. Ранее в издательстве «Ломоносовъ» вышли его книги «История человеческих жертвоприношений», «Женщины-воины: от амазонок до куноити» и «История сексуальных запретов и предписаний».

ISBN 978-5-91678-107-6

9 785916 781076